СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ПЕТРА ЛАВРОВИЧА ЛАВРОВА

СТАТЬИ

ПО

ФИЛОСОФІИ

ВЫП. II

П. Т. Г.
1918

РЕВОЛЮЦИОННАЯ
МЫСЛЬ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ПЕТРА ЛАВРОВИЧА ЛАВРОВА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Н. РУСАНОВА, П. ВИТЯЗЕВА и А. ГИЗЕТТИ.

I СЕРІЯ.

ИЗД-СКОЕ Т-ВО
„РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ".

П. Л. ЛАВРОВЪ.

СТАТЬИ
ПО ФИЛОСОФІИ.

ВЫПУСКЪ II.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Прод 38

Отъ Комиссаріата Народнаго Просвѣщенія.

Сочиненія П. Л. Лаврова монополизированы государствомъ на пять лѣтъ до 31 декабря 1922 года.

Въ виду того, что книгоиздательство «Революціонная Мысль» приступило къ изданію сочиненій П. Л. Лаврова ранѣе появленія декрета о Государственномъ Издательствѣ, ему разрѣшается выпустить ихъ въ 50 выпускахъ, по 4.000 экземпляровъ каждый.

Правительственный Комиссаръ *П. И. Лебедевъ-Полянскій.*

11/III 1918 г.

Типографія Министерства Земледѣлія, Моховая, 40.

Механическая теорія міра [1]).

Современный споръ между германскими мыслителями.—Древнее поклоненіе природѣ.—Невидимыя силы.—Духъ и душа.—Демонологія.—Греческая и средневѣковая психологія.—Вѣкъ возрожденія естествознанія.—Неизмѣнность законовъ природы.—Философія XVIII вѣка.—Идеализмъ. Его кризисъ.—Успѣхи естественныхъ наукъ.—Новые матеріалисты и ихъ противники.—Сущность матеріализма; вещество; сила.—Механическая теорія міра; насколько она вошла въ науку?—Появленіе организмовъ.—Жизненная сила.—Цѣли въ природѣ.—Мозгъ и явленіе сознанія.—Ненаучность всѣхъ рѣшеній вопроса.—Душа животныхъ.—Произволъ.—Матеріализмъ, какъ метафизическая система и вѣрованіе; его философскіе недостатки; привлекательныя стороны его; нравственное его значеніе.—Можетъ ли онъ сдѣлаться убѣжденіемъ большинства въ наше время?—Необходимость науки явленій духа.—Будущая философія.—Предположеніе о будущемъ движеніи науки.

За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ вспыхнула въ Германіи ожесточенная борьба между новыми матеріалистами и приверженцами стараго преданія; мало по малу въ нее вмѣшались представители всѣхъ философскихъ ученій, оставившихъ слѣды въ Германіи. Каждому приходилось высказать болѣе или менѣе ясно свое убѣжденіе относительно важнѣйшихъ вопросовъ человѣческой метафизики: относительно природы и внѣміровыхъ силъ, относительно тѣла и души, происхожденія человѣка и его будущей судьбы. Проклятія и насмѣшки, обвиненія въ безнравственности и въ ограниченности сыпались съ разныхъ сторонъ. Мало по малу волненіе улеглось; самые крайніе противники стали дѣлать уступки; большинство стало искать средней точки, примирительнаго положенія между крайностями, осуждая ту и другую и, смотря по личному настроенію духа, сближаясь съ той или другой. Теперь можно уже спокойно взглянуть на эту борьбу, опредѣлить ея

[1]) «Отеч. Записки» 1859 г., № 4. Подпись—П. Лавровъ. Ред.

главные вопросы, тѣ пункты, которые надолго, если не навсегда, останутся спорными, и уяснить себѣ далекіе историческіе корни представленій, которымъ суждено еще много разъ сталкиваться въ развитіи человѣческой мысли.

Во всѣ времена человѣкъ противополагалъ себя, свое сознаваемое *я*, не только внѣшнему міру, но и собственному тѣлу; всегда, болѣе или менѣе, опредѣлительно отличалъ сознаніе отъ всѣхъ прочихъ сознаваемыхъ явленій. Былъ ли онъ правъ или нѣтъ—это другое дѣло, но природа ему являлась, какъ нѣчто внѣшнее. Вѣчная борьба съ нею составляетъ исторію человѣчества; побѣды человѣка въ этой борьбѣ были эпохами развитія. Но эта борьба была особенно трудна для первыхъ человѣческихъ обществъ. Явленія природы были страшными врагами для человѣка, и рѣдко онъ могъ надѣяться побѣдить ихъ. Чаще онъ преклонялся предъ ними, умоляя ихъ помочь ему или пощадить его. Сознавая въ себѣ способность двигаться и дѣйствовать нераздѣльно съ самосознаніемъ, съ способностью слушать и принимать извнѣ впечатлѣнія, съ способностью любить и ненавидѣть, щадить и казнить, помогать или отказывать въ помощи, человѣкъ переносилъ всѣ эти способности на все, что̀ дѣйствовало и двигалось. Ребенокъ и теперь представляетъ намъ это стремленіе олицетворять предметы, и дикій островитянинъ, наравнѣ съ неразвитымъ классомъ Южной и Восточной Европы, сохранилъ дѣтское стремленіе наказывать или награждать своего фетиша за радость или горе его поклонника. Всѣ видимые предметы, благодѣтельные и грозные, стали около человѣка рядомъ фетишей, одаренныхъ въ фантазіи дикаря личнымъ сознаніемъ и сверхчеловѣческою силою.

Но, на-ряду съ видимыми предметами поклоненія, человѣка особенно поразили невидимыя силы, дѣйствіе которыхъ было для него ощутительно, но для которыхъ у него не было формы. Онъ слышалъ свистъ; онъ чувствовалъ на себѣ силу; онъ видѣлъ, какъ лѣса преклонялись, деревья были вырваны съ корнемъ, волны покрывали поверхность воды; онъ видѣлъ, ка́къ его собственный шалашъ разрушался, но онъ не видалъ, *кто* заключалъ въ себѣ эту силу. Это было для человѣчества первое откровеніе невидимаго. Поклоняясь невидимому вихрю, человѣкъ поклонялся невидимому *духу* природы.

Съ этимъ явленіемъ соединилось другое. Около человѣка умирали его близкіе; онъ поражалъ животныхъ на охотѣ, своего врага въ битвѣ, и когда онъ склонялся надъ трупомъ, чтобъ убѣдиться, дѣйствительно ли жизнь прекрати-

лась, то лучшимъ признакомъ смерти служило отсутствіе дыханія. Дыханіе отлетѣло—и движеніе, жизнь, воля, дѣйствіе прекратились. Въ дыханіи человѣкъ сталъ искать начало жизни и движенія, силу оживляющую и движущую. Дыханіе стало для человѣчества особымъ существомъ, способнымъ оживить тѣло своимъ присутствіемъ, умертвить тѣло разлукою съ нимъ. Это было существо, однородное духу, который въ бурѣ налеталъ на природу. Это была санскритская *атма*, еврейскій *руахъ*, греческая *пнеума* (Πνεῦμα), латинскій spiritus, германскій Geist, славянская *душа* или *духъ*.

Поэтическая фантазія Востока построила цѣлую теорію отлетѣвшихъ душъ и могучихъ духовъ природы. Агурамазда (Ормуздъ, господинъ многознающій) и Анграмаиніусъ (Аримань, дурное-мыслящій) окружились полчищами воинственныхъ духовъ. Подобные же духи стали около престола другихъ народныхъ боговъ Азіи. Десятки тысячъ сефиротовъ стѣснились около новаго еврея. Борьба за душу закипѣла между невидимыми врагами около колыбели и смертнаго одра. Демоны, феи, кобольды наполнили природу. Заклинанія духовъ, черная магія... сдѣлались однимъ изъ обыкновенныхъ явленій въ вѣрованіи народовъ, начиная съ якутовъ до бретонцевъ. Истерическій вопль кликуши сталъ знáкомъ присутствія нечистой силы... Міръ невидимый сдѣлался міромъ страшныхъ призраковъ.

Между тѣмъ, параллельно съ демонологіей, въ меньшинствѣ образованныхъ классовъ развивалась теорія души человѣка. Греческіе философы стремились въ этой теоріи примирить отвлеченныя начала, ими созданныя, съ явленіями человѣческой жизни. Эти отвлеченныя начала нашли себѣ первое философское выраженіе въ міросозерцаніяхъ двухъ гигантовъ греческой мысли: Платона и Аристотеля. Для Платона душа невещественна; она есть невидимая, повелѣвающая сущность нашего бытія, и ей повинуется видимое тѣло. Всѣ свойства, ей приписываемыя, отрицательны и могли бы точно также относиться къ несуществующему предмету. Аристотель создалъ для этого отрицательнаго представленія загадочное выраженіе *энтелехіи*, начала, которое выражается цѣлесообразною дѣятельностью, но сущность котораго остается непостижимою. Послѣдователи Аристотеля, повторяя его слова, позабыли въ нихъ искать дѣйствительное содержаніе.

Но дѣйствительныя явленія жизни влекли другія греческія школы къ болѣе матеріальному опредѣленію души. Ана-

ксименъ, Пиѳагоръ, Эмпедоклъ, Ксенофанъ, Парменидъ, Гераклитъ опредѣляли душу, какъ воздухъ, часть эѳира или соединеніе четырехъ стихій. Левкиппъ, Демокритъ и эпикурейцы полагали, что она состоитъ изъ атомовъ. Неоплатоники, мыслители первыхъ временъ христіанства и средневѣковые ученые слѣдовали частью Аристотелю или тому, что въ средніе вѣка принимали за Аристотеля. Чтобъ приноровиться къ разнообразію явленій тѣла, приняли нѣсколько различныхъ душъ въ человѣкѣ: питающую, чувствующую, движущую, желающую и разумную, изъ которыхъ безсмертна только послѣдняя. Одни писатели уменьшали, другіе увеличивали число различныхъ душъ. Первые христіанскіе мыслители были раздѣлены по мнѣнію о происхожденіи души: одни принимали существованіе души до рожденія человѣка, другіе—ея созданіе въ мгновеніе рожденія, третьи—развитіе всѣхъ человѣческихъ душъ изъ души Адама. Важное вліяніе на эти мнѣнія имѣло принятіе догмата наслѣдственнаго грѣха и благодати.

Но съ утвержденіемъ средневѣковаго догматическаго ученія болѣе и болѣе выставлялась на видъ двойственность, внесенная въ мысль человѣка новыми воззрѣніями. Природа и человѣкъ, или, точнѣе, явленія физическія и явленія сознанія представлялись, какъ два противоположные міра, разрозненные по самой сущности, какъ царство зла и добра въ религіи Зороастра... Понятно, что это міросозерцаніе должно было имѣть слѣдствіемъ теорію человѣка, въ которой начало безсмертнаго духа и грѣховнаго тѣла не только не могли быть тожественны, но должны были различаться по сущности. Гуго де Сенъ-Викторъ (S-t Victor) создалъ представленіе матеріальной души, состоящей изъ огня и воздуха, живущей въ сердцѣ, оттуда переходящей въ мозгъ, производящей пять чувствъ, образы воображенія и доставляющей, такимъ образомъ, разумной невещественной душѣ матеріалъ для ея мышленія. Это мнѣніе, принятое Альбертомъ Великимъ, Ѳомою Аквинатомъ, Дунсомъ Скоттомъ, весьма распространилось, проникло въ общество и до сихъ поръ, въ исправленномъ видѣ, болѣе сообразномъ съ новѣйшими физіологическими открытіями, составляетъ основаніе теоріи души большей части такъ называемыхъ спиритуалистовъ. Но эта двойственность, перенесенная изъ религіознаго міросозерцанія внутрь единаго существа человѣка, возбудила немедленно вопросъ: какимъ образомъ эти два различные міра, существуя вмѣстѣ, дѣйствуютъ одинъ на другой? И какимъ образомъ происходитъ

соглашеніе ихъ проявленій въ здоровомъ человѣкѣ? Для избѣжанія этихъ затрудненій, схоластики придумывали различныя искусственныя комбинаціи: соприкосновеніе силъ, физическій инфлуксъ между тѣломъ и душой и т. д.; другіе держались мнѣнія искаженнаго Аристотеля, приближаясь то къ отвлеченному понятію Платона и его ученика, то къ матеріальному взгляду другихъ древнихъ школъ.

Всѣ теоріи, о которыхъ мы говорили: теорія духовъ природы, которая разрослась въ древнія системы языческихъ боговъ, въ средневѣковую демонологію, различныя теоріи духовнаго начала въ человѣкѣ, вышли изъ понятія о произволѣ въ природѣ... Но наставало другое время. Начинался XVII вѣкъ.

Это было время великихъ людей науки природы; это былъ періодъ зарожденія философіи новаго времени. Въ 1543 году умеръ Коперникъ, едва бросивъ потухавшій взглядъ на первый экземпляръ своего великаго творенія. Скоро послѣ того, въ теченіе одиннадцати лѣтъ (съ 1561 по 1572), родились Бэконъ, Кеплеръ и Галилей. Въ послѣдній годъ шестнадцатаго столѣтія надъ костромъ, на которомъ сжигали Джіордано Бруно, загорѣлось новое свѣтило въ созвѣздіи Лебедя, одно изъ тѣхъ трехъ яркихъ свѣтилъ, которыми сама природа какъ-бы призывала въ это время вниманіе человѣка на свои неизмѣнные законы [1]). Эта звѣзда въ продолженіе своего двадцати-одного-лѣтняго сіянія видѣла изобрѣтеніе телескопа и микроскопа, открытіе трехъ законовъ планетнаго движенія Кеплеромъ, видѣла, какъ Галилей описывалъ міръ спутниковъ Юпитера, фазисы Венеры, странное строеніе Сатурна, солнечныя пятна. Она свѣтила надъ Римомъ, когда система Коперника была предана проклятію; она свѣтила надъ Англіею въ то время, когда Бэконъ писалъ бо́льшую часть своихъ безсмертныхъ сочиненій, положившихъ начала философіи опыта и наведенія; она горѣла, можетъ-быть, и тогда, когда Гэрве излагалъ въ первый разъ на лекціяхъ обращеніе крови [2]). Въ самый годъ ея появленія вышло въ Парижѣ сочиненіе Жильбера, предугадавшаго современную физику. При ней Галилей и Гюйгенсъ полагали основанія современной механикѣ. Она угасла въ тотъ годъ, когда отецъ умо-

[1]) Замѣчательно, что въ послѣднія 2000 лѣтъ замѣчена съ неодинаковою достовѣрностью 21 новая временная звѣзда и три изъ нихъ видимы были въ Европѣ въ короткій промежутокъ 32 лѣтъ (1572—1604).

[2]) Гэрве началъ преподаваніе въ варѳоломеевскомъ госпиталѣ, въ 1615 году. Онъ напечаталъ свое открытіе въ 1628 г.

зрительной философіи новаго времени, Декартъ, оставлялъ военную службу, чтобъ предаться на свободѣ размышленію, изъ котораго родился его знаменитый «Методъ», въ тотъ самый годъ, когда великій философъ и знаменитый канцлеръ Англіи падалъ, обличенный во взяточничествѣ. Чрезъ одиннадцать лѣтъ послѣ того, два года послѣ смерти Кеплера, великій Галилей, подъ угрозою пытокъ инквизиціи, или измученный ими [1]), отрекался отъ системы Коперника; но въ самый годъ его пытки рождались Спиноза и Локкъ... Ослѣпшій Галилей могъ еще слушать предъ смертью первыя произведенія Декарта [2]). Галилей умеръ въ тотъ годъ, когда родился законодатель небесъ, Ньютонъ, и когда первый изъ новыхъ матеріалистовъ, Гоббесъ, писалъ свое разсужденіе о государствѣ (1642).

Въ одинъ годъ съ Галилеемъ умеръ кардиналъ Ришелье; но если сравнить очеркъ политической исторіи Европы въ сто лѣтъ, прошедшихъ со смерти Коперника до смерти Галилея, съ картиною развитія человѣческой мысли въ этотъ же періодъ, то невольно приходитъ на мысль вопросъ: гдѣ *дѣйствительная* жизнь человѣчества: въ кровавой ли фантасмагоріи религіозныхъ войнъ во Франціи, тридцатилѣтней войны въ Германіи, смутнаго времени въ Россіи? Въ фанатизмѣ ли Филиппа II, Маріи Тюдоръ, герцога Альбы? Въ завоеваніяхъ ли и въ казняхъ Іоанна Грознаго? Въ честолюбіи ли Гизовъ, Ришелье, Валленштейна? Или въ могучей мысли Бэкона, Кеплера, Галилея, Бруно, Декарта, въ фантазіи Шекспира, Лопе де-Веги, Рембрандта, Пуссена, Палестрины? Кого поставитъ будущій историкъ человѣчества на первый планъ: тѣхъ ли, имена которыхъ мы сейчасъ назвали, или Генриха IV, Елизавету, Густава-Адольфа, Ришелье? Назоветъ ли онъ это время періодомъ великаго возрожденія естествознанія, или періодомъ религіозныхъ войнъ и возвышенія монархической власти? Конечно, то и другое составляетъ неотъемлемую принадлеж-

---

[1]) Одинъ іезуитъ донесъ папѣ Урбану, что Галилей подразумѣваетъ его, папу, подъ личностью Симплиціуса въ разговорахъ о системѣ Коперника. Это послужило, какъ полагаютъ, главнымъ поводомъ къ преслѣдованію знаменитаго ученаго — такъ ненова система отыскивать личные намеки въ самыхъ невинныхъ словахъ, рисункахъ и пѣсняхъ... Галилей подвергся допросу въ 1632 г., отрекся въ 1633 году 22 іюня. Вопросъ о томъ, былъ ли Галилей дѣйствительно подвергнутъ пыткѣ, еще не рѣшенъ. Віо, на основаніи строгой критики свидѣтельствъ, отвергаетъ это. Другіе писатели считаютъ пытку Галилея безспорною истиною.

[2]) Декартовы «Essays philosophiques» появились въ 1636 г., «Meditationes»—въ 1641 году.

ность разсматриваемаго періода; но въ исторической эпохѣ, какъ въ отдѣльной личности, человѣкъ ищетъ всегда одну главную характеристическую черту, черту, принадлежащую не отживающимъ остаткамъ прошлаго, но живымъ началамъ будущаго, черту наиболѣе человѣчную. Этою чертою человѣкъ опредѣляетъ эпоху и личность.

Недавно на публичной лекціи г. Стасюлевичъ провелъ параллель между политической революціей снизу, совершившейся во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, и насильственною перестройкою французскаго общества сверху, съ которою связаны имена Генриха IV, Ришелье, Мазарини, Людовика XIV. Краснорѣчивый профессоръ назвалъ послѣднюю перестройку революціею. О словахъ споръ безполезенъ; но едва-ли справедливо подвести ломающую дѣятельность нѣсколькихъ личностей подъ ту же формулу, въ которой обыкновенно признаютъ общественный взрывъ...

Но въ началѣ семнадцатаго столѣтія началась, дѣйствительно, весьма важная для человѣчества революція... Это не была революція политическая, но она хранила въ себѣ зерно всѣхъ будущихъ переворотовъ. Это была война въ мысли, мало оцѣненная поверхностными наблюдателями, потому что ея битвы шли въ тишинѣ кабинетовъ, въ глубинѣ непокорнаго духа, въ аудиторіяхъ университетовъ; ея герои сражались брошюрами и фоліантами, математическими формулами, микроскопическими наблюденіями и латинскими цитатами; ея мученики были не Монморанси, не Эгмонты, не Анны Болейнъ, но въ ней выработалось великое историческое начало: *законъ*.

Природа подчинена неизмѣннымъ законамъ. Это былъ смыслъ, не всегда ясно высказанный, трудовъ Бэкона, Галилея, Кеплера, Декарта, Ньютона, Лейбница. Только на этомъ основаніи могло воздвигнуться знаніе природы... Но великіе революціонеры естествознанія XVII вѣка не могли себѣ представить, какіе кумиры, для нихъ еще почтенные, будутъ падать во имя неизмѣнности законовъ природы.

Первое слѣдствіе этого понятія проявилось въ быстромъ очищеніи науки отъ наростовъ магіи, астрологіи, которые такъ тѣсно были связаны съ учеными разысканіями XV и начала XVI вѣковъ. Конечно, вѣрованіе въ таинственныя силы осталось въ обществѣ: еще въ XVIII вѣкѣ сжигали кое-гдѣ колдуній, и стукающіе духи до сихъ поръ пугаютъ адептовъ; но кругъ вѣрующихъ рѣдѣетъ и неизмѣняемость законовъ природы является великимъ заклинаніемъ, котораго демоны

нашего времени боятся гораздо болѣе прежнихъ экзорцизмовъ. «Произвола нѣтъ въ природѣ». Какъ только эта мысль вошла въ убѣжденіе, немедленно... сдѣлались невозможными всѣ колдуны, шаманы, маги, въ ничто обратились всѣ боги древности... всѣ эти существа, потому и для того лишь живущіе, чтобъ нарушать законы природы для удовлетворенія своей страсти... Всѣ эти лѣса, съ помощью которыхъ человѣкъ возводилъ храмъ пониманія природы, могли быть разрушены разомъ, когда куполъ неизмѣннаго закона всталъ предъ глазами человѣчества, и оно могло заняться отдѣлкою частностей съ полнымъ сознаніемъ, что этотъ куполъ воздвигнутъ навсегда.

Скоро пришли работники для разрушенія лѣсовъ... Англія и Франція выдвинули фалангу мыслителей съ обширною начитанностью, съ блестящимъ талантомъ, съ ѣдкимъ сарказмомъ. Преданія были поставлены лицомъ къ лицу съ результатами науки; каждый день одни читали съ смѣхомъ, другіе съ ужасомъ, новое нападеніе на какой-либо пунктъ преданія. Нападающіе были большею частью непослѣдовательны. Отвергая подробности, они въ то же время увѣряли въ своемъ искреннемъ уваженіи ко всему остальному, иногда лицемѣрно, большею частью искренно. Самые искусные бойцы остерегались систематическаго созданія ученія, но ограничивались критикою ученія противниковъ, лишь изрѣдка излагая отрывочныя, иногда противорѣчивыя мнѣнія о положительной сторонѣ спорныхъ вопросовъ. Таково было большинство англійскихъ мыслителей этой школы; на этой ступени стояли Вольтеръ, д'Аламберъ. Но, наконецъ, школа рѣшилась высказать свое положительное мнѣніе, построить теорію въ противоположеніе теоріи противниковъ, объявить свое убѣжденіе. Смѣлѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи явилась «Система природы», приписываемая Гольбаху и Дидро. Рядомъ съ ней стояли произведенія Гельвеціуса «Объ умѣ» (De l'esprit) и «О человѣкѣ» и, несравненно ниже по таланту, статьи Ламеттри «Человѣкъ-машина», и тому подобныя. Не считаемъ нужнымъ упоминать объ огромной массѣ брошюръ, повторявшихъ слова предводителей школы, разсчитывавшихъ на скандалъ и часто соединявшихъ общія теоріи съ самою грязною проповѣдью чувственнаго разврата. Ничто не повредило такъ матеріализму XVIII вѣка, какъ этотъ хвостъ его, выросшій на почвѣ парижскаго общества, которому высшее дворянство и придворное католическое духовенство давало уроки разврата. Но Гольбаха и Гельвеціуса мы не имѣемъ ни малѣйшаго права заподозрить въ неискренности убѣжденія, въ

разсчетѣ на скандалъ или въ какихъ-либо недостойныхъ цѣляхъ. Личность этихъ людей, такъ, какъ она представляется въ запискахъ современниковъ, не дозволяетъ намъ подобнаго подозрѣнія, и они не должны отвѣчать за то, что писали ихъ послѣдователи. Они откровенно высказывали свое мнѣніе—вотъ и все, и современныя свидѣтельства показываютъ, что это были далеко не ихъ личныя мнѣнія. «Онъ высказалъ тайну каждаго»— говорила Дюдеффанъ о Гельвеціусѣ.

Мы еще будемъ имѣть ниже случай вернуться къ основаніямъ ученія писателей, о которыхъ говоримъ, потому что ихъ начала почти тождественны съ началами современныхъ матеріалистовъ. Огромная разница между тѣми и другими заключается преимущественно въ относительномъ значеніи теоретической и практической философіи въ обоихъ ученіяхъ. Современные намъ матеріалисты мало говорятъ о нравственности и политикѣ; они избѣгаютъ этихъ вопросовъ или стараются доказать, что ихъ нравственно-политическія мнѣнія сходятся съ существующими либеральными теоріями практической жизни. Наше время до того анализировало, раздробляло, перестраивало нравственно-политическія теоріи, что его ничѣмъ не удивишь. Главная полемика современныхъ матеріалистовъ направлена на область метафизики, на основныя теоретическія понятія. Авторъ «Силы и вещества» [1]), одинъ изъ крайнихъ матеріалистовъ нашего времени, исключилъ даже изъ послѣдующихъ изданій своего сочиненія слишкомъ смѣлыя нравственныя теоріи, имъ сначала внесенныя въ главу о человѣкѣ. Совсѣмъ иное было положеніе воиновъ мысли XVIII вѣка. Предъ ними была цѣльная, дряхлая, надоѣвшая практическая система, опиравшаяся на тысячи привычекъ, на фоліанты почтенныхъ цитатъ, на собраніе нравственныхъ правилъ, потерявшихъ смыслъ отъ долгаго заучиванья, на политическое устройство. Эта практическая сторона была на первомъ планѣ; метафизика была лишь орудіемъ; для этого всякая метафизика была пригодна: матеріализмъ Гольбаха, разсудочный деизмъ Вольтера, деизмъ чувства Руссо, деизмъ нравственности Канта...

Поэтому во всѣхъ ихъ сочиненіяхъ на первомъ мѣстѣ стояла полемика противъ существующихъ правилъ, противъ даннаго порядка вещей. Они предоставляли XIX вѣку истолковывать человѣческое значеніе текстовъ; они довольствовались тѣмъ, что осмѣивали ихъ, разрывали на части. Нрав-

[1]) Л. Бюхнеръ. Р е д.

ственныя начала были имъ противны, потому что они были написаны на знамени враговъ, и эти начала были затоптаны ногами. Люди, полные самоотверженія, доказывали, что въ человѣкѣ нѣтъ ничего, кромѣ эгоизма. Проводя жизнь скромно и наслаждаясь преимущественно умомъ и воображеніемъ, многіе изъ нихъ проповѣдывали торжество чувственности. Проповѣдники безнравственности могли служить примѣромъ добродѣтели для развращенныхъ прелатовъ, ихъ проклинавшихъ. Предводители партій были въ этомъ осторожнѣе: они старались отдѣлить нравственность отъ вѣрованій; но и тутъ вездѣ вопросы практическіе стояли на первомъ планѣ. При всемъ сенсуализмѣ Гельвеціуса трудно сказать, былъ ли онъ матеріалистомъ, какъ мы понимаемъ эту теорію. Для многихъ это сомнительно, потому что въ одномъ мѣстѣ онъ отвергаетъ вліянія физическаго устройства человѣка на его нравственныя качества. Всего скорѣе, кажется, можно принять, что Гельвеціусъ объ этомъ и не подумалъ серьезно. Для него главный вопросъ заключался въ нравственной теоріи и ею онъ занялся исключительно. Его политическія мнѣнія имѣли слѣдствіемъ осужденіе его сочиненія совѣтомъ, архіепископомъ парижскимъ, папою, Сорбонною и сожженіе книги по приговору парламента. Руссо сначала напалъ на трудъ Гельвеціуса, но остановился, узнавъ о преслѣдованіи автора. Существуетъ экземпляръ «Объ умѣ», весь исписанный на поляхъ опроверженіями Руссо. Въ «Системѣ природы» высказано было разомъ то, что отрывочно заключалось во множествѣ современныхъ сочиненій, но беззастѣнчивость матеріализма авторовъ, рѣзкость ихъ политическихъ идей, нападеніе на самого Фридриха II, показались слишкомъ смѣлыми предводителямъ партіи здраваго смысла. Вольтеръ возсталъ противъ нихъ за рѣзкость ихъ метафизики и за неровный, то насмѣшливый, то восторженный слогъ, въ двухъ статьяхъ: «Dieu» и «Style» своего Философскаго Лексикона. Д'Аламберъ тоже порицалъ ихъ. Фридрихъ написалъ опроверженіе, которое дало книгѣ еще большій ходъ и сдѣлало изъ нея символъ вѣры крайней партіи XVIII вѣка. Впрочемъ, и въ ней для самихъ авторовъ, какъ для читателей, на первомъ мѣстѣ стояла прикладная, нравственная сторона, а метафизическая теорія матеріализма служила ей только исходною точкою, опираясь на успѣхи естественныхъ наукъ въ XVIII вѣкѣ.

Преданіе было подрыто въ своихъ основаніяхъ. Вольтеріанцы торжествовали; но германское племя возстало во имя нравственныхъ началъ, независимо отъ преданія. На арену

явился новый соперникъ сенсуалистовъ — идеализмъ. Онъ восходилъ къ Декарту, нашелъ себѣ выраженіе въ строгой системѣ Спинозы, въ мистическихъ постройкахъ Малебранша, въ живыхъ монадахъ Лейбница, въ теоріи нравственнаго долга Канта, во всемогуществѣ личнаго сознанія Фихте, въ одушевленной природѣ Шеллинга, въ историческомъ разумѣ Гегеля, въ психологическихъ разысканіяхъ шотландскихъ мыслителей, въ политическомъ эклектизмѣ новой французской школы. Въ этихъ теоріяхъ нравственныя и политическія требованія современности могли найти удовлетвореніе; многія изъ этихъ системъ были именно построены въ виду удовлетворенія этихъ требованій. Борьба во имя спорныхъ пунктовъ практическихъ теорій продолжалась между различными идеалистическими теоріями, часто между приверженцами одной и той же метафизической системы, и нравственныя увлеченія сенсуалистовъ оказывались ненужными, даже противными новому поколѣнію мыслителей. Выходя изъ одной и той же точки зрѣнія, можно было придавать совершенно различную относительную важность лицу, семейству, государству, обществу, долгу, положительному закону, естественному влеченію, добродѣтели. Точно также борьба противъ преданія, служившая главнымъ девизомъ вольтеріанцевъ, происходила теперь въ средѣ самого идеализма. Схоластическое credo quia absurdum имѣло уже мало адептовъ, но въ него старались внести разумное пониманіе, истолкованіе. Одни видѣли въ преданіи безусловную истину, которую можно было... истолковать разумно; другіе принимали его за историческую истину безъ всякаго философскаго содержанія; третьи видѣли въ немъ миѳъ; четвертые — созданіе свободной фантазіи. Удовлетворяя всѣмъ практическимъ настроеніямъ духа, идеалисты торжествовали повсюду; они одни занимали всѣ позиціи; они одни продолжали борьбу своихъ предшественниковъ съ остатками политической и религіозной схоластики, съ теоріями, потерявшими всякій смыслъ и, между тѣмъ, не хотѣвшими умереть.

Во всѣхъ этихъ школахъ идеализма безпрестанно говорилось о душѣ, о человѣческомъ и міровомъ духѣ, о Богѣ, объ идеѣ, о разумѣ, хотя это не мѣшало противникамъ обвинять однихъ мыслителей въ пантеизмѣ, другихъ—въ атеизмѣ, всѣхъ—въ отсутствіи истинной религіи. Эти теоріи дѣйствительно стремились бо́льшею частью безсознательно къ замѣненію дряхлѣющихъ преданій Западной Европы новою системою отвлеченныхъ догматовъ. Вслѣдствіе различныхъ побочныхъ обстоятельствъ въ XIX вѣкѣ, правительства въ Гер-

маніи и Франціи полагали для себя выгоднымъ поддерживать это направленіе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ его отрасляхъ. Такъ, въ Пруссіи гегелизмъ до тридцать-пятыхъ годовъ, въ Баваріи шеллингизмъ, во Франціи ученіе Кузена находили опору въ правительствахъ. Но обстоятельства перемѣнились: соціализмъ предсталъ предъ европейскими политиками съ своими неудобоваримыми вопросами. Правительства повернули къ реакціи. 1848 годъ пронесся бурей по Европѣ, выказывая несостоятельность людей и неполноту теорій. Большая часть идеалистовъ испугалась чудовищнаго сфинкса и не могла отвѣтить на его загадку. Всѣ философскія школы сразу потеряли свое значеніе. Среди вавилонскаго смѣшенія языковъ, надъ возгласами мыслителей, не понимавшихъ другъ друга, слышались только насмѣшливые голоса Фейербаха и Прудона. Тогда выступили новые матеріалисты съ гордымъ девизомъ, который Бюхнеръ поставилъ во главѣ своей знаменитой книги: «Для діалектика міръ есть понятіе, для остроумнаго собесѣдника — образъ, для мечтателя — сонъ, лишь для испытателя онъ есть истина».

Въ самомъ дѣлѣ, ученые испытатели раздвинули широко положительное знаніе природы. Со времени Ньютона вселенная представлялась человѣку огромной механической задачей. Аналитическая механика и анализъ вѣроятностей сдѣлались математическими основаніями науки. Небесная механика связала въ стройное цѣлое всѣ пріобрѣтенія астрономіи и доказала устойчивость ея законовъ. Одна сила тяготѣнія связала всѣ тѣла вселенной. Солнце и звѣзды потеряли свою неподвижность. Въ далекихъ туманныхъ пятнахъ человѣкъ изучалъ процессъ образованія міровъ и высчитывалъ милліоны лѣтъ этой дочеловѣческой исторіи. Математическія формулы указали ученому на небѣ мѣсто, гдѣ онъ долженъ искать новой планеты. Физическія явленія сгруппировались въ нераздѣльное цѣлое, переходя изъ одного въ другое, являясь попеременно причиной и слѣдствіемъ и подвигая постепенно человѣка къ идеѣ единства физическихъ силъ. Оптика и акустика нашли себѣ точное математическое выраженіе. Загадочныя явленія электричества и магнитизма разрослись въ явленія гальванизма, электромагнитизма, магнито-электричества, термо-электричества, мускульнаго магнитизма, діамагнитизма. Послѣдніе годы XVIII вѣка создали изъ раздробленныхъ наблюденій, очищенныхъ отъ фантастическихъ гипотезъ, новую науку, гордость и любимое дитя естествознанія нашего

времени—химію. Она оживила технологію, наравнѣ съ силою пара и съ гальванизмомъ; она предъявила свои права на рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которыхъ не могла коснуться механическая физика. Опираясь на прочныя основы физики и химіи, вооруженная скальпелемъ и микроскопомъ, выростала физіологія, связывая, помощью сравнительной анатоміи, явленія человѣческой жизни съ явленіями жизни въ родѣ животныхъ существъ, переплетая животную жизнь въ ея началахъ съ растительною, разлагая организмъ на системы тканей, слѣдя за развитіемъ зародыша въ эмбріологіи, открывая въ тератологіи, что уроды суть не исключеніе, но подтвержденіе общихъ законовъ, и доходя всѣми путями отъ явленія питанія растеній, какъ и отъ явленія нервной дѣятельности человѣка, къ одному началу, загадочному предѣлу двухъ міровъ, къ живой клѣточкѣ.—Рядомъ съ живыми организмами предъ XIX вѣкомъ возставалъ цѣлый рядъ давно погибшихъ существъ, скелеты которыхъ свидѣтельствовали человѣку объ исторіи земного шара, о таинственныхъ переворотахъ, переобразованіяхъ или перерожденіяхъ, о которыхъ не могли говорить никакіе человѣческіе памятники. Геологія и палеонтологія составили неожиданное вступленіе ко всемірной исторіи. Наконецъ, болѣе точное изученіе нервной системы въ здоровомъ и въ больномъ состояніи, совершенное преобразованіе содержанія умалишенныхъ, наблюденія надъ идіотами, расширеніе наблюденій надъ жизнью и нравами животныхъ сблизили психологическія явленія съ физіологическими; физическія разстройства отразились въ нравственныхъ болѣзняхъ и нравственныя волненія оказались однимъ изъ началъ, дѣйствующихъ на тѣлесныя отправленія; почти всегда измѣненія въ мозгу соотвѣтствовали измѣненію умственныхъ способностей; въ дѣйствіяхъ животныхъ человѣкъ нашелъ аналогію своему разуму, и наблюдатели не всегда рѣшались произнести: кто, кретинъ или собака, стоитъ выше въ ряду существъ, одаренныхъ способностью соображенія.

На этихъ основаніяхъ воздвигли новые матеріалисты свое зданіе. При разрушеніи вѣрованій, освященныхъ преданіемъ, при раздробленіи и безсиліи метафизики идеалистовъ, они повторяли слова своихъ предшественниковъ, матеріалистовъ XVIII вѣка: наука довольно сильна, чтобъ не нуждаться болѣе ни въ какомъ преданіи... ни въ какой метафизикѣ. Мы не создаемъ и не вѣримъ, но мы знаемъ и доказываемъ. Наши противники въ своемъ спорѣ выказываютъ свое невѣжество;

они не противоставляютъ одно міросозерцаніе другому: они отрицаютъ лучшее пріобрѣтеніе XIX вѣка, точную науку.

Посмотримъ, такъ ли это. Не въ первый разъ новая школа мыслителей выступаетъ съ претензіей противоставить фантастическимъ представленіямъ научныя построенія, провозглашая, что въ ней, и въ ней одной, заключается истина, доказываетъ эту истину самымъ строгимъ способомъ и не замѣчаетъ, что всѣ ея доказательства заключаютъ гипотетическія основанія. Не только подобное явленіе встрѣчалось въ исторіи развитія человѣческихъ убѣжденій, но оно повторялось почти каждый разъ, когда новое метафизическое вѣрованіе являлось въ мірѣ. Послѣднее всегда старалось въ себѣ вмѣстить всю современную ему науку и увѣряло, что эта наука только въ немъ и можетъ помѣститься; но исторія шла впередъ и одно непогрѣшимое ученіе за другимъ разрушалось, служа матеріаломъ для новыхъ теорій, или видоизмѣнялось по обстоятельствамъ. Поэтому и здѣсь мы не должны вѣрить на-слово ученымъ защитникамъ новой теоріи, но должны прослѣдить внимательно ихъ основныя положенія, замѣчая, насколько въ этихъ положеніяхъ участвуютъ точныя данныя науки и насколько ихъ дополняетъ фантазія [1]).

Мы не имѣемъ ни возможности, ни необходимости обозрѣть всю огромную литературу брошюръ и книгъ разнаго наименованія, которыя появились по этому предмету, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиваться одною Германіею и послѣдними годами, но можно прослѣдить развѣтвленія спора во Франціи—въ монпельерской школѣ виталистовъ, въ рядѣ брошюръ о разумѣ животныхъ, въ положительной философіи Конта (Comte), въ Англіи—въ теоріи единства физическихъ силъ, наконецъ, въ ученой литературѣ геологіи, физіологіи нервовъ, антропологіи. Сначала положенія матеріализма являются, какъ отрывочныя, сами собою разумѣющіяся данныя, и авторы ученыхъ сочиненій, заключающихъ эти положенія, сами не замѣчаютъ ихъ значенія. Занятые открытіями и точными изслѣдованіями, эти представители современной науки мимоходомъ куютъ оружіе для теоріи, безпрестанно распространяющейся. Затѣмъ это ученіе формируется по частямъ, единицами, принимается безъ борьбы, вслѣдствіе слабости всѣхъ прочихъ теорій, распро-

[1]) Эта статья была уже въ типографіи, когда намъ удалось прочесть статью г. Хомякова въ первомъ № «Русской Бесѣды» за нынѣшній годъ. Намъ очень пріятно было видѣть, что мы сошлись съ авторомъ въ нѣкоторыхъ выводахъ, выходя изъ весьма различныхъ точекъ отправленія.

страняется между естествоиспытателями [1]), потомъ въ обществѣ, и вдругъ защитники прежнихъ теорій замѣчаютъ, что противъ нихъ сформировалась могучая школа. Тогда начинается борьба, которая въ послѣднее время закипѣла въ особенности въ Германіи. Тогда въ геттингенскомъ собраніи естествоиспытателей (18 сент. 1854 г.) Рудольфъ Вагнеръ пригласилъ собраніе признать его теорію сущности души и созданія человѣка вѣрною и тѣмъ нанести ударъ матеріализму. Но ересь проникла въ соборъ ученыхъ; предложеніе было отклонено; между Вагнеромъ и Фогтомъ началась борьба брошюръ и взаимныхъ порицаній. Защитники преданія бросились въ бой во имя своего забытаго знамени. Бюхнеръ издалъ: «Сила и вещество», имѣвшій въ нѣсколько мѣсяцевъ три изданія [2]). Тогда на арену сошли современные представители философскихъ школъ, эпигоны великихъ идеалистовъ прошлаго времени: Шопенгауеръ, Фихте младшій, Апельтъ, Гельферихъ, Фрауэнштедтъ, Лотце, Карусъ, съ цѣлой фалангой послѣдователей: они въ особенныхъ сочиненіяхъ, или въ отдѣльныхъ главахъ и замѣткахъ большихъ сочиненій, старались поддержать болѣе или менѣе успѣшно знамя идеализма, порицая обѣ стороны, дѣлая обѣимъ болѣе или менѣе важныя уступки. Самъ Бюхнеръ, въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи: «Природа и духъ», далеко не такъ рѣшительно высказываетъ свое убѣжденіе, какъ прежде. Въ послѣднее время трудно указать нѣмецкое сочиненіе, сколько-нибудь касающееся философіи или общей физіологіи, въ которомъ бы авторъ не коснулся болѣе или менѣе вопроса о матеріализмѣ. Отъ изящныхъ «Изслѣдованій» Шлейдена до проповѣдей пастора свободной общины Бальцера вездѣ являются отвѣты на современный вопросъ. Появленіе столькихъ замѣчательныхъ писателей на полѣ битвы не могло не способствовать если не рѣшенію, то уясненію спора. Идеалисты, въ особенности современные кантіанцы, принесли ему наибольшую пользу своей искусной и опредѣлительной діалектикой понятій и словъ, изъ-за которыхъ спорили естествоиспытатели и защитники преданія. Тѣ и другіе часто уклонялись отъ истиннаго предмета, не имѣя навыка въ анализѣ словъ и не сознавая, что многіе вопросы въ исторіи человѣческой мысли не были бы даже поставлены, еслибъ

[1]) Къ этому времени слѣдуетъ отнести споръ Молешотта съ Либихомъ. Борьба сдѣлалась явленіемъ общественнымъ только со спора Вагнера съ Фогтомъ.

[2]) Эта книга вышла теперь, кажется, пятымъ изданіемъ.

авторы ихъ подчинили всякое слово своихъ положеній строгому логическому разбору. Школа идеализма, хотя сама часто не слѣдовала этому принципу, но обладала болѣе другихъ навыкомъ діалектики. Оттого ея критическія нападенія на матеріализмъ были несравненно могущественнѣе, чѣмъ нападенія приверженцевъ преданія; конечно, нельзя этого сказать о ея положительныхъ построеніяхъ. Благодаря этому спору, матеріализмъ высказался во всѣхъ своихъ главныхъ основаніяхъ и можно видѣть теперь довольно ясно его заслуги и его недостатки. Если не во всѣхъ подробностяхъ его представители сходятся между собою, то, во всякомъ случаѣ, онъ представляетъ округленную и связную систему въ главныхъ своихъ частяхъ.

Сущность его заключается въ слѣдующемъ:

Кромѣ вещества, не существуетъ ничего. Это вещество безконечно и вѣчно; съ нимъ нераздѣльны силы, дѣйствующія по неизмѣннымъ законамъ. Отъ взаимнаго дѣйствія частей вещества одной на другую, оно преобразовывается, переходитъ отъ одной формы къ другой, измѣняетъ свои физическія свойства, свой химическій составъ, дѣлается живымъ организмомъ. Въ организмѣ происходитъ вѣчное кругообращеніе вещества. Питаніе, наростаніе, обновленіе тканей, произведеніе новыхъ особей, сознаніе, чувство, мысль, наука, творчество суть рядъ явленій, происходящихъ въ преобразуемомъ веществѣ; для каждаго изъ этихъ отправленій существуютъ особые органы, съ разрушеніемъ которыхъ уничтожается отправленіе. Какъ кругообращеніе вещества въ организмѣ составляетъ біографію каждой особи, такъ кругообращеніе вещества въ цѣломъ природы составляетъ исторію вселенной, исторію каждой планеты, исторію породъ, замѣнившихся новыми породами, или переродившихся въ нихъ, наконецъ, исторію человѣчества съ его государственнымъ устройствомъ, художественными созданіями, религіозными вѣрованіями, научнымъ развитіемъ. Законъ безсознательной, неизмѣнной, неотвратимой необходимости, извлекающей слѣдствіе изъ причины, необходимости, не знающей никакихъ цѣлей, составляетъ единственное связующее звено всего сущаго.

Что это: наука или метафизика?

Въ самомъ началѣ намъ представляются понятія: вещество и сила. Что это такое? Какая наука, какое наблюденіе, какой инструментъ привели человѣка къ этимъ исходнымъ точкамъ всего естествознанія? Еще съ Канта извѣстно, что человѣку

доступны только явленія; но, по необходимому закону своего ума, онъ всегда заключаетъ, что явленіе, имъ замѣчаемое, происходитъ *въ чемъ-нибудь*, указываетъ на бытіе *чего-то*, безъ котораго самое явленіе не имѣло бы мѣста. Такимъ образомъ, отъ явленій человѣкъ переходитъ къ существамъ. Это заключеніе происходитъ въ человѣкѣ, и онъ не можетъ никакими средствами доказать его справедливость. Впрочемъ, встрѣчая предметы, въ которыхъ повторяется одна и та же группа явленій, доступныхъ нашимъ чувствамъ, человѣкъ получаетъ неотразимое убѣжденіе въ дѣйствительности существованія каждаго изъ этихъ предметовъ. Но далѣе этихъ отдѣльныхъ существованій не идетъ никакой опытъ, никакое наблюденіе. Всѣ явленія могутъ въ наукѣ быть группированы только двумя способами: въ законъ, выражающій ихъ послѣдовательность и связь, независимо отъ существъ, въ которыхъ они происходятъ, и въ *существа*, которыя опредѣляются группою явленій. Оба эти процесса суть уже результатъ мышленія, но представляются съ неотразимою убѣдительностью, потому что эти группы явленій повторяются предъ наблюдателемъ независимо отъ его воли. Такимъ образомъ, исключительные предметы, признаваемые дѣйствительными наблюдательною наукою, суть отвлеченные законы и отдѣльныя особи. Но для удобства обсужденія окружающаго міра, человѣческая мысль идетъ далѣе: она изъ нераздѣльныхъ группъ явленій выдѣляетъ одно или болѣе, этимъ новымъ, составленнымъ группамъ даетъ названія, употребляетъ ихъ въ разговорномъ и въ ученомъ языкѣ, на-ряду съ дѣйствительными существами. Эти отвлеченныя существа, созданныя мыслью для собственнаго удобства, суть только вспомогательныя понятія, не соотвѣтствующія въ наблюденіи и въ опытѣ ничему дѣйствительному. Это—*метафизическія* существа. Къ разряду ихъ принадлежитъ и понятіе вещества. Мы убѣждаемся въ дѣйствительности отдѣльныхъ вещественныхъ предметовъ: куска дерева опредѣленныхъ качествъ, формы и размѣровъ, воздуха опредѣленнаго состава и опредѣленной температуры, наполняющаго опредѣленное пространство, звѣзды, которая въ опредѣленной точкѣ имѣетъ опредѣленную яркость свѣта, но *вещество вообще* есть отвлеченное созданіе нашей мысли, не подлежащее прямому наблюденію. Для наблюдателя существуютъ лишь особи въ ихъ различіи; лишь мыслитель восходитъ къ общимъ понятіямъ, группирующимъ особи въ родовыя и видовыя группы или разлагающимъ эти особи на отвлеченныя начала. Вещество

принадлежитъ метафизикѣ естествознанія; это понятіе сверхчувственное, потому что оно обще, и въ каждомъ отдѣльномъ наблюдаемомъ существѣ представляется, какъ отвлеченное основаніе, къ которому надо присоединить всѣ особенные признаки наблюдаемаго существа, чтобъ получить нѣчто дѣйствительно существующее. Итакъ, въ противность положенію Бюхнера, что ученіе его единомышленниковъ (натурализмъ) есть «отрицаніе всего сверхчувственнаго въ человѣческомъ знаніи», самая исходная точка этого ученія есть понятіе сверхчувственное, метафизическое, не соотвѣтствующее никакой особи, единственному предмету наблюденія. Оно иначе и быть не можетъ, потому что процессъ мышленія всегда происходитъ надъ отвлеченными понятіями, выдѣленными изъ дѣйствительныхъ существъ. Всѣ науки самыя точныя суть не иное что, какъ систематическое собраніе истинъ, относящихся всегда къ общимъ, отвлеченнымъ понятіямъ, для изслѣдованія которыхъ наблюдатель переходитъ отъ одной особи къ другой, не останавливаясь на частныхъ явленіяхъ каждой изъ послѣднихъ.

Вещество можно разсматривать, какъ общее понятіе для всѣхъ существъ, въ которыхъ происходятъ какія бы то ни было явленія, доступныя наблюденію, или ограничивать эти явленія только наблюденіями чувствъ. Въ первомъ случаѣ нѣчего и спорить, что внѣ вещества мы не можемъ ничего себѣ представить, но обыкновенно опредѣляютъ вещество вторымъ способомъ. Въ такомъ случаѣ явленія, наблюдаемыя помощью сознанія, именно всѣ явленія, называемыя душевными, духовными, не принадлежатъ веществу. Для нихъ, какъ мы ужъ видѣли, исторія создала въ человѣческихъ языкахъ особыя существа, которыя также соотвѣтствуютъ общему понятію о явленіяхъ, наблюдаемыхъ сознаніемъ, какъ вещество соотвѣтствуетъ понятію явленій, наблюдаемыхъ внѣшними чувствами. Это—духъ, душа. На предыдущихъ страницахъ мы распространились объ исторіи этихъ понятій до XVII вѣка, потому что хотѣли прослѣдить ихъ вліяніе на развитіе точнаго взгляда на природу. Съ XVII вѣка они выдѣляются изъ естествознанія. Декартъ раздваиваетъ міръ, отдѣляя духъ отъ вещества; вся послѣдующая наука природы не обращаетъ вниманія на явленія сознанія, и только мыслители строятъ гипотезы для уясненія единства духа и вещества, или ихъ взаимодѣйствія. Мы не имѣемъ возможности прослѣдить эти гипотезы, но замѣтимъ лишь одно, что для всѣхъ, употребляющихъ слово *духъ*, независимо отъ его объясненій

и гипотетическихъ построеній, оно выражаетъ общее понятіе для всѣхъ явленій, наблюдаемыхъ только помощью сознанія. Такимъ образомъ, предъ современными матеріалистами, какъ предъ мыслителями всѣхъ другихъ школъ, лежало два ряда неоспоримыхъ явленій: одни имѣли начало въ наблюденіи чувствъ, другія—въ сознаніи [1]). Одни обозначались словомъ «вещество», другіе—словомъ «духъ». Оба эти слова соотвѣтствовали понятіямъ отвлеченнымъ, метафизическимъ, которыя въ своей общности доступны только мысли, а не прямому наблюденію. Дѣло было въ томъ, какъ различныя школы приступили къ объясненію одновременнаго присутствія этихъ двухъ родовъ явленій.

Самая старая теорія заключалась въ томъ, что это—явленія существенно различнаго происхожденія. Начиная съ Декарта, необходимымъ законамъ безсознательнаго вещества противополагали произволъ сознательнаго, чувствующаго и дѣйствующаго духа. Главными представителями этой двойственности въ послѣднее время можно назвать Рудольфа Вагнера и Лотце [2]). Оба принимаютъ присутствіе въ человѣкѣ двухъ началъ, дѣйствительно существующихъ, и стараются различными хитросплетеніями объяснить возможность ихъ согласнаго дѣйствія. Притомъ Вагнеръ откровеннѣе держится на точкѣ зрѣнія догматическаго преданія; Лотце преслѣдуетъ ту же цѣль, не высказывая ее такъ ясно и ставя на первое мѣсто нравственныя потребности человѣка. Оба по необходимости прибѣгаютъ къ внѣміровому сверхчувственному вмѣшательству, безъ котораго едва-ли есть возможность допустить, что вещество и духъ, два существа, не имѣющія никакой точки сравненія, ничего общаго, сознаютъ другъ друга и дѣйствуютъ одно на другое. Это построеніе въ глазахъ мыслителей другихъ школъ имѣло недостатокъ излишней сложности; оно въ единомъ человѣкѣ видѣло двойственность, разрѣшимую только вторичною гипотезою. Не довольствуясь однимъ рядомъ гипотетическихъ существъ, оно, для стройности своего зданія, нуждалось еще

---

[1]) Къ этому прибавляется еще третій рядъ явленій, болѣе сложныхъ, но о которомъ говорить здѣсь не мѣсто: это—явленія преданія.

[2]) Изложеніе ихъ мнѣній можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:
«Menschenschöpfung und Seelensubstanz», von Wagner,
«Ueber Wissen und Glauben», von Wagner,
«Der Kampf um die Seele», von Wagner,
«Medicinische Psychologie», von Lotze,
«Streitschriften», von Lotze,
«Microcosmus», von Lotze.

въ одной поддержкѣ, не подлежащей прямому наблюденію. Поэтому противоположныя теоріи начали съ требованія прямого единства явленій въ человѣкѣ, распространяя потомъ это единство на вселенную. Здѣсь всего болѣе помогло понятіе о силѣ.

Сила есть еще одно изъ метафизическихъ созданій, которыя, безпрестанно входя въ общественный разговоръ, кажутся потому лишь вполнѣ ясными, что часто повторяются. Ея начало лежитъ въ сознаніи особеннаго состоянія нашихъ мускуловъ, съ помощью котораго мы производимъ какое-нибудь измѣненіе внѣ себя или внутри нашего тѣла. Это состояніе мускуловъ мы называемъ *усиліемъ*, и его существованіе для насъ такъ же несомнѣнно, какъ всѣ явленія сознанія. Но мы замѣчаемъ, что внѣ насъ происходятъ безпрестанныя измѣненія. По логическому закону, требующему для всякаго новаго явленія причину (loi de causalité), и потому еще, что человѣкъ видитъ вездѣ аналогію съ собою, мы приписываемъ всѣ измѣненія, происходящія гдѣ бы то ни было и какимъ бы то ни было образомъ, особеннымъ существамъ, *силамъ*, которыя однородны нашимъ усиліямъ и съ ними могутъ быть сравниваемы. Это, очевидно, созданіе метафизическое, не подлежащее прямому наблюденію. Если для каждаго явленія будемъ принимать особую силу, то придемъ къ тому, что̀ прежде называли выражающимъ началомъ (principium expressivum), о которомъ Лейбницъ говорилъ: «нѣтъ ничего проще и нѣтъ ничего глупѣе объяснять явленіе выражающимъ началомъ». Такъ, для явленія движенія планетъ перипатетики принимали въ планетахъ направляющихъ духовъ (spiritus rector), для явленій химическихъ можно принять силу химическаго сродства, для явленій электрическихъ—силу электричества, для явленій жизни—жизненную силу, для явленій мышленія—силу мыслящую и т. д. Пока мы стоимъ на этой ступени, слово *сила* ровно ничего не значитъ, кромѣ неизвѣстной причины извѣстнаго явленія; она есть убѣжище нашего незнанія, и, вообразивъ себѣ, что мы сдѣлали шагъ впередъ, когда объяснили явленіе силою, его выражающею, мы останавливаемъ движеніе науки.—«Всякій великій успѣхъ въ наукѣ», говоритъ Снель, «обозначенъ изгнаніемъ какого-либо выражающаго начала, ниспроверженіемъ одного изъ этихъ идоловъ разсудка». Объяснить явленіе, значитъ, свести его на другое, простѣйшее. Такъ какъ простѣйшее чувственное явленіе есть для насъ движеніе, то задача механическаго міросозерцанія заключается въ приве-

деніи всѣхъ явленій къ различнымъ движеніямъ, а въ новѣйшей механикѣ сила есть уже не самостоятельное существо, но удобная математическая формула для различія разныхъ движеній. Послѣдовательные матеріалисты, которые хотятъ построить механическую теорію всего сущаго, должны стать на ту точку, къ которой стремится положительное естествознаніе, именно, они должны все свести, наблюденіемъ или гипотезою, на движеніе, отрекаясь отъ силъ, даже какъ особенныхъ свойствъ матеріи. Сила можетъ быть вездѣ принята, только какъ временное выраженіе неумѣнія свести данныя явленія на другія, болѣе простыя. Это—убѣжище незнанія, какъ мы сказали выше; на эту точку зрѣнія стали изъ матеріалистовъ Ноакъ, Фирговъ [1]) и Чолбе, сколько намъ извѣстно [2]). Остальные—матеріалисты, идеалисты, полуматеріалисты—всѣ защищаютъ существованіе силъ, или какъ чего-то дѣйствительнаго, внѣ матеріи, или какъ свойство вещества. Шопенгауэръ и его послѣдователь Фрауэнштедтъ принимаютъ особенное стремленіе къ извѣстной цѣли, *волю*, какъ начало всего сущаго [3]), слѣдовательно, принимаютъ вещество, какъ слѣдствіе идеальнаго сознающаго начала, хотя не называютъ это начало духомъ. Молешоттъ, Бюхнеръ, Фохтъ говорятъ о силахъ вещества, какъ о свойствахъ само собою разумѣющихся [4]). Снель, въ своемъ «примиритель-

[1]) Сохраняемъ транскрипцію Лаврова. Для современнаго читателя привычнѣе и правильнѣе—Вирховъ. Ред.

[2]) «Psyche» herausgegeben v. Noack. «Gesammelte Abhandlungen», v. Virchow, и въ журналѣ, имъ издаваемомъ: «Archiv für Pathologische, Anatomie und Physiologie».—«Neue Darstellung des Sensualismus», v. Czolbe.

[3]) Сочиненія Шопенгауэра весьма многочисленны. Наиболѣе сюда относятся:
«Ueber den Willen in der Natur»,
«Die Welt als Wille und Vorstellung».
Изъ сочиненій Фрауэнштедта:
«Briefe über der Schopenhauersche Philosophie»,
«Die Naturwissenschaft in ihrem Einfluss auf Poesie, Moral, Religion und Philosophie»,
«Der Materialismus».

[4]) Изъ сочиненій названныхъ авторовъ укажемъ для Молешотта:
«Der Kreislauf des Lebens»,
«Licht und Leben».
Для Фохта:
«Köhlerglaube und Wissenschaft.» «Thierstaaten»,
«Bilder aus dem Thierleben».
Для Бюхнера:
«Kraft und Stoff»,
«Natur und Geist».

номъ словѣ» [1]), избѣгая силъ, говоритъ о внѣшней и внутренней дѣятельности во всемъ существующемъ. Если мы будемъ сжимать воздухъ поршнемъ, то часть работы поршня будетъ употреблена на внутреннюю дѣятельность возвышенія температуры. Снель полагаетъ, что нѣчто подобное происходитъ при духовныхъ явленіяхъ: часть физіологической работы въ тѣлѣ преобразуется въ духовную, которая, по его мнѣнію, не болѣе отличается отъ явленій вещественныхъ, какъ теплота отъ движенія. Въ этомъ случаѣ Снель полагаетъ возможнымъ приложеніе теоріи преобразованія силъ и сохраненія работы, которую теперь поддерживаютъ, въ особенности, англійскіе ученые: Фарда, Томсонъ и, въ главѣ всѣхъ, Грове [2]). Теорія Снеля есть до сихъ поръ самая искусная; но странно видѣть, что онъ воображаетъ на ней примирить поклонниковъ духа и вещества; странно потому, что для Снеля, какъ для Фохта и Молешотта, явленія духовныя суть не иное что, какъ преобразованныя вещественныя явленія, и потому ему слѣдовало бы откровенно стать въ ряды матеріалистовъ. Не считаемъ даже нужнымъ приводить объясненіе отношенія между духомъ и веществомъ, встрѣчающееся въ сочиненіяхъ чистыхъ идеалистовъ послѣднихъ философскихъ школъ. Привычка играть словами привела ихъ къ тому, что они воображали, будто высказываютъ какую-то истину въ фразахъ: духъ есть власть надъ веществомъ; вещество есть сокровенный духъ. Между писателями, которые хотѣли примирить идеализмъ съ матеріализмомъ, проповѣдуя первый, но находясь подъ невольнымъ вліяніемъ второго, между этими *романтиками психологіи*, какъ ихъ называетъ Ноакъ, замѣтимъ младшаго Фихте и Корнилля [3]), изъ которыхъ послѣдній, какъ критикъ матеріализма, сталъ на надлежащую точку зрѣнія, но увлекся при построеніи собственной гипотезы.

Всѣ эти объясненія нисколько не подвигали вопроса впередъ; всѣ они были переводомъ одного и того же незнанія, какимъ образомъ явленія, наблюдаемыя чувствами, переходятъ въ явленія, наблюдаемыя помощью сознанія. Не оста-

---

[1]) Die Streitfrage des Materialismus, ein vermittelndes Wort».

[2]) Всего лучше она изложена въ «Correlation des forces physiques», par Grove, переводъ Муаньйо съ прибавленіями Сегена. См. также «Mémoire sur l'origine et la propagation de la force», p. Seguin. Снель обѣщаетъ скорое изданіе его: «Ueber das Princip der Mechanischen Arbeit» etc.

[3]) «Anthropologie», v. Fichte. — «Materialismus und Idealismus», v. Cornill.

навливаясь на теоріяхъ другихъ школъ, обратимъ, въ особенности, вниманіе на ту изъ нихъ, которая составляетъ главный предметъ нашей статьи. Матеріалисты прямо объявили, что они отвергаютъ всякое существо, недоступное чувствамъ, а объясняютъ все помощью вещества, одареннаго силами; самые смѣлые прибавляютъ, что они хотятъ построить механическую теорію всего сущаго. Мы уже видѣли, что первое положеніе неточно, потому что вещество и сила суть понятія метафизическія. Но не будемъ придираться къ словамъ и допустимъ, что все дѣло заключается въ объясненіи всѣхъ явленій, доступныхъ человѣческому знанію, помощью явленій вещества и, въ особенности, явленій движенія.

Что касается послѣдняго, то механическая теорія еще далека отъ своего осуществленія въ самой области явленій, подлежащихъ чувствамъ. Въ явленіяхъ свѣта не доказано прямымъ наблюденіемъ существованіе волнообразнаго движенія; даже понадобилось вещество, недоступное чувствамъ (какъ бы противорѣчащее опредѣленію вещества), — эфиръ; но, по крайней мѣрѣ, всѣ явленія приведены къ математическимъ формуламъ волнообразнаго движенія, слѣдовательно, механическая теорія приложима. Для явленій теплоты, электричества, магнитизма, сдѣлано менѣе, но существуетъ гипотеза, не опровергаемая опытами, помощью которой можно принять механическое начало всѣхъ этихъ явленій и прослѣдить, если не умомъ, то воображеніемъ за всѣми фазисами преобразованія движенія въ теплоту, электричество и т. п., или обратно. Для химическихъ явленій подобной теоріи даже не существуетъ: мы видимъ, что изъ нѣсколькихъ веществъ происходитъ одно; видимъ связь этого явленія съ явленіями физическими, его сопровождающими, но не имѣемъ ни одной научной механической гипотезы, которая бы представила хотя нашему воображенію связь между этими явленіями. Еще менѣе понимаемъ или представляемъ себѣ связь между химическимъ составомъ вещества и формою кристалла, образующагося изъ его раствора. Мы видимъ, что одно вещество даетъ кристаллы одной формы, другое—другой; видимъ, что есть какой-то неизмѣнный законъ, связывающій форму кристалла съ химическимъ составомъ вещества; но наша фантазія безсильна для созданія себѣ хотя приблизительнаго объясненія различія, при этомъ встрѣчающагося.

Также мало понятны для насъ жизненныя явленія въ организмѣ. Въ послѣднее время химія не останавливается

предъ органическими веществами. Начиная съ мочевины, искусственно полученной Велеромъ (1829), до послѣднихъ работъ Бертло надъ углеводородами, постоянно увеличивается число органическихъ веществъ, приготовляемыхъ въ лабораторіяхъ, хотя весьма и весьма много еще осталось сдѣлать. Но два факта, въ особенности, составляютъ здѣсь спорный вопросъ, который противники матеріализма постоянно противопоставляютъ его приверженцамъ: появленіе клѣточки и цѣлесообразная форма организма и его частей, образующаяся отъ наростанія клѣточекъ. Впрочемъ, эти вопросы нисколько не труднѣе въ теоріи, чѣмъ вопросы, представляемые процессами химическихъ соединеній и кристаллизаціею. Клѣточку очень удобно представить себѣ, какъ особенный видъ кристаллизаціи. Затрудненіе тутъ въ практикѣ: до сихъ поръ никто не получилъ клѣточки изъ неорганизованнаго вещества. Въ этомъ случаѣ матеріалисты разсуждаютъ такъ: законы природы неизмѣнны; въ природѣ неорганической дѣйствуютъ только силы механическія и химическія; было время (какъ доказываетъ геологія), когда организмы не существовали, и потомъ другое, когда они появились; слѣдовательно, они суть продуктъ неорганическихъ силъ. На это супранатуралисты возражаютъ, что законы природы могутъ быть иногда измѣнены, что это измѣненіе именно произошло при появленіи первыхъ организмовъ и повторилось при появленіи всякаго особеннаго рода организмовъ, наконецъ, имѣло и имѣетъ мѣсто при множествѣ особенныхъ обстоятельствъ исторіи человѣчества.—«Покажите хотя въ одномъ случаѣ нарушеніе законовъ природы и докажите, что въ этомъ случаѣ происходитъ нѣчто сверхъестественное, находящееся внѣ законовъ природы»,—говорятъ супранатуралистамъ ихъ противники и, между прочими, остроумный Пейссъ [1]).—«Покажите хотя въ одномъ случаѣ происхожденіе организмовъ или ихъ перерожденіе»,—отвѣчаютъ приверженцы преданія. Очевидно, споръ идетъ на поприщѣ метафизическихъ теорій, для которыхъ факты наблюденій не доставляютъ достаточнаго матеріала; соперники говорятъ на разныхъ языкахъ и никогда не могутъ понять другъ друга. Впрочемъ, должно замѣтить, что ораторы, оспаривающіе неизмѣнность законовъ природы, на практикѣ всѣ свои дѣйствія основываютъ на полной увѣренности въ ихъ непогрѣшимости.

[1]) «La Medecine et les medecins», par Peisse, t. 1, p. 103.

Что касается явленій наростанія клѣточекъ въ органы и цѣлые организмы, то опять-таки въ теоріи матеріалисты не встрѣчаютъ большого затрудненія. Явленія образованія клѣточекъ изъ органическаго вещества въ присутствіи готовыхъ уже клѣточекъ имѣютъ себѣ аналогіи въ наукахъ физико-химическихъ. Клѣточки образуются внутри организма, потому что здѣсь существуютъ всѣ условія, необходимыя для ихъ появленія, и въ сущности образованіе ихъ въ организмѣ не менѣе чудесно, какъ и образованіе ихъ нѣкогда на поверхности земли изъ неорганическихъ веществъ. Уже Кэликеръ указалъ на связь образованія клѣточекъ съ электрическими процессами; дѣйствіе свѣта, какъ способствующее росту организмовъ, имѣетъ очевидное вліяніе на появленіе новыхъ клѣточекъ въ готовомъ организмѣ. Поэтому Бенеке [1]) ставитъ гипотезу, нельзя-ли допустить, что первые лучи солнца, проникшіе сквозь густую атмосферу земли до ея поверхности, своимъ дѣйствіемъ на матерію этой поверхности, еще не испытавшую вліянія солнечнаго свѣта, произвели въ ней ту органическую кристаллизацію, то появленіе первыхъ клѣточекъ, которое дало начало послѣдующимъ организмамъ? Различный химическій составъ образовавшихся клѣточекъ могъ способствовать въ одномъ мѣстѣ развитію односѣменодольныхъ растеній, въ другомъ — двусѣменодольныхъ, въ третьемъ—развитію низшихъ животныхъ организмовъ одного или нѣсколькихъ видовъ. Такимъ образомъ, одна партія естествоиспытателей стремится свести явленія жизни на явленія физико-химическія и изгнать изъ науки особенныя формирующія или жизненныя силы. Но за нихъ еще недавно стояло много бойцовъ. Въ Германіи, во главѣ защитниковъ жизненной силы, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ отношеніи, въ послѣдніе годы сталъ знаменитый Либихъ[2]), во Франціи—школа Монпелье, «Медицинское Обозрѣніе» и большое число современныхъ медицинскихъ писателей. Противъ нихъ вооружились: Лотце, Молешоттъ, Фохтъ, Бюхнеръ, Дюбуа-Реймонъ, во Франціи—Піорри и Форже. Фирговъ, отрицая жизненную силу, какъ особенную, предложилъ свою теорію *целлюлизма*, въ противоположность прежнему витализму [3]). Жестокій споръ, до сихъ поръ не вполнѣ замолк-

[1]) «Physiologische Vorträge», von F. W. Beneke.

[2]) См. «Chemische Briefe» и «Allgemeine Zeitung» 24 и 25 января 1856 года.

[3]) Для многихъ изъ названныхъ писателей сочиненія показаны выше. См. «Untersuchungen über thierische Elektricität», von Dubois-Raymond

шій, показываетъ только, что способы гипотетическаго сведѣнія явленій жизни на явленія механико-химическія не удовлетворяютъ еще умы, привыкшіе къ физическимъ гипотезамъ. Если естествоиспытатель смотритъ на явленіе жизни, какъ на особенное, то онъ имѣетъ право укрыться за жизненною силою, какъ за убѣжищемъ незнанія. Въ этомъ смыслѣ употребленіе слова «жизненная сила» не болѣе предосудительно, какъ употребленіе словъ: сила электричества, химическая сила, которыя встрѣчаются довольно часто у противниковъ витализма. Удержать послѣднія и гнать первую имѣетъ право лишь тотъ, кто предполагаетъ, что физіологическіе процессы могутъ быть раціонально сведены на процессы механическіе и химическіе, а послѣдніе не могутъ быть еще сведены на процессы движенія. Но едва-ли можно допустить подобный успѣхъ въ теоріяхъ современной физіологіи. Послѣ цѣлаго вѣка различныхъ идеальныхъ теорій жизненнаго процесса, физіологія возвратилась теперь къ механическо-физической теоріи средины XVIII столѣтія, породившей систему предобразованія зародышей Бонне и Спаланцани. Только теперь на первомъ мѣстѣ стоитъ химія: процессъ питанія, ею объясненный, заслоняетъ собою всѣ прочіе процессы и служитъ имъ образцомъ въ теоріяхъ современныхъ физіологовъ-химиковъ. Еслибъ Аристотель воскресъ и захотѣлъ бы усвоить себѣ современную теорію природы, говоритъ Снель, то ему надо было бы долго пріобрѣтать предварительныя свѣдѣнія, чтобъ стать въ уровень съ современными астрономами и физиками. Что касается физіологіи, то онъ весьма скоро бы усвоилъ ея начала, потому что она обогатилась лишь фактами, а въ методѣ объясненія этихъ фактовъ недалеко ушла отъ временъ Александра Македонскаго. Конечно, Снель—профессоръ математики и физики; физіологи могутъ видѣть въ этихъ словахъ оптическій обманъ спеціалиста, не сознающаго важности чужой спеціальности; пожалуй, иные назовутъ это просто невѣжествомъ. Послѣднимъ замѣчу, что одинъ изъ самыхъ значительныхъ авторитетовъ физіологіи, Молешоттъ, совѣтовалъ прочесть каждому сочиненіе Снелля о механической наукѣ природы.

Одинъ пунктъ въ развитіи организмовъ служитъ для противниковъ матеріализма могущественнымъ аргументомъ: это

Alter und neuer Vitalismus, von Virchow. Также «La philosophie medicale», par Forget. Также «La medecine et les medecins», par Peisse.

присутствіе извѣстнаго плана въ развитіи. Организмы строятся по нѣкоторому первообразу: клѣточки осаждаются въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ этому первообразу. Еще недавно прочтена была въ парижской академіи записка о прививкѣ костей, помощью отрѣзковъ накостной плевы (періоста), перенесенныхъ въ произвольной формѣ въ разныя части тѣла животнаго. Въ самой кристаллизаціи является присутствіе плана, по которому располагаются частицы вещества для образованія кристалла. Отсюда для идеалистовъ-физіологовъ необходимость признанія цѣлей въ природѣ, дѣятельности, сообразной этимъ цѣлямъ, слѣдовательно, болѣе или менѣе сознательной. Эту цѣлесообразную дѣятельность въ природѣ, какъ органической, такъ и неорганической, называютъ Шопенгауэръ и Фрауэнштедтъ *волею* въ природѣ.—Положимъ, образуется что-либо: кристаллъ, кость, нервъ, мысль,—говорятъ они. Частицы вещества, или отдѣльныя представленія укладываются притомъ по извѣстному плану, котораго въ дѣйствительности нѣтъ, потому что онъ еще не осуществленъ; слѣдовательно, этотъ планъ не есть вещество, но съ нимъ нераздѣленъ; безъ него ничего бы не могло образоваться, и онъ бы не существовалъ безъ матеріала, способнаго его осуществить; онъ есть движущее начало матеріи, ея духъ, ея воля, съ нею нераздѣльная, но составляющая первое данное для всякаго вещественнаго существа. Употребленіе слова «воля» производитъ отталкивающее дѣйствіе въ этой теоріи, потому что смѣшиваетъ цѣлесообразное дѣйствіе съ дѣйствіемъ по плану. Автоматъ можетъ совершать дѣйствія, подобныя животному и даже человѣку, если онъ построенъ по данному плану; но *для него* не существуетъ цѣли въ этихъ дѣйствіяхъ и потому онъ поступаетъ *невольно*, автоматически. Воля, цѣлесообразное дѣйствіе, предполагаютъ одно необходимое условіе—*сознаніе*, и сознаніе именно дѣйствующаго существа. Странно говорить, что жидкость *хочетъ* кристаллизоваться ромбоэдрами, или клѣточки *хотятъ* образовать здѣсь кость, тамъ—зрительный нервъ, странно тому, кто принимаетъ внѣшнюю сознательную силу, предписывающую жидкости ея законъ кристаллизаціи и организму его форму; еще страннѣе это въ томъ, кто отвергаетъ подобную внѣшнюю силу. Въ сущности это—мистическая теорія движущихъ духовъ, археевъ фан-Гельмонта, теорія всеобщаго сознанія, одушевленія всей матеріи. Вопросъ о цѣляхъ или конечныхъ причинахъ въ природѣ есть одинъ изъ тѣхъ которые возбуждали самые жестокіе споры. XVII вѣкъ, опи-

раясь на неизмѣнность законовъ природы, имъ утвержденную, отвергъ конечныя причины въ лицѣ двухъ главныхъ представителей идеализма и реализма: Декарта и Бэкона, и слова послѣдняго: «Разысканіе конечныхъ причинъ безплодно» сдѣлались аксіомою для большинства философовъ. Лейбницъ своимъ началомъ достаточной причины поднялъ снова этотъ способъ мышленія, и бо́льшая часть идеалистовъ не хотѣла имъ пренебречь. Между тѣмъ, это, очевидно, одно изъ воплощеній человѣка въ природу. Человѣкъ сознаетъ въ себѣ способность дѣйствовать сообразно цѣли; въ своихъ совершеннѣйшихъ произведеніяхъ онъ видитъ удачное достиженіе опредѣленной, назначенной цѣли; замѣчая въ произведеніяхъ природы несравненно бо́льшее совершенство исполненія, чѣмъ въ собственныхъ, онъ невольно смотритъ на нихъ, какъ на произведеніе человѣческое, и прилагаетъ къ нимъ критеріумъ цѣлесообразности. Съ другой стороны, сознавая свое превосходство надъ окружающимъ міромъ, онъ начинаетъ смотрѣть на другія существа, какъ на служебныя, имѣющія цѣлью *его* удобства, и является отдѣлъ мыслителей, для которыхъ цѣли природы преимущественно заключаются въ удовлетвореніи потребности человѣка... Но присутствіе плана въ постройкѣ созданій природы очевидно, и его механическое объясненіе составляетъ главное затрудненіе всякой матеріальной теоріи. Мало сказать, что строеніе зависитъ отъ необходимаго дѣйствія внутреннихъ физическихъ и химическихъ силъ или свойствъ вещества. Мы уже видѣли, что силы и свойства суть только убѣжища незнанія. Какимъ образомъ происходитъ въ веществѣ свойство, направляющее строеніе по данному плану? Вообще, какой смыслъ для вещества имѣетъ планъ, по которому строятся существа природы? Этотъ вопросъ—внѣ силъ современной науки, и по́тому здѣсь еще разъ матеріалисты противополагаютъ свою метафизику другой... представляющей себѣ невещественную силу, строящую существа природы по сознательному, заранѣе данному плану, для достиженія особенныхъ цѣлей.

Мы видѣли затрудненія, встрѣчающіяся при математическомъ построеніи явленій, которымъ всѣ современныя школы приписываютъ одно и то же начало—вещество; но эти явленія имѣли между собою одно общее: они наблюдались помощью чувствъ. Мы съ трудомъ объясняемъ себѣ связь процесса химическаго разложенія или соединенія съ явленіями теплоты, электричества, свѣта, увеличенія или уменьшенія объема. Мы не можемъ объяснить связь химическаго

состава съ формою кристалла, процессъ, вслѣдствіе котораго клѣточка раздѣляется на нѣсколько другихъ клѣточекъ, или образуетъ своимъ размноженіемъ въ одномъ мѣстѣ одинъ органъ, въ другомъ—другой. Но одни и тѣ же чувства наблюдаютъ за всѣми этими явленіями, дозволяютъ намъ измѣрять эти явленія помощью движеній, давленій, при этомъ происходящихъ, употреблять вездѣ подобные инструменты, сравнивать получаемыя величины между собою и выражать ихъ числами, относящимися къ одной и той же единицѣ. Кромѣ того, одно и то же явленіе можетъ быть одновременно наблюдаемо многими испытателями, изъ которыхъ каждый поставленъ, относительно этого явленія, въ положеніе, совершенно подобное со всѣми другими. Переходя къ явленіямъ сознанія, мы дѣлаемъ огромный скачокъ и находимся въ совершенно другихъ условіяхъ. Рядъ самыхъ точныхъ изслѣдованій, живосѣченій, искусно придуманныхъ опытовъ и разнообразныхъ наблюденій надъ развитіемъ человѣка, надъ привычками животныхъ, надъ извращеніемъ способностей въ идіотахъ и сумасшедшихъ привелъ ученыхъ почти къ неоспоримому убѣжденію, что умственная дѣятельность, душевная воспріимчивость нераздѣльно связаны съ органическимъ устройствомъ мозга. Измѣненіе его величины, формы, химическаго содержанія въ немъ жировъ (заключающихъ фосфоръ) связано неизмѣннымъ закономъ съ измѣненіемъ духовныхъ способностей, съ воспріимчивостью, понятливостью, дѣятельностью животнаго, принимая послѣднее слово въ самомъ обширномъ смыслѣ. Давленіе, или рана, въ опредѣленныхъ частяхъ мозга влечетъ за собою опредѣленныя слѣдствія въ пониманіи. Съ другой стороны, всякое душевное волненіе отзывается на организмѣ, измѣняетъ быстроту теченія крови, ритмъ дыханія, производитъ иногда параличъ нервовъ. Духовное развитіе ребенка идетъ параллельно съ развитіемъ его нервной системы, каждый день одновременно вырабатываетъ въ немъ будущаго человѣка и усовершенствуетъ его мозгъ. Это есть уже неотъемлемое пріобрѣтеніе науки, и всѣ факты, еще не подходящіе подъ эти начала, легко объясняются невозможностью точныхъ и своевременныхъ наблюденій. [1]) Но это согласіе явленій, даже допустивъ, что всѣ спорные факты подтвердятъ его, вовсе не можетъ служить, какъ полагаютъ матеріалисты, *научнымъ* доказательствомъ

[1]) Не приводимъ именъ изслѣдователей, потому что пришлось бы выписать десятки сочиненій. Указаніе на нихъ можно найти во всякомъ курсѣ физіологіи, напримѣръ, въ приведенномъ выше сочиненіи Бенеке.

тождества вещественныхъ и духовныхъ процессовъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь явленіе совершенно несоизмѣримое во всѣхъ отношеніяхъ съ предыдущими явленіями, это — *сознаніе.*

Сознаніе недоступно ни одному изъ чувствъ, которыя служатъ намъ для другихъ явленій. Мы не имѣемъ никакихъ средствъ для сравненія его съ какимъ-либо изъ этихъ явленій. Оно доступно въ дѣйствительности только одному наблюдателю, именно, сознающему существу.

Мыслители въ этомъ случаѣ часто впадаютъ въ ошибку, смѣшивая внѣшнія явленія, сопровождающія сознаніе, съ самымъ сознаніемъ. Мы сознаемъ, что наши движенія, игра физіономіи, звуки голоса произвольны и сознательны бо́льшею частью, и потому, наблюдая внѣшними чувствами въ другихъ подобныя движенія, игру физіономіи, звуки голоса, замѣчая нѣчто похожее и въ животныхъ, мы предполагаемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ сознаніе. Но съ небольшимъ разсужденіемъ мы замѣтимъ, что хорошо устроенный автоматъ могъ бы двигаться и издавать звуки, не имѣя сознанія; видимъ даже часто людей, въ болѣзненномъ состояніи дѣйствующихъ и говорящихъ совершенно безсознательно, наконецъ, совершаемъ сами безчисленное множество движеній, не отдавая себѣ нисколько въ томъ отчета. Слѣдовательно, наблюдаемыя явленія могутъ насъ привести къ заключенію о томъ, что, вѣроятно, они сопровождаются сознаніемъ; но оно само недоступно никакому наблюденію. Поэтому теоріи матеріалистовъ здѣсь не имѣютъ никакого научнаго основанія. «Мысль относится къ мозгу, какъ желчь—къ печени»,— говоритъ Фохтъ. Это сравненіе, смягченное, впрочемъ, словами: «выражаясь нѣсколько грубо», вызвало страшныя нападки противниковъ и было осуждаемо самими единомышленниками Фохта; о немъ можно сказать только, что оно весьма неудачно. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ однимъ и тѣмъ же инструментомъ изслѣдовать мозгъ, желчь и печень, но мысль нельзя ни взвѣсить, ни наблюдать въ микроскопъ, ни подвергнуть химическому анализу. «Мысль есть особаго рода движеніе»,—говоритъ Молешоттъ. Какъ поэтическое уподобленіе, эта фраза можетъ годиться, и еслибъ такъ выразился одинъ изъ осмѣянныхъ матеріалистами натурфилософовъ, то можно было бы ее пропустить безъ возраженія; но, какъ ученое опредѣленіе одного понятія частнымъ случаемъ другого, оно хуже выраженія Фохта, которое есть не болѣе, какъ уподобленіе. Всякое движеніе есть измѣненіе

положенія какихъ-либо точекъ въ зависимости отъ времени. Подобное явленіе можетъ быть наблюдаемо чувствами, если допустимъ довольно нѣжные инструменты для наблюденія. Но мысль по самому существу своему только сознается, а не подлежитъ чувству. Бюхнеръ выражается очень темно въ главѣ: *мысль*, и, между прочимъ, говоритъ, что «мозгъ отдѣляетъ силы», что ужъ ровно ничего не значитъ. Снель видитъ въ духовной дѣятельности внутреннюю дѣятельность организма, какъ было уже сказано выше. Онъ основывается на неуничтожаемости работы, которая въ неорганическомъ веществѣ переходитъ изъ движенія въ теплоту, электричество, химическій процессъ и обратно, въ организмѣ изъ процессовъ физико-химическихъ въ процессъ жизни и частью въ процессъ сознанія. Эта теорія удачнѣе всѣхъ другихъ, но, въ сущности, мало разнится отъ фразы Молешотта: преобразованіе работъ въ системѣ Грове, Фардэ [1]) и другихъ нельзя себѣ иначе представить, какъ преобразованіемъ движенія конечныхъ массъ въ частичное движеніе и обратно; но выше уже сказано было, что мысль, или сознаніе, не имѣетъ никакой точки сравненія съ движеніемъ. Конечно, матеріалисты отвергаютъ это, и Ноакъ, въ рядѣ статей и критикъ «Психеи» пытался доказать противное. Онъ видитъ въ мышленіи осязаніе изгибающихся мозговыхъ покрововъ, соотвѣтствующее, въ болѣе утонченномъ видѣ, общему осязанію внѣшнихъ и внутреннихъ покрововъ человѣческаго тѣла, осязанію, въ которомъ заключается сознаніе единства нашего *я*. Еще Тренделенбургъ видѣлъ въ движеніи начало общее какъ внѣшнему міру, такъ явленіямъ сознанія, и Ноакъ поддерживаетъ это мнѣніе. Но критика давно открыла, что выраженія: движеніе мысли, быстрота фантазіи, объемъ представленія, обширность ума и т. п. суть не иное что, какъ метафоры, уподобленія; и Ноакъ не могъ сказать ничего новаго въ этомъ отношеніи, кромѣ голословныхъ увѣреній, что движеніе есть начало воспріятія, сознанія, мышленія. Здѣсь опять то же смѣшеніе понятій, о которомъ мы говорили выше. Весьма вѣроятно, что каждому особенному явленію сознанія *соотвѣтствуетъ* особенное движеніе въ мозгу, но это движеніе не *есть* сознаніе и не имѣетъ ничего съ нимъ общаго. Всѣ предыдущія теоріи, это—различные способы выраженія одной и той же безсознательной мысли: при современномъ состояніи знаній, мы не имѣемъ возможности

[1]) Фарадэй. Ред.

перейти въ теоріи отъ явленій, доступныхъ чувствамъ, къ явленію сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что новыя изслѣдованія дозволили бы намъ наблюдать механически химическое измѣненіе, происходящее въ мозгу при мышленіи; положимъ, что возможно было бы построеніе автомата, совершенно подобнаго человѣку; положимъ, что мозгу этого автомата мы бы сообщили внѣшнею силою то измѣненіе, которое сопровождаетъ мысль, и допустимъ даже, что вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ нашъ автоматъ получилъ бы сознаніе: что же бы изъ этого вышло? Мы имѣли бы результатъ, что физико-химическіе процессы организма, измѣняясь различнымъ образомъ въ различныхъ частяхъ этого прибора, преобразовались бы въ мозгу въ нѣкоторый новый процессъ, все-таки физико-химическій, все-таки доступный внѣшнимъ чувствамъ; сознаніе же, при этомъ появившееся, сопровождало бы наше физико-химическое измѣненіе, но оставалось бы все-таки не доступнымъ чувствамъ, и несоизмѣримымъ со всѣми явленіями, относимыми обыкновенно къ веществу. Вопросъ бы отодвинулся, но остался все тотъ же: какимъ образомъ физико-химическій процессъ, происходящій въ мозгу, необходимо связанъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ съ процессомъ мышленія? Въ чемъ состоитъ послѣдній процессъ? Что такое сознаніе и мысль? Но замѣтимъ, что допуски, нами сдѣланные, не только невозможны теперь, но едва-ли вообразимы когда-либо. И при всемъ томъ они не приводятъ къ уясненію явленія сознанія съ точки зрѣнія матеріалистовъ, къ сведенію его на движеніе или на какое-либо чувственное представленіе. Значитъ, современная наука и даже матеріалистическая теорія безсильна для рѣшенія вопроса о связи духовныхъ явленій съ физическими. Въ сущности, вопросъ между матеріалистами и спиритуалистами чисто-метафизическій, не допускающій ни наблюденія, ни даже приблизительной научной повѣрки, но требующій одного вѣрованія. Тѣ и другіе ставятъ гипотезы, которыя невозможно доказать и очень трудно принять на вѣру. Ни тѣ, ни другіе не могутъ себѣ представить связи между явленіями вещественными и духовными (принимая общеупотребительныя названія); всѣ объясненія, представляемыя съ той и съ другой стороны, только кажущіяся, словесныя истолкованія. Но одни полагаютъ, что явленіе сознанія, сопровождающее физико-химическій процесъ мозговой дѣятельности, прекращается съ прекращеніемъ этого процесса; другіе полагаютъ, что первый продолжается и послѣ до безконечности. Здѣсь мы находимся опять въ области чистой метафизики.

Въ связи съ предыдущимъ находятся еще два вопроса, доставляющіе обширный предметъ для споровъ противныхъ партій: это—вопросъ о душѣ животныхъ и о произволѣ (libre-arbitre). Первый вопросъ имѣетъ за собою довольно обширную литературу какъ въ Германіи, такъ и во Франціи. Декартъ считалъ животныхъ автоматами. Бюффонъ смягчилъ эту теорію. Леруа, Кондильякъ, Дюпонъ де-Немуръ такъ же, какъ нѣмецкіе матеріалисты тамъ, гдѣ они касались этого предмета, принимали разницу между духовными явленіями въ человѣкѣ и въ прочихъ животныхъ не въ сущности самыхъ способностей, а въ ихъ степени. Фридрихъ Кювье и Флуранъ ввели весьма распространенное раздѣленіе между инстинктомъ и пониманіемъ. Фэ поставилъ довольно оригинальную мысль, что чѣловѣкъ весьма ошибается, перенося въ животное свои способности; онъ просто не можетъ себѣ представить никакихъ другихъ духовныхъ отправленій, какъ собственныя, а потому видитъ ихъ въ мѣньшей степени въ животномъ; но духовныя отправленія животнаго вполнѣ различаются отъ человѣческихъ и даже въ каждой породѣ они, можетъ быть, совершенно различны [1]). Смутное представленіе, связанное съ словомъ инстинктъ, есть одна изъ важныхъ помѣхъ въ изученіи психологіи животныхъ. Такъ какъ человѣкъ по неволѣ во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ беретъ за исходную точку себя, то, при недостаточности развитія этого отдѣла знанія, лучше еще оставить безъ вниманія теорію Фэ, допустить временно въ животномъ способности человѣка, только въ мѣньшей степени, и помощью тщательнаго сравненія опредѣлить постепенно ихъ разницу. Различіе въ сущности или въ степени можетъ получиться, какъ окончатель-

---

[1]) Между многими сочиненіями укажемъ по этому предмету:
«Sur la nature des animaux», par Buffon.
«Traité des animaux», par Condillac.
«Lettres philosophiques sur l'intelligence et la perfectibilité des animaux», par Leroy.
«Mèmoires sur differents sujets», par Dupont de Nemours.
«Resumè analytique des observations de Frederic Cuvier sur l'instinct et l'intelligence des animaux», par Flourens.
«Etude physiologique de l'instinct», par Gabillot.
«Les animaux raisonnent», par de Noiré.
«Traité de la folie des animaux», par Pierquin.
«Etudes philosophiques sur l'instinct et l'intelligence des animaux», par Fée.
«Das Seelenleben der Thiere», von Fuchs.
Въ «Bilder» Фохта и въ сочиненіи Бюхнера отдѣлы подъ заглавіями «Thierseelen» и «Die Thierseele».

ный результатъ работы; но теперь слишкомъ дерзко еще произносить какое-либо рѣшительное заключеніе, такъ какъ всѣ извѣстныя данныя для психологіи животныхъ состоятъ лишь изъ ряда анекдотовъ, долженствующихъ подтвердить ту или другую теорію, но которые сами нуждаются въ критическомъ изслѣдованіи. Между множествомъ примѣровъ укажемъ на Фохта, какъ на одного изъ замѣчательнѣйшихъ натуралистовъ: онъ утверждаетъ, что животныя передаютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе результаты, пріобрѣтенные опытомъ жизни, и приводитъ примѣръ старой собаки, отучающей молодую лаять на проѣзжихъ. Но изъ самаго разсказа видно, что наблюденіе сдѣлано мимоходомъ, въ нѣсколько минутъ, дополнено слухами, сообщенными хозяиномъ собаки, и во всякомъ другомъ отдѣлѣ естествознанія не могло бы служить основаніемъ никакому заключенію. Еще менѣе можно довѣрить анекдотамъ, сообщаемымъ многими авторами, не одаренными наблюдательностью Фохта. Но главное затрудненіе лежитъ еще глубже. Чтобъ сравнивать душевныя отправленія животныхъ съ человѣческими, надо хорошо знать послѣднія; но весьма недавно и весьма немногіе испытатели изучаютъ этотъ отдѣлъ явленій, то есть изучаютъ безъ всякихъ предположеній—метафизическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ. Пока самая точка исхода опредѣлена неточно, смѣшно и говорить о результатѣ сравненія. Въ современномъ состояніи знанія вопросъ о различіи въ сущности или въ степени душевныхъ отправленій человѣка и животныхъ совершенно чуждъ наукѣ, не знающей, какъ слѣдуетъ, ни тѣ, ни другія. Это двѣ гипотезы, изъ которыхъ вторая имѣетъ за себя лишь преимущество простоты, но, какъ гипотеза, не можетъ служить разумнымъ основаніемъ для возведенія дальнѣйшаго зданія.

Вопросъ о произволѣ есть одинъ изъ самыхъ древнихъ вопросовъ человѣческаго мышленія. Въ первобытныхъ обществахъ произволъ казался нераздѣленъ отъ всякаго движенія, и мы видѣли, что это начало повело къ одушевленію, очеловѣченью предметовъ и явленій природы. Не только человѣкъ, но весь движущійся міръ казался первымъ мыслителямъ одаренъ произволомъ. Еще въ греческихъ поэтахъ необходимость, судьба, тяготѣющая на человѣкѣ, была внѣшнею, враждебною силою, съ которою можно было бороться, которую можно было проклинать, и неизбѣжная гибель, обрушивавшаяся на главу древняго героя, могла сломить его силы, но не побѣдить его произволъ. Когда неизмѣнность закона природы была провозглашена въ новомъ мірѣ, то спиритуалисты вы-

дѣлили душу, одаренную произволомъ, изъ вещества, подчиненнаго необходимости; но противники ихъ не переставали оспаривать у нихъ этого послѣдняго убѣжища произвола. Сенсуалисты XVIII вѣка, какъ и современные намъ, не допускали ни малѣйшаго исключенія изъ закона необходимости. Французскіе эклектики-психологи изъ политическихъ причинъ поставили произволъ души человѣка въ краеугольный камень своего ученія, какъ одинъ изъ самыхъ основныхъ фактовъ сознанія. Понятно, что Шопенгауэръ и Фрауэнштедтъ, начиная съ воли, какъ основного начала природы, должны допустить ея произволъ. Но большая часть мыслителей или преклоняется предъ началомъ необходимости всего сущаго, какъ предъ неизмѣнною связью слѣдствія съ причиною или употребляетъ весьма хитрыя уловки для того, чтобъ избѣжать приложеній этого закона. Между прочимъ, Лотце допускаетъ, что всякое явленіе, входящее въ процессъ существованія, влечетъ за собою необходимый рядъ слѣдствій, но не обратно— именно, можетъ произойти явленіе произвольное, не имѣющее предъ собою другихъ, его обусловливающихъ. Конечно, матеріалисты, подводя духовныя явленія, а слѣдовательно волю, подъ категорію явленій вещественныхъ, не могутъ придти ни къ чему другому, какъ къ отрицанію всякаго произвола. Впрочемъ, большая часть существующихъ системъ заключаетъ въ себѣ отрицаніе произвола, какъ необходимое слѣдствіе. Супранатуралисты, допустивъ произволъ, ограничиваютъ единую волю, управляющую всѣмъ сущимъ, и склоняются къ дуализму, въ случаѣ попущенія. Пантеисты находятся въ логической невозможности принять произволъ. Вѣрующіе въ прогрессъ человѣчества должны отвергнуть произволъ, потому что, въ противномъ предположеніи, прогрессъ дѣлается не необходимымъ условіемъ человѣчества, а случайностью, могущею быть и не быть. Наконецъ, всѣ, допускающіе неизмѣнность не только физическихъ, но и бытовыхъ законовъ природы, относящихся какъ къ животнымъ расамъ, такъ и къ человѣческимъ обществамъ, должны допустить невозможность произвола, присутствіе котораго могло всегда нарушить числовые законы жизни животныхъ и человѣческихъ группъ. Тѣмъ не менѣе и это начало не есть научный результатъ, но метафизическое слѣдствіе различныхъ системъ.

Такимъ образомъ, обозрѣвая ученіе матеріалистовъ въ его исходной точкѣ и въ его главныхъ положеніяхъ, мы видѣли, что весь путь нашъ находится внѣ области науки, для которой неоспоримы лишь явленія и дозволительны лишь

ближайшія, простѣйшія гипотезы, связывающія между собою явленія, по самой сущности недалекія одно отъ другого, гипотезы, которыя можно повѣрить точно или приблизительно. Здѣсь мы дѣлали заключеніе о сущности вещей, строили идеальные мосты между явленіями, совершенно несоизмѣримыми, отвѣчали на вопросы, для которыхъ наука не давала точныхъ данныхъ, или на такіе, которыхъ повѣрка лежитъ внѣ всякаго наблюденія.

Мы видѣли въ началѣ статьи, при какомъ разладѣ вѣрованій, системъ и практическихъ стремленій новые матеріалисты сформулировали свое ученіе. Европейское общество, отрекшись отъ прежнихъ убѣжденій, не имѣло ничего для ихъ замѣненія. Самые робкіе умы затыкали уши отъ шума вѣковой критики... Идеализмъ всѣхъ цвѣтовъ казался обманчивою мельницею звуковъ безъ содержанія. Въ человѣка вѣрить для однихъ было невозможно, для другихъ страшно на другой день послѣ французской игры въ республику, послѣ германской игры въ народный парламентъ, послѣ итальянской игры въ національное сознаніе. Надо было вѣрованіе во что-нибудь внѣчеловѣческое, между тѣмъ, повидимому, понятное, въ догматъ, отрицающій всѣ метафизики и между тѣмъ способный наполнить пустоту человѣческаго духа. Еще Кантъ сказалъ: «точно такъ же невозможно ожидать, чтобъ человѣческій духъ когда-нибудь совершенно отказался отъ метафизическихъ разысканій, какъ и того, чтобъ мы скорѣе совсѣмъ не дышали, чѣмъ дышать нечистымъ воздухомъ. Поэтому въ мірѣ всегда будетъ существовать метафизика, особенно между людьми мыслящими, изъ которыхъ каждый, въ случаѣ недостатка мѣры, данной извнѣ, выкроитъ себѣ свою метафизику».

Предъ мыслью человѣка встало мистическое существо, совершенно чуждое человѣку, потому что оно было безсознательно, одаренное всѣми силами, способное произвести даже явленія сознанія. Это существо всѣ знали по имени; всѣмъ казалось, что они его вполнѣ понимаютъ, видятъ и ощупываютъ. Это существо было; по самой сущности, отрицаніемъ всѣхъ идеальныхъ системъ. Лишенное сознанія, оно было источникомъ всякой силы, всякой мысли, всякой дѣятельности. Въ немъ человѣкъ узнавалъ, что всѣ лучшія созданія его науки и фантазіи, то, что онъ обожалъ и любилъ такъ горячо, отличается лишь по сложности процесса отъ паденія камня, отъ разложенія гніющаго организма, отъ пищеваренія лягушки. Всюду, гдѣ онъ этого не ожидалъ, присутствовало *вещество* съ его физико-химическими процессами, съ его

отсутствіемъ сознанія, съ его необходимымъ теченіемъ законовъ міра. Оно все совершало и оставалось чуждымъ всему, что въ немъ совершается. Оно не знало, что материки измѣняютъ свою форму, что животныя пожираютъ другъ друга; что человѣкъ страждетъ на одрѣ болѣзни, или въ глубинѣ совѣсти, сознающей свое преступленіе; что исторія раздавливаетъ личности и народы въ вѣчномъ движеніи своей тяжелой колесницы; что новыя звѣзды загораются и потухаютъ во вселенной. Въ противность прежнимъ, страстнымъ и мыслящимъ предметамъ поклоненія старинныхъ преданій и различныхъ системъ идеализма, на алтарѣ новаго ученія стоялъ новый кумиръ, лишенный сознанія, не уступающій своимъ предшественникамъ ни въ могуществѣ, обнимавшемъ все сущее, ни въ вѣчности, ни въ безконечности, ни даже въ недоступности наблюденію чувствъ, тому самому орудію, которое признавалось единственнымъ орудіемъ всякаго знанія. Смѣясь надъ прочими предметами поклоненія, называя ихъ безсмысленными идолами, поклонники вещества призывали человѣчество увѣровать и поклониться новому кумиру—*веществу*.

Конечно, привычные естествоиспытатели не вездѣ въ своихъ сочиненіяхъ говорили прямо, что они обладаютъ безусловною истиною. Иногда они выражались очень осторожно, выставляя свое міросозерцаніе только какъ лучшее; но когда они вступали въ полемику съ противниками, въ спорѣ видна была рѣшительная нетерпимость религіознаго догматизма; они не могли ни на минуту допустить, что въ ученіи ихъ противниковъ должно же заключаться сколько-нибудь истины... Они обвиняли въ невѣжествѣ, въ тупоуміи, въ злонамѣренности всякаго, кто не могъ отречься отъ вѣрованія въ сознательныя силы природы, кто не былъ въ состояніи перескочить чрѣзъ пропасть, отдѣляющую движеніе отъ сознанія, и воздвигалъ свой кумиръ въ предѣлахъ второго явленія. Это, очевидно, была борьба между сектаторами двухъ исповѣданій, а не полемика ученыхъ.

Мы до сихъ поръ разсматривали матеріализмъ, какъ ученую теорію, и нашли въ немъ метафизическую систему, обратившуюся въ представленіи рѣшительныхъ приверженцевъ школы въ религіозное вѣрованіе. Теперь посмотримъ, насколько эта система можетъ имѣть метафизическое значеніе, какъ явленіе человѣческаго духа, въ ряду другихъ системъ.

Всѣ міросозерцанія основаны на трехъ началахъ, единственныхъ источникахъ всякой мысли; эти начала: личное сознаніе, внѣшній міръ и преданіе. Поэтому всѣ метафизи-

ческія теоріи выставляли одно изъ этихъ началъ, какъ преобладающее, или старались примирить эти начала сглаживающими системами отвлеченной мысли. Матеріалисты становятся на точку зрѣнія внѣшняго міра, поглощаютъ въ него человѣческое сознаніе, всѣ историческія преданія и признаютъ его метафизическою основою всякаго мышленія. Но эта точка зрѣнія не можетъ быть оправдана послѣдовательностью явленій и ихъ взаимнымъ отношеніемъ. Тотъ, кто хочетъ подчинить два изъ этихъ основныхъ началъ третьему, долженъ, по крайней мѣрѣ въ философской системѣ, выйти изъ явленія, обусловливающаго прочія. Понятно, что системы, опирающіяся на миѳическое воззрѣніе, должны уступить системамъ, выходящимъ изъ созерцанія внѣшняго міра и собственнаго сознанія, потому что всѣ миѳическія воззрѣнія потомковъ... не имѣли и не могли имѣть другого источника, какъ прямое созерцаніе природы и духа, сообразное съ научными знаніями предковъ. Поэтому во имя историческихъ свидѣтельствъ нельзя спорить противъ доказаннаго закона природы или факта сознанія. Но этотъ же критеріумъ долженъ насъ руководить и при сравненіи философскихъ системъ, опирающихся на данныя внѣшняго міра или на сознаніе. Давно уже доказано, что человѣкъ знаетъ только свое собственное сознаніе; что лишь въ послѣднемъ отражаются всѣ явленія внѣшняго міра; что разумъ не могъ бы отличить картины дѣйствительнаго міра отъ фантасмагоріи, которая бы рисовалась въ его сознаніи. Убѣжденіе въ дѣйствительности внѣшняго міра для насъ неотразимо, и можно смѣло сказать, что не было и не будетъ никогда человѣка, который бы въ самомъ дѣлѣ усомнился въ существованіи внѣшнихъ предметовъ и собственнаго тѣла. Но другое дѣло—практическое убѣжденіе и другое дѣло—изслѣдованіе психологическаго процесса знанія: здѣсь мы видимъ, что главный и необходимый фактъ—сознаніе. Мы могли бы сознавать явленія, не имѣющія дѣйствительности (что въ самомъ дѣлѣ бываетъ); въ нашемъ сознаніи предметы могутъ представляться въ искаженныхъ образахъ, и въ этихъ случаяхъ для насъ будетъ существовать внѣшній міръ не дѣйствительный, но тотъ, который находится въ нашемъ сознаніи. Его искаженные законы мы будемъ наблюдать нашими чувствами; изъ его фантастическихъ фактовъ мы будемъ строить теоріи природы. Только то изъ внѣшняго міра намъ извѣстно, что переходитъ чрезъ наше сознаніе, и подъ вліяніемъ предубѣжденій, вѣрованій, углубленія въ мысль, внѣшній міръ для насъ

исчезаетъ, или принимаетъ фантастическіе размѣры. «Во всѣхъ этихъ случаяхъ происходятъ физическія измѣненія, обусловливающія измѣненія сознанія» —говорятъ матеріалисты. Положимъ, что такъ; допустимъ, что это не только предположеніе, но доказанное наблюденіе. Чтобъ прослѣдить эти физическія измѣненія, чтобъ представить ихъ себѣ, чтобъ узнать о существованіи простѣйшаго физическаго опыта, нужно употребить орудіе того же сознанія. Только сознаніе строитъ всѣ теоріи природы, какъ оно одно способно наблюдать явленія, въ себѣ самомъ происходящія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что философская теорія, ставящая на первое мѣсто внѣшній міръ и подчиняющая ему сознаніе, не можетъ считаться весьма стройною. Главное явленіе всякаго бытія, доступнаго человѣку, основное условіе всякаго наблюденія, всякой науки, всякаго созданія, какъ будто, забыто ею. «Матеріализмъ (сказалъ Шопенгауэръ), это—философія личности (субъекта), забывающей самое себя при своемъ разсчетѣ». Прошло время идеальныхъ теорій, подчинявшихъ природу сознанію и возсоздававшихъ ее на основаніи категорій безусловной идеи. Но современная философія не должна пренебрегать явленіемъ сознанія и въ точной системѣ психологія должна искать дополненія теоріи внѣшняго міра. Только весь человѣкъ, въ цѣлости явленій его жизни—истинный предметъ философіи.

Опираясь на блестящія побѣды естественныхъ наукъ, удовлетворяя современной потребности отрицанія идеализма, ученіе Фохта и Молешотта возвело въ философскую аксіому практическое правило механическаго естествознанія: «разсуждай лишь надъ тѣмъ, что можно изслѣдовать чувствами; никогда не ищи для наблюдаемаго явленія причины, недоступной наблюденію чувствъ». Но природа шире этого правила, и человѣческая исторія представляетъ безчисленное множество фактовъ неоспоримыхъ, слѣдовательно, входящихъ въ единое цѣлое природы и, между тѣмъ, совершенно недоступныхъ наблюденію чувствъ. Правильно построенная теорія должна бы сказать: эти факты недоступны нашему инструменту; они внѣ нашего круга изслѣдованій, и современная наука природы не можетъ еще соединить ихъ даже гипотетически съ фактами, подлежащими внѣшнимъ чувствамъ. Матеріализмъ захотѣлъ, во что бы ни стало, подчинить себѣ психологію; онъ не умѣлъ сказать во-время: «не знаю» и сдѣлался изъ ученой теоріи метафизико-религіозною системою.

Эта система, по своей простотѣ, имѣла много чарующаго для умовъ, утомленныхъ долгимъ путемъ среди туманныхъ категорій. На человѣка пахнуло свѣжестью природы. Онъ на каждомъ шагу могъ въ самомъ дѣлѣ или въ воображеніи опираться на изслѣдованія замѣчательнѣйшихъ ученыхъ, на анализъ, на телескопическія или микроскопическія наблюденія, на химическіе опыты. Вся современная наука не только съ сдѣланными уже ею пріобрѣтеніями, но и съ своими самыми смѣлыми ожиданіями входила въ новое построеніе. Послѣдніе остатки схоластики были ниспровергнуты, послѣднія заставы казались разрушенными. Все обнималъ одинъ неизмѣнный механическій законъ, и для открытія этого закона существовалъ человѣкъ, живущій въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ человѣчества, обязанный по необходимому устройству своего мозга изучать и узнавать; человѣкъ, спокойно взирающій на безконечную будущность, которая должна была скоро разрушить безъ слѣдовъ его личное существованіе, чрезъ нѣкоторый періодъ времени стереть человѣчество съ поверхности земли, еще далѣе исчерпать все движеніе вселенной и обратить міръ въ вѣчно мертвую массу.

Было что-то могущественное въ этомъ смѣломъ и спокойномъ взглядѣ на себя и на міръ. Бюхнеръ приводитъ слова одного журнала: «Для безпристрастнаго и незамѣшаннаго въ дѣло наблюдателя не только въ обыкновенномъ смыслѣ интересное, но величественное зрѣлище представляетъ борьба небольшой и слабой кучки ученыхъ противъ сильнѣйшихъ изъ существующихъ властей, борьба, въ которой призъ составляютъ высшія блага человѣчества». Раздѣляя уваженіе къ ученымъ, смѣло и откровенно высказывающимъ свое мнѣніе, мы замѣтимъ, впрочемъ, что въ наше время борьба еще не такъ опасна, когда тысячеголовое общественное мнѣніе въ журналахъ слѣдитъ за каждымъ шагомъ всякаго замѣчательнаго человѣка, когда... наука стоитъ на недосягаемой высотѣ и есть... символъ, признаваемый всѣми партіями, когда терпимость вошла въ законъ, и мы имѣемъ за собою цѣлое столѣтіе неумолимыхъ борцовъ разсудка. Что такое героизмъ мыслителей нашего времени сравнительно съ героизмомъ Джіордано Бруно, Галилея, Ванини, которые имѣли предъ собою пытку и костеръ, а около себя—глухое общество, погрязшее въ вѣковыхъ предразсудкахъ, готовое проклясть того, кто шелъ на смерть, чтобъ внести въ него идею истины, и даже не имѣлъ утѣшенія думать, что его голосъ найдетъ себѣ тысячи незаглушимыхъ отголосковъ?

Мы уже говорили, что существенная разница между матеріалистами XVIII и XIX вѣковъ заключалась въ ихъ различномъ отношеніи къ практическимъ вопросамъ. Для «человѣка-машины» и «системы природы» матеріализмъ былъ средство, исходная точка, о которой говорилось вскользь, чтобъ тѣмъ сильнѣе напасть на нравственныя и политическія начала общества. Молешоттъ, Фохтъ и Бюхнеръ едва касаются послѣднихъ вопросовъ; полуматеріалисты стараются вездѣ выставить на видъ, что начала новаго ученія согласны съ существующими нравственными теоріями, и всѣ они ведутъ борьбу на поприщѣ общихъ, отвлеченныхъ вопросовъ. Между тѣмъ, противники ихъ постоянно стремятся перенести споръ въ область нравственности и доказать, что ученіе новыхъ матеріалистовъ ведетъ къ результатамъ, опаснымъ для частнаго благополучія, для общественнаго порядка и спокойствія. О матеріалистахъ писали, что они уравниваютъ человѣка съ животнымъ. Вагнеръ сказалъ, что ихъ нравственная заповѣдь гласитъ: «будемъ ѣсть и пить, потому что завтра мы умремъ». Въ отверженіи произвола многіе видятъ разрушеніе всѣхъ юридическихъ началъ, готовы... и призвать гражданскую власть противъ смѣлыхъ проповѣдниковъ. Большая часть этихъ обвиненій показываетъ непониманіе вопроса, даже нежеланіе понять его; послѣднее же побужденіе есть вѣрный признакъ безнравственности тѣхъ рыцарей нравственности, которые не видятъ другихъ средствъ для защиты послѣдней.

Кто желаетъ убѣдиться, что занятіе естественными науками и вѣра въ ихъ результаты, даже наименѣе утѣшительные, не только не вредятъ нравственности человѣка, но скорѣе возвышаютъ послѣднюю, тому посовѣтуемъ прочесть главу, относящуюся къ этому предмету въ книжкѣ Фрауэнштедта: «Естествознаніе, въ отношеніи къ его вліянію на поэзію, религію, нравственность и философію»... Очень просто и то, что человѣкъ, который честенъ и добродѣтеленъ, хотя не разсчитываетъ ни на какое вознагражденіе, долженъ считаться нравственнѣе того, который имѣетъ въ виду подобную награду. Что касается проповѣди чувственныхъ наслажденій, порока и преступленія, то, во-первыхъ, это не проповѣдывалъ никто изъ предводителей какой-либо значительной школы, это не проповѣдывалъ даже Ламеттри, самый рѣшительный эксцентрикъ XVIII вѣка въ этомъ отношеніи; а во-вторыхъ, по мнѣнію многихъ писателей, самое ученіе матеріализма, послѣдовательно проведенное, отвергаетъ возможность нравственной и всякой другой проповѣди. Въ этомъ

всего скорѣе можно искать недостатокъ практической стороны матеріализма. Если законъ необходимой механической послѣдовательности царствуетъ повсюду, въ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ человѣка, какъ въ обращеніи крови, то допустимъ, что А—матеріалистъ; Б—спиритуалистъ; А—честный человѣкъ, Б—мошенникъ; А—прогрессистъ, Б—консерваторъ. То и другое равно необходимо. А не имѣетъ ни малѣйшаго права укорять Б и проповѣдь безполезна. Можно отвѣтить, что укоры и проповѣдь суть слѣдствіе той же необходимости, и неподготовленный оппонентъ не найдетъ, можетъ быть, что на это возразить, сознавая, впрочемъ, что вопросъ не рѣшенъ. Дѣйствительно, мы здѣсь имѣемъ двѣ совершенно различныя сферы и затрудненіе происходитъ отъ ихъ смѣшенія. Въ метафизической сферѣ знанія фаталистъ можетъ сказать, что человѣкъ не имѣетъ произвола, и къ ней относится механизмъ связи причинъ съ слѣдствіями; въ этой сферѣ ни одно существо не имѣетъ права порицать или осуждать другое: всѣ, отъ песчинки до мудреца, равны, необходимы и безотвѣтственны предъ безусловнымъ закономъ необходимости природы. Но внутри первой сферы существуетъ нравственная сфера сознательныхъ существъ, составляющихъ отдѣльную группу, въ которой сознаніе есть одна изъ дѣйствующихъ силъ. Въ этомъ сознаніи создается историческій родъ нравственныхъ, гражданскихъ, религіозныхъ, философскихъ системъ, которыя составляютъ въ каждое мгновеніе законодательство сознанія; во имя этихъ законовъ судятъ и осуждаютъ личности и общества; предъ этими законами отвѣтственны сознательныя, и только сознательныя, личности. Пропаганда истины производится для распространенія этихъ законовъ, и они служатъ единственною мѣрою для оцѣнки добра и зла въ личности и въ обществѣ, единственнымъ средствомъ для размѣщенія существъ въ какомъ-нибудь порядкѣ, для отдѣленія высшихъ отъ низшихъ, для того, чтобъ слова: нравственная цѣль, идеалъ, назначеніе имѣли какой-либо смыслъ. Матеріалисты нашего времени отыскивали законы первой сферы, потому что сознавали ея полную независимость отъ второй, и въ этомъ они стояли выше матеріалистовъ прошлаго вѣка, воображавшихъ, что изъ метафизическихъ началъ необходимости можно вывести какія-нибудь практическія правила. Отдѣленіе одной сферы отъ другой устраняетъ и другія возраженія противъ матеріализма въ отношеніи безотвѣтственности преступниковъ и невозможности суда надъ ними, въ отношеніи равенства

всѣхъ явленій въ ихъ необходимой связи, и потому несправедливости признать одно высшимъ и лучшимъ, другое—низшимъ и худшимъ и т. п. Всѣ юридическія начала, всякая оцѣнка возможна только въ сферѣ сознанія. Для безсознательной природы, для мистическаго вещества матеріалистовъ, дѣйствительно, понятія справедливости, суда, предпочтенія, относительнаго значенія явленій составляютъ нелѣпость. Но для сознательнаго человѣка въ отдѣльности и общества въ его цѣломъ существуютъ въ каждый моментъ исторіи необходимыя мѣрила справедливаго, лучшаго и высшаго, а съ ними потребность и законность суда и распредѣленія явленій.

Совершенно другое значеніе имѣетъ обвиненіе матеріализма въ неутѣшительности и прозаичности. Оставимъ, по недостатку мѣста, въ сторонѣ эстетическую сторону вопроса [1]) и обратимся къ первой части его. Какъ всѣ атеистическія и фаталистическія системы, матеріализмъ отнимаетъ у человѣка возможность опереться въ глубинѣ своей фантазіи на существо, его слышащее, сознающее его радость и горе, способное спасти или погубить его; матеріализмъ уничтожаетъ молитву и благодареніе, надежду на всемірную справедливость и на вѣчную заботливость о судьбахъ человѣка, народовъ и человѣчества. У всякаго человѣка бываютъ минуты слабости; и тотъ, кто въ подобныя минуты не имѣетъ близъ себя ни одного любящаго сердца, которое бы ему сочувствовало, ни одной дружеской руки, на которую бы онъ могъ опереться, тотъ останется безпомощенъ и глубоко несчастливъ съ своими матеріалистическими убѣжденіями. Точно также человѣкъ, въ душѣ котораго нѣтъ сознанія внутренней человѣческой справедливости; кто не въ состояніи страдать и бороться за идею истины безъ всякой надежды на вознагражденіе, тотъ, кто не выработалъ въ себѣ самостоятельность... такой человѣкъ не въ состояніи быть въ одно время счастливымъ и поклонникомъ вещества. Что ни писали нерѣшительные мыслители современныхъ школъ, чтобъ прикрыть это обстоятельство, ни Фрауэнштедтъ, ни Вейгельтъ [2]), не даютъ человѣку что-нибудь въ вознагражденіе за потерю вѣрованія во всемірную справедливость и въ загробное искупленіе страданій. Это, дѣйствительно, неутѣшительное вѣрованіе; но откровенные матеріалисты этого не скрываютъ; они говорятъ, что вовсе не имѣютъ въ виду созданія системы, способной утѣшить чело-

[1]) Фрауэнштедтъ разсмотрѣлъ ее въ сочиненіи, указанномъ выше; впрочемъ, съ нимъ не вполнѣ можно согласиться.

[2]) «Das Gemüth in seinem Verhältniss zum Christenthum» etc.

вѣка, но только хотятъ научить его. Отъ этого откровенный матеріализмъ совсѣмъ не такъ опасенъ, какъ думаютъ противники. Стремленіе къ благополучію и къ удовлетворенію желаній есть одинъ изъ могучихъ двигателей человѣческой жизни. Оно есть явный или тайный руководитель большинства въ выборѣ вѣрованій, въ построеніи метафизическихъ теорій. Поэтому невѣроятно, чтобъ современное общество въ своемъ большинствѣ приняло вѣрованія матеріалистовъ. Теперь, пишутъ, на нихъ мода въ Европѣ, особенно въ Германіи. Но во всѣхъ ученіяхъ людей—исповѣдующихъ много, а истинно вѣрующихъ—мало. Немногіе въ состояніи удовлетвориться человѣческою справедливостью и успокоиться въ необходимости страданія. Немногіе способны внушить столько привязанности къ себѣ въ другихъ людяхъ и такъ сильно къ нимъ привязаться, чтобъ найти въ нихъ опору въ тяжелыя минуты жизни... И потому весьма трудно въ наше время представить себѣ общество искреннихъ матеріалистовъ. Матеріализмъ есть религія меньшинства...

Не будемъ останавливаться долѣе на этой практической сторонѣ матеріализма, общей ему со многими теоріями, и выведемъ заключеніе о его научно-метафизическомъ значеніи.

Мы видѣли, что матеріализмъ въ этомъ отношеніи имѣетъ двойной недостатокъ. Онъ считаетъ себя научною теоріею, но въ сущности есть метафизическая система. Онъ закрылъ двойственность явленій, наблюдаемыхъ чувствами и наблюдаемыхъ сознаніемъ, но не разрѣшилъ ее въ высшемъ единствѣ, и эти два рода явленій требуютъ все еще двухъ, совершенно отдѣльныхъ наукъ. Для всѣхъ явленій, обозначенныхъ названіемъ вещественныхъ, теорія матеріализма можетъ быть только полезна, потому что она есть не что иное, какъ философская форма извѣстнаго правила естествознанія: всѣ явленія, подлежащія чувствамъ, должны быть изслѣдуемы и объясняемы только помощію чувствъ, устраняя всякое чуждое предположеніе. Для явленій, обозначаемыхъ названіемъ духовныхъ, матеріализмъ, можетъ быть, въ теперешнемъ состояніи науки только вреденъ, потому что отклоняетъ большинство ученыхъ отъ точныхъ психологическихъ изслѣдованій, возможныхъ и теперь, чтобъ гнаться за мечтою, которую физіологія еще очень долго не въ состояніи выполнить. Именно, путь матеріализма могъ бы повести къ успѣхамъ въ психологіи, еслибъ физіологія могла прослѣдить за движеніемъ въ частицахъ мозга, которое сопровождается процессомъ мышленія; тогда группировка движеній повела бы,

вѣроятно, къ раціональной группировкѣ душевныхъ впечатлѣній и видовъ мысли, сопровождающихъ эти движенія. Но это—desiderata, на исполненіе которой самый смѣлый физіологъ едва ли можетъ надѣяться, даже чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ. Въ такомъ случаѣ, для обработки области феноменологіи духа остается путь прямого наблюденія, помощью сознанія и свидѣтельства историческихъ памятниковъ. Пусть психологія и феноменологія духа (какъ бы ни называлась эта будущая наука) чуждается всякой метафизической гипотезы о сущности духа; пусть она не теряетъ своихъ силъ на ненаучный споръ: что такое духъ,—вещество или не вещество? Пусть изучаетъ *явленія*, и только явленія, духа. На этомъ поприщѣ сдѣлано еще весьма мало; желательно бы очень на него обратить вниманіе ученыхъ, но едва ли мода на матеріализмъ подѣйствуетъ полезно въ этомъ отношеніи. Какъ метафизическая теорія, матеріализмъ, имѣя преимущество предъ нѣкоторыми другими ученіями, не полонъ, потому что не обнимаетъ теоріи явленій сознанія, слѣдовательно, *пока* нельзя на немъ остановиться, какъ нельзя остановиться ни на одной изъ существующихъ системъ идеализма. Задача будущей, еще несуществующей философской системы, должна заключаться въ стройномъ уясненіи всего человѣка въ его тройномъ отношеніи: къ своему сознанію, къ внѣшнему міру и къ преданію. Всѣ видоизмѣненія сознанія, всѣ законы природы, весь процессъ преданія историческаго долженъ построиться въ этой системѣ въ единое цѣлое. Но, по всей вѣроятности, исходной точкою должно будетъ служить не наблюденіе чувственное, а сознаніе, потому что оно обусловливаетъ знаніе внѣшняго міра и преемственность преданія. Оно есть необходимое звено, связующее все сущее, потому что оно есть существеннѣйшая особенность всего мыслящаго.

Но всякая философія есть временная намѣстница науки. Всѣ философіи падаютъ, потому что наука ихъ переростаетъ. Если мы въ предыдущихъ строчкахъ представили задачу будущей философіи, то нельзя ли сдѣлать того же для науки въ ея развитіи. Попробуемъ очертить идеалъ ея такъ, какъ онъ намъ представляется, нисколько не навязывая его нашимъ читателямъ.

Три науки, относящіяся къ тремъ родамъ явленій, по нашему мнѣнію, должны идти каждая своимъ особеннымъ путемъ. Естествознаніе достигнетъ совершенства, если прослѣдитъ всѣ движенія природы, отъ извѣстныхъ уже движеній тѣлъ небесныхъ до послѣднихъ мозговыхъ движеній,

сопровождающихъ процессъ чувствованія, знанія, творчества, и если, потомъ, заключитъ всѣ эти движенія въ одну общую, аналитическую формулу. Феноменологія духа должна обнять всѣ процессы сознанія и всѣ ихъ результаты въ систематическое и органическое построеніе, для котораго мы теперь не имѣемъ даже очерка. Исторія должна узнать, какъ прогрессивно человѣкъ сознавалъ себя существомъ, способнымъ изслѣдовать внѣшній міръ органами чувства, внутренній міръ—сознаніемъ, какъ онъ открывалъ законы этихъ міровъ и какъ воплощалъ свои желанія справедливаго и прекраснаго въ преходящія формы гражданскихъ учрежденій, религіозныхъ вѣрованій, философскихъ системъ, поэтическихъ и художественныхъ образовъ, какъ старыя формы боролись и падали предъ новымъ воззрѣніемъ, какъ росло человѣчество. Если независимыя изслѣдованія этихъ трехъ наукъ покажутъ аналогическое построеніе законовъ явленій, принадлежащихъ каждой изъ нихъ въ особенности; если простымъ сближеніемъ можно будетъ свести эти законы въ одно общее начало, тогда... тогда метафизика будетъ ненужна, наука и вѣрованіе сдѣлаются тождественными, и кривая развитія человѣчества достигнетъ своей ассимптоты.

Что такое антропологія [1]).

Anthropologie. Die Lehre von der menschlichen Seele neubegründet etc. von Imm. Herm. Fichte. 2 Aufl. 1860. (Антропологія. Ученіе о человѣческой душѣ, Имм. Герм. Фихте).

Anthropologie der Naturvölker von Dr. Theodor Waitz; I Theil Ueber die Einheit des Menschen-Geschlechtes und den Naturzustand des Menschen, 1859. 2 Theil: Die Negervölker und ihre Verwandten, 1860. (Антропологія народовъ, находящихся въ естественномъ состояніи, Теод. Вайца. Ч. I. О единствѣ человѣческаго рода и о естественномъ состояніи человѣка. 1859. Ч. II. Негры и родственные имъ народы. 1860).

Предъ нами два сочиненія объ антропологіи. Оба писаны людьми, имѣющими извѣстное имя въ философскомъ мірѣ Германіи. Вайцъ—замѣчательный психологъ школы Гербарта, извѣстный писатель по педагогіи. Фихте—глава одной изъ школъ современной германской философіи, боецъ *за душу*, рыцарь безнадежнаго идеализма между строгими теологами и дерзкими матеріалистами. Сочиненіе Фихте въ короткое время напечатано вторымъ изданіемъ; значитъ, оно имѣло успѣхъ. Между тѣмъ, оно не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Мы уже говорили въ этомъ журналѣ въ прошломъ году (см. Германскіе теисты), [2]) о точкѣ зрѣнія Фихте, о его стремленіяхъ и не видимъ нужды возвращаться къ этому вопросу. Новое изданіе его антропологіи измѣнено лишь по формѣ: кое-что прибавлено [3]), но духъ остался тотъ же. Подъ названіемъ

---

[1]) «Русское Слово», 1860 г., № 10. Отдѣлъ «Иностранная Литература». Подпись—П. Л. Лавровъ. Ред.

[2]) Статья Лаврова «Современные германскіе теисты» («Русское Слово, 1859 г., № 7). См. III выпускъ этой серіи». Ред.

[3]) Между прочимъ, прибавлена статья Мореля (Morell) о современномъ состояніи психологіи въ Англіи. Не можемъ не указать на одну частность, которая насъ поразила. Морель, между прочимъ, упомянулъ о *гипнотизмѣ*. Профессоръ и редакторъ философскаго журнала Иммануэль Германъ Фихте счелъ полезнымъ сдѣлать выноску, гдѣ сознается, что не понимаетъ, о чемъ тутъ идетъ рѣчь. Нѣмецкій филистеръ въ мартѣ 1860 г. не слыхалъ еще о гипнотизмѣ. Философъ-антропологъ въ глубинѣ своего кабинета и не думалъ слѣдить за самыми интересными фактами науки о человѣкѣ.

антропологіи читатели имѣютъ предъ собою историческій обзоръ мнѣній о душѣ, критику ихъ и, самособою разумѣется, доказательство необходимости половинчатой теоріи автора. Для него вся антропологія заключается въ вопросѣ о душѣ, т. е. въ вопросѣ объ отношеніи міра духовныхъ явленій къ явленіямъ физическимъ, и наоборотъ.

Совсѣмъ другая точка зрѣнія Вайца. Это—настоящій, строгій ученый. Цѣль для него: достиженіе истины, въ чемъ бы эта истина ни заключалась. Если въ его сочиненіи и проглядываетъ личная наклонность къ убѣжденію въ единство человѣческаго рода, то весьма трудно сказать: предшествовала-ли эта наклонность составленію сочиненія, или она есть только убѣжденіе, почерпнутое изъ фактовъ, добытыхъ изслѣдованіемъ. А фактовъ этихъ бездна. Изъ всѣхъ теорій, изъ всевозможныхъ источниковъ черпаетъ ученый писатель данныя, сближаетъ ихъ, разбираетъ, сравниваетъ, группируетъ и затѣмъ только указываетъ читателю на болѣе или менѣе вѣроятный результатъ. Вчитываясь въ эту книгу, невольно убѣждаешься, что онъ можетъ ошибиться, но едва-ли намѣренно исказить данныя. Для Вайца антропологія это—отдѣлъ зоологіи, описаніе всѣхъ особенностей рода homo, его отличія отъ близкихъ къ нему родовъ, указаніе на явленія, общія всему роду, и на различія, проявляющіяся въ его развѣтвленіяхъ, словомъ, все, что относится къ человѣку, какъ животному, въ которомъ мы наблюдаемъ разнородныя явленія.

Человѣкъ, какъ животное, есть предметъ антропологіи. Предметъ антропологіи составляетъ вопросъ о человѣческой душѣ, о ея отношеніи къ тѣлу. Какъ разнообразны, даже противорѣчивы могутъ показаться эти точки зрѣнія! Но разсмотримъ ихъ поближе: можетъ быть, противорѣчіе въ нихъ только кажущееся, а разнообразіе зависитъ только отъ того, что одинъ писатель изслѣдуетъ научный вопросъ, другой строитъ философскую теорію.

Философія опирается на науку и ею питается. Изъ фактовъ послѣдней философія строитъ одно стройное цѣлое, не имѣя права ничего выкинуть, ничему противорѣчить. Чѣмъ она ближе къ наукѣ, тѣмъ она проще, нагляднѣе, убѣдительнѣе. Чѣмъ болѣе разработана какая-либо часть науки, тѣмъ менѣе въ этой отдѣльной части остается сдѣлать философіи; факты сами подсказываютъ и обязываютъ мыслителя къ такому, а не къ другому роду построенія. Итакъ, научное основаніе должно предшествовать зданію философіи. Мы и начнемъ съ перваго. Посмотримъ, каковы предѣлы антропологіи, какъ

науки, составляющей отдѣлъ зоологіи, и потомъ зададимъ себѣ вопросъ: что философія можетъ сдѣлать съ фактами антропологіи, при современномъ ихъ состояніи?

Человѣкъ (homo) есть зоологическій родъ въ разрядѣ млекопитающихся. Антропологія есть отдѣлъ зоологіи, занимающійся этимъ родомъ во всѣхъ его особенностяхъ. Можетъ быть, иной читатель возмущается этому сопоставленію человѣка, *царя созданія*, *образа и подобія Божія*, съ безсловесными. Можемъ его утѣшить тѣмъ, что нѣкоторые зоологи, въ особенности французы, предлагали составить для человѣка особое царство, четвертое, да какъ-то этотъ проектъ еще не принялся, хотя отчаяваться въ его принятіи современемъ не слѣдуетъ... Впрочемъ, мы отклонились отъ нашего вопроса. Поставимъ его такъ: какія явленія должны войти въ антропологію, какъ науку о зоологическомъ родѣ homo?

Сначала представляются явленія формы и ихъ измѣненія. Анатомія человѣка вообще, анатомія человѣческихъ расъ, анатомія уродовъ (тератологія) и т. д., и т. д. Форма отдѣльнаго человѣка не остается одинаковою; она развивается: начиная съ мгновенія оплодотворенія яйца, дѣлаясь постепенно зародышемъ, плодомъ, младенцемъ, отрокомъ, юношею, старцемъ, трупомъ,—человѣкъ проходитъ чрезъ непрерывный процессъ измѣненія формъ. Самое измѣненіе формъ есть только измѣненіе ихъ отправленій, и безъ изученія отправленій совершающихся въ человѣкѣ, изученіе формъ его безсмысленно и даже невозможно. Чѣмъ внимательнѣе мы изучаемъ измѣняющіяся формы, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что вся сущность ихъ заключается въ явленіяхъ, которымъ они служатъ лишь временнымъ переходнымъ опредѣленіемъ. Шарики крови важны, особенно, какъ совершающіе процессъ кровообращенія, глазъ, какъ органъ зрѣнія, нервы, какъ органъ чувства и воли, и т. д. Такимъ образомъ, анатомія человѣка—наука формъ человѣческаго тѣла ведетъ къ физіологіи—наукѣ отправленій, совершающихся въ человѣкѣ.

Явленія движенія, явленія измѣненія сцѣпленія, температуры, цвѣта, электрическаго состоянія, явленія измѣненія состава, явленія появленія органическихъ формъ, ихъ измѣненія, перехода однѣхъ въ другія, наконецъ, перехода въ неорганическія—все это наблюдается въ человѣкѣ, все это входитъ въ его изученіе, слѣдовательно въ антропологію, хотя здѣсь мы встрѣчаемъ сомнѣніе. — Нѣтъ, говорятъ естествоиспытатели, законы движенія принадлежатъ механикѣ; законы явленій сцѣпленія, теплоты, свѣта и т. д. принадлежатъ фи-

зикѣ; законы измѣненія состава—химіи: все это не можетъ войти въ антропологію, какъ законы чиселъ не входятъ въ механику. Механика, физика, химія—это науки, обнимающія свойства всего доступнаго чувствамъ; антропологія на нихъ опирается, ими пользуется, но ихъ не заключаетъ. Точно также физіологія, обнимая явленія, происходящія исключительно въ живыхъ организмахъ, далеко обширнѣе антропологіи; одна часть первой: физіологія животныхъ заключаетъ въ себѣ всю физіологическую часть антропологіи, какъ едва замѣтный частный случай, скорѣе въ видѣ примѣра, чѣмъ въ видѣ особаго отдѣла; человѣкъ не представляетъ для физіологіи, взятой въ ея самостоятельности, никакой особой важности; физіологія человѣка важнѣе другихъ лишь въ практическомъ медицинскомъ отношеніи. Все это: механика, физика, химія, физіологія вообще—это науки законовъ, которымъ подчиняется человѣкъ, не какъ человѣкъ въ особенности, а какъ часть вещества, какъ живой организмъ, какъ позвоночное животное, какъ млекопитающееся. Особенности здѣсь болѣе важны въ анатомическомъ отношеніи, чѣмъ въ физіологическомъ; отправленія остаются тѣ же, только формы различаются болѣе или менѣе.

Оставляемъ пока все это внѣ антропологіи, какъ ея основаніе, но мы еще вернемся къ этому вопросу. Поищемъ особенностей въ явленіяхъ, происходящихъ въ человѣкѣ, поищемъ явленій, ему исключительно принадлежащихъ, или, по крайней мѣрѣ, въ немъ одномъ изучаемыхъ.

Такія явленія есть: это—явленія чувства, мысли, воли, явленія знанія и творчества; это—область психологіи...

— «Здѣсь огромный скачекъ, говорятъ спиритуалисты, мы вступаемъ въ особое царство, въ особый міръ. Безсмертный и невещественный духъ, соединяясь сверхъестественнымъ образомъ съ бреннымъ тѣломъ, сообщаетъ ему мысль, беретъ его, какъ орудіе, и бросаетъ его, какъ негодное платье, когда оно отслужило свое время, чтобы ему, духу, продолжать свое духовное существованіе внѣ вещества и пространства. Лишь человѣкъ мыслитъ, лишь онъ безсмертенъ и своимъ духомъ стоитъ неизмѣримо выше всего прочаго созданія»...

— «Позвольте, перебиваютъ матеріалисты, тутъ нѣтъ ни скачка, ни особаго міра. Движеніе—вотъ единый совершающійся процессъ въ единой сущности—въ веществѣ. Теплота, свѣтъ, электричество—это новыя, болѣе сложныя движенія. Вещество, кристаллизующееся многогранникомъ въ одномъ случаѣ, кристаллизуется клѣточкою въ другомъ, вотъ и все.

Отъ состава и формы клѣточки зависятъ ея особыя свойства. Въ однихъ обстоятельствахъ она служитъ для питанія, въ другихъ—для нагрѣванія организма, въ третьихъ—для ощущенія, въ четвертыхъ—для мышленія и т. д. Психическія отправленія есть и въ животныхъ и различаются болѣе по степени, чѣмъ по сущности, отъ психическихъ отправленій въ человѣкѣ. Но эта разница не болѣе велика, чѣмъ разница между позвоночными и безпозвоночными животными. Все въ природѣ постепенно, мысль развивается изъ безсознательнаго вещества, какъ организмъ изъ неорганизованнаго; уродливости однѣхъ породъ, способныя жить и производить себѣ подобныя особи, суть начала новыхъ породъ, и въ безконечномъ существованіи міра было время появиться между безчисленнымъ множествомъ уродливостей, неспособныхъ къ жизни, и достаточному числу уродливостей наслѣдственныхъ, которыя даютъ все разнообразіе міра. Явленія мышленія не должно отдѣлять отъ прочихъ жизненныхъ явленій, частныхъ случаевъ движенія; точно также психологію должно разсматривать, какъ главу физіологіи, разбирающую явленія психологическія въ ихъ разнообразіи въ животномъ царствѣ, а сама физіологія есть частный, довольно сложный примѣръ, прикладная часть механики»....

Позвольте, скажемъ мы въ свою очередь, дѣло идетъ пока о результатахъ, добытыхъ наукою, а не о возможномъ философскомъ построеніи ея отдѣльныхъ фактовъ во единое цѣлое. Если спиритуалистамъ можно противопоставить логическое начало Оккама: не должно безъ нужды умножать число сущностей, то матеріалисты вредятъ научному изслѣдованію, постоянно выставляя за исходную точку то, что можетъ быть лишь окончательнымъ результатомъ этого изслѣдованія. Одна ли сущность присутствуетъ во всѣхъ явленіяхъ, доступныхъ ему, двѣ ли, или бо́льшее число, до этого наукѣ нѣтъ дѣла. Она начинаетъ съ разложенія группы явленій на простѣйшія явленія, подлежащія наблюденію, подчиняетъ эти простѣйшія явленія анализу и только по окончаніи этого анализа восходитъ къ изученію группы явленій, какъ нераздѣльнаго цѣлаго. Нигдѣ нѣтъ формъ безъ вещества, заключеннаго въ этихъ формахъ, нигдѣ нѣтъ жидкости, не имѣющей ни температуры, ни химическаго состава, но геометрія изучаетъ протяженныя формы отдѣльно отъ ихъ содержанія, механика жидкихъ тѣлъ изслѣдуетъ свойства послѣднихъ, не беря въ соображеніе ихъ температуру и химическій составъ. Вопросъ о механическомъ эквивалентѣ теплоты, о

соотношеніи физическихъ и химическихъ явленій есть *одинъ* изъ вопросовъ физики, но прежде чѣмъ къ нему приступить, физика изучаетъ каждое изъ явленій, въ нее входящихъ, особо. Пока не создана достаточно строгая механическая теорія химическихъ замѣщеній, связи между составомъ и формою кристалла, до тѣхъ поръ химія и кристаллографія *для ученаго* (но не для философа) суть *особыя* науки отъ механики. Пока не получена клѣточка внѣорганическаго вліянія, пока законы ея нарастанія и образованія органовъ не выведены математически изъ внѣшнихъ условій, дѣйствующихъ на клѣточку, до тѣхъ поръ теорія организмовъ есть *особая* область естествознанія. Ученый задаетъ себѣ вопросъ: какъ механическія вліянія видоизмѣняютъ органическій процессъ? Онъ постепенно исключаетъ изъ числа *особенныхъ* явленій все, что можетъ исключить, но останавливается тамъ, гдѣ изслѣдованія недостаточны, позволяя лишь себѣ сказать: изъ наблюденій я не вижу никакой достаточной причины допускать существованіе нѣсколькихъ различныхъ сущностей всюду, гдѣ наблюденія мои довольно полны. По *аналогіи* заключаю, что всѣ прочія явленія не представятъ мнѣ особенныхъ сущностей, когда будутъ надлежащимъ образомъ изслѣдованы, и *философски* допускаю единство сущности всего сущаго. Но это не мѣшаетъ изучить каждое явленіе, какъ бы оно было отлично отъ всѣхъ прочихъ.

Точно то же съ психическими явленіями. Можно ли наблюденіемъ ихъ сблизиться съ явленіями физіологическими? И да, и нѣтъ. Безчисленное множество примѣровъ, неотразимыхъ по своей убѣдительности, доказываютъ, что измѣненіе физіологическихъ отправленій влечетъ за собою необходимое измѣненіе психическихъ явленій въ человѣкѣ, и что психическое состояніе имѣетъ вліяніе на жизненный процессъ, слѣдовательно, связь обоихъ родовъ явленій неоспорима; она есть *одинъ* изъ вопросовъ науки, и по мѣрѣ болѣе точнаго обслѣдованія этого вопроса можно надѣяться, что упомянутая связь будетъ выказываться все тѣснѣе. Но пока психическія явленія представляютъ много вопросовъ, кромѣ того, о которомъ идетъ рѣчь; внѣ его эти явленія должны быть разсмотрѣны наукою *особо*, самостоятельно, отдѣльно отъ физіологическихъ процессовъ, ихъ обуславливающихъ или ими обуславливаемыхъ. Итакъ, психологія приступаетъ къ своему дѣлу, какъ бы допуская спиритуализмъ; мало того: она каждое явленіе психическое разсматриваетъ, какъ особенное, пока не сведетъ его на другія.

Но это только приступъ къ дѣлу. Психологія не упускаетъ и не должна упускать изъ виду, что она не имѣетъ никакого права дѣлать окончательнаго заключенія о единствѣ или различіи сущностей, не переставая быть наукою. Тѣмъ менѣе она имѣетъ право остановиться на спиритуалистической точкѣ зрѣнія. Напротивъ, всѣ особенныя сущности, разсматриваемыя наукою, суть для нея лишь временныя вспомогательныя формулы; она пополняетъ ими свои пробѣлы и по мѣрѣ своего укрѣпленія пріучается обходиться безъ нихъ, пріучается исключать ихъ изъ своихъ изслѣдованій. Для психолога спиритуализмъ есть переходный пунктъ: онъ начинаетъ съ безчисленнаго разнообразія явленій психическихъ и физіологическихъ, стремится къ открытію во всѣхъ ихъ единой сущности человѣческаго бытія; на этомъ пути есть одна ступень, когда всѣ психическія явленія представляются видоизмѣненіями одной группы явленій, всѣ физіологическія— видоизмѣненіями другой; эту ступень обозначаетъ спиритуализмъ. Кто останавливается на немъ, тотъ уподобляется мыслителю, допускающему реальное бытіе геометрическихъ формъ безъ вещественнаго содержанія и совершеніе химическаго процесса внѣ всякой геометрической формы для преобразующагося вещества. Наука изучаетъ въ геометріи отдѣльно формы, и въ химіи отдѣльно процессъ химическихъ замѣщеній, но ученый знаетъ, что въ самомъ дѣлѣ геометрическая форма и химическій измѣняющійся составъ составляютъ одно реальное бытіе.

Если философское мышленіе не можетъ уже остановиться на указанномъ переходномъ пунктѣ, то научное изслѣдованіе долго еще должно его удержать, если только будетъ въ состояніи когда-нибудь осилить его. И этому есть одна очень важная причина: самый методъ изслѣдованія. Орудія внѣшняго наблюденія могутъ уловить лишь самую грубую часть психическихъ явленій: измѣненіе физіономіи, звука голоса, наконецъ, слово и дѣйствіе, составляющіе окончательный результатъ часто весьма сложнаго внутренняго процесса. Для изученія самого процесса въ его оттѣнкахъ, въ его дѣйствительной постепенности есть одно орудіе, совершенно отличное отъ всѣхъ орудій внѣшняго наблюденія; это— *внутреннее наблюденіе*, заключенное въ психическомъ явленіи *сознанія*.

Вотъ этотъ фактъ сознанія составляетъ до сихъ поръ камень преткновенія для всѣхъ теорій, объясняющихъ психическія явленія помощью движенія. Можно механически

объяснить измѣненіе физіономіи, измѣненіе звука голоса, процессъ слова и дѣятельности, вслѣдствіе разныхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Это—все однородныя явленія, воспринимаемыя тѣми же органами. Но говорящій и дѣйствующій автоматъ, съ подвижною физіономіею и съ измѣняющимся голосомъ, не есть еще сознательное существо. Сознаніе есть процессъ, доступный лишь *одному* наблюдателю, тому, въ которомъ онъ происходитъ, и во всемъ лексиконѣ движенія для сознанія нѣтъ еще соотвѣтственнаго выраженія. Для безпристрастнаго наблюдателя сознаніе составляетъ особое научное явленіе, и, разсматривая психическія отправленія, какъ отправленія преимущественно сознательныя, мы должны отрицать возможность ихъ сближенія съ физіологическими.

Итакъ, на вопросъ объ этомъ сближеніи мы могли одновременно отвѣтить: да и нѣтъ. Они сближены взаимною зависимостью въ единомъ человѣческомъ существѣ, сближены во внѣшнемъ явленіи, въ реальномъ бытіи. Они раздѣльны въ научномъ изслѣдованіи, въ своихъ существеннѣйшихъ особенностяхъ и въ этомъ отношеніи для современной науки совершенно несоизмѣримы.

Но мы сдѣлали отступленіе отъ нашего пути. Намъ встрѣтились психическія явленія и мы должны были обсудить ихъ право на мѣсто въ антропологіи. Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію, намъ приходится отдѣлаться еще отъ одного вопроса въ этомъ отношеніи: одинъ ли человѣкъ представляетъ предметъ для психологическихъ изслѣдованій или есть психологія животныхъ? Множество внѣшнихъ аналогій указываютъ на то, что въ животныхъ происходятъ процессы, подобные человѣческому чувствованію, человѣческому соображенію, человѣческой волѣ. Недостатокъ точныхъ и подробныхъ изслѣдованій и еще болѣе недостатокъ научной полноты въ самой психологіи человѣка не позволяютъ даже приблизительно судить о томъ, есть ли тутъ качественная или только количественная разница въ отправленіи. Но фактовъ этихъ достаточно, чтобы мы не имѣли права исключить изъ психологіи все сущее внѣ человѣка и чтобы сказать: къ антропологіи относится не психологія вообще, а психологія человѣка въ особенности. Правда, что слѣдуетъ прибавить: какъ физіологія человѣка составляетъ едва замѣтный (въ научной системѣ) отдѣлъ физіологіи вообще, такъ внѣ психологіи человѣка остается весьма незначительное число психологическихъ фактовъ, имѣющихъ смыслъ лишь тогда, когда мы ихъ освѣщаемъ

данными, пріобрѣтенными помощью внутренняго наблюденія, въ антропологической части психологіи. Итакъ, психологія принадлежитъ, если не исключительно, то преимущественно къ антропологіи. Выходя изъ теоріи побужденій, она обрисовываетъ рядъ измѣняющихся состояній духа, безпрестанныхъ стремленій, удовлетворяемыхъ въ трехъ главныхъ психическихъ продуктахъ: въ понятіи, въ созданіи, въ дѣйствіи. Эти продукты ложатся въ основаніе трехъ духовныхъ процессовъ: процесса знанія, процесса внутренняго творчества и процесса внѣшняго творчества—жизни.

Точно такъ же, какъ нѣтъ физическаго дѣйствительнаго явленія, гдѣ бы не совершались одновременно процессы измѣненія сцѣпленія (увеличеніе или уменьшеніе плотности, испареніе, кристаллизація и т. п.), измѣненіе теплороднаго состоянія, электрическаго напряженія, наконецъ, химическіе процессы, какъ нѣтъ питанія безъ кровообращенія, безъ дѣятельности нервовъ и обратно, — такъ знаніе, творчество внутреннее и жизненное нераздѣльны въ дѣйствительности. Но наука ихъ различаетъ для удобнѣйшаго изученія и такимъ образомъ открываетъ ихъ законы. Логика, феноменологія духа и наука жизненной дѣятельности входятъ въ составъ антропологіи.

Мы пока остановимся на двухъ первыхъ, и послѣдняя представляетъ намъ важный предметъ изслѣдованія. Она обнимаетъ дѣятельность человѣка, употребляемую имъ для борьбы съ внѣшнимъ міромъ: всѣ *техническія знанія*. Она обнимаетъ законы питанія общества, созданнаго человѣкомъ съ тою же необходимостью, какъ создаются общества перепончатокрылыхъ (пчелъ, муравьевъ): *политическую экономію*. Она обнимаетъ юридическія формы, въ которыхъ человѣкъ попробовалъ заковать (всегда безуспѣшно) измѣняющійся идеалъ справедливаго общества: *юридическія* и *государственныя знанія*. Наконецъ, она обнимаетъ процессъ образованія и распаденія обществъ, процессъ наростанія знанія, процессъ видоизмѣненія внутренняго творчества человѣка, картину его внѣшняго творчества; это значитъ—она обнимаетъ всю *исторію*.

И, дѣйствительно, исторія есть самый существенный признакъ, отличающій въ глазахъ науки родъ *homo* отъ другихъ зоологическихъ родовъ. Можетъ быть, со временемъ найдутся аналогическіе факты и въ жизни другихъ животныхъ, но пока лишь человѣкъ имѣетъ исторію.

Но исторія, обнимая процессъ наростанія знанія, предъявляетъ неоспоримыя права антропологіи на всѣ факты зна-

нія, оставленные выше нами въ сторонѣ, какъ принадлежащія механикѣ, физикѣ, химіи, физіологіи. Всѣ они суть факты человѣческаго знанія, пріобрѣтенные въ данную эпоху, подъ вліяніемъ данныхъ обстоятельствъ. Появленіе ихъ было всегда событіемъ, иногда очень важнымъ, въ развитіи человѣчества. Они должны войти въ антропологію. Пожалуй, можно сказать, что они войдутъ совершенно въ другой перспективѣ. Не какъ стройная группа другъ друга освѣщающихъ данныхъ, но какъ разбросанныя открытія, часто перемѣшанныя съ самыми странными предразсудками, представляются они изслѣдователю. Онъ ихъ встрѣчаетъ не какъ необходимые законы природы, но какъ случайныя событія въ жизни человѣчества.

Правда, но намъ остались еще двѣ антропологическія науки, о которыхъ мы упомянули выше. Это наука знанія—логика; наука внутренняго творчества—феноменологія духа. Первая обнимаетъ всѣ методы убѣжденія въ достовѣрности, въ вѣроятности или въ ошибочности какого-либо положенія. Вторая заключаетъ въ себѣ явленія сознательнаго научнаго творчества, явленія свободнаго и сознательнаго творчества искусствъ, явленія безсознательнаго творчества религій. Мы ограничимся сказаннымъ о послѣднихъ двухъ родахъ явленій, но обратимъ вниманіе на явленія научнаго творчества, въ ихъ связи съ логикою.

Всѣ обобщенія, позволяющія изъ отрывочныхъ наблюденій составить науку, всѣ формулы, въ которыхъ науки видятъ свои самые блестящіе результаты, суть явленія этихъ двухъ отдѣловъ антропологіи. Методъ наведенія, помощью котораго естественныя науки даютъ свои законы, методъ построенія, который доставляетъ математическимъ наукамъ ихъ неотразимую убѣдительность; методъ вѣроятностей большого числа наблюденій, лежащій въ основаніи всѣхъ статистическихъ заключеній; методъ критики свидѣтельствъ, составляющій основаніе всей исторіи, всякаго научнаго преданія, — все это достояніе логики. Понятіе о родѣ и видѣ, понятіе о явленіи и сущности, понятіе о причинѣ и слѣдствіи, понятіе о простотѣ и сложности, понятіе о притяженіи, о жизни, объ организмѣ, о природѣ, опредѣленіе закона, поставленіе гипотезы, систематика каждой науки въ особенности и всѣхъ наукъ вообще, число, пространство, время, а, слѣдовательно, движеніе, наконецъ, бытіе и дѣйствительность,—все это явленія феноменологіи человѣческаго духа.

Что касается до теплоты, свѣта, звука, сладости и т. п. пріятнаго и непріятнаго ощущенія вообще, все это не болѣе

какъ антропологическія загадки. Мы знаемъ, какія перемѣщенія происходятъ въ частицахъ нашей кожи, когда намъ тепло; но какая связь между этими механическими перемѣщеніями и ощущеніемъ тепла, нами сознаваемымъ? Какая связь между волнообразнымъ движеніемъ воздуха и перепонки нашего уха, съ одной стороны, и ощущеніемъ звука, съ другой? Что значитъ, вообще, пріятное ощущеніе? Гдѣ отвѣты на эти вопросы? А мало-ли ихъ?

Такимъ образомъ, всѣ результаты наукъ, которыя мы выше выкинули изъ антропологіи, входятъ въ нее уже въ своей группировкѣ, какъ частныя приложенія логическихъ методовъ и явленій феноменологіи духа къ отдѣльнымъ психическимъ даннымъ. Научное творчество обнимаетъ всѣ науки въ ихъ общихъ выводахъ и въ ихъ систематическомъ построеніи. Логика обнимаетъ всѣ ихъ методы. Наконецъ, всѣ ихъ отдѣльные факты, частные результаты, добытые случайнымъ или намѣреннымъ изслѣдованіемъ ученыхъ, входятъ въ исторію наукъ. Вся наука въ цѣломъ своемъ составѣ размѣщается по различнымъ отдѣламъ антропологіи.

Но научное творчество этимъ не исчерпывается. Группировка фактовъ науки, сближеніе ихъ помощью гипотезъ составляетъ лишь простѣйшую его часть. Когда наука не можетъ уже идти далѣе, когда строгій методъ не дозволяетъ совокупить во-едино образовавшіяся группы наукъ, тогда научное творчество продолжаетъ требовать единства и стройности отъ всѣхъ процессовъ мышленія и обстраиваетъ науку болѣе или менѣе великолѣпнымъ храмомъ философской системы.

Итакъ, разсматривая предѣлы антропологіи, какъ отдѣла зоологіи, мы обозрѣли всю область науки и, кончивъ этотъ обзоръ, пришли, въ средѣ самой антропологіи, къ вопросу философскаго построенія.

Посмотримъ теперь на антропологію, какъ на философскую систему, т. е. рѣшимъ вопросъ: какимъ образомъ представленіе человѣка можетъ служить въ наше время основою для построенія цѣльной системы, охватывающей собою всѣ факты науки, не искажая ихъ, и въ то же время удовлетворяющей требованіямъ единства и стройности—эстетическимъ условіямъ всякой философской системы.

Чтобы построить такую систему, можно выйти изъ внѣшняго міра, какъ даннаго, или можно упереться на сознаніе своего *я*, или можно принять за исходную точку фактъ вѣчнаго движенія историческаго процесса, или изъ преданій,

выработанныхъ исторіею, принять одно за основаніе построенія, или изъ міра сознанія выбрать одно явленіе, которое бы служило объясненіемъ всему существу, или то же самое сдѣлать съ однимъ изъ явленій міра внѣшняго. Каждый изъ этихъ пріемовъ можетъ быть облегченъ совокупленіемъ болѣе или менѣе сознательнымъ нѣсколькихъ началъ для построенія системы, и болѣе или менѣе удачно все это было испробовано. Древнѣйшіе греческіе мыслители выходили въ своемъ построеніи изъ одной какой-либо стихіи; матеріалисты опираются на законы внѣшняго міра, какъ неоспоримые; религіозныя миѳологіи принимали за начало свои преданія; картезіанцы и новые французскіе мыслители выходили изъ факта сознанія двойственности человѣческаго существа; Гегель совокуплялъ начало мысли, взятое изъ міра сознанія, съ началомъ историческаго процесса и т. д., и т. д.

Если ни одному изъ преданій, ни одному изъ отдѣльныхъ явленій міра внѣшняго или міра внутренняго нельзя придать въ наше время исключительнаго права на преобладаніе надъ прочими, если нельзя сказать: все сущее есть вода, все сущее есть мысль, все сущее есть Богъ, то тѣмъ не менѣе требованія внѣшняго міра, какъ дѣйствительнаго, должны быть признаны на-ряду съ сознаніемъ историческаго процесса, какъ основного; но прежде всего должно взять въ соображеніе міръ сознанія. Сознаніе, внѣшность и развитіе составляютъ три начала всякой стройной метафизики для нашего времени и первое, не исключая другихъ, имѣетъ надъ ними преимущество, какъ наиболѣе неоспоримое.

Въ самомъ дѣлѣ, фактъ развитія вытекаетъ изъ наблюденія того, что развивается: природа могла бы не заключать въ себѣ развитія, въ этомъ нѣтъ противорѣчивыхъ условій; допуская реальное бытіе [1]) внѣшняго міра, мыслящая личность можетъ усомниться въ реальности явленія развитія, можетъ полагать (гипотетически), что человѣкъ вноситъ въ

---

[1]) Мы весьма неохотно употребляемъ иностранныя слова, но еще менѣе желаемъ составить новыя слова. Между тѣмъ, для избѣжанія двусмысленности, приходится здѣсь употребить слово *реальное*, какъ логическое отличіе. Все сущее въ нашей мысли для насъ *дѣйствительно*; все сущее внѣ насъ *реально;* все дѣйствительное, но не реальное, имѣетъ *феноменальное* бытіе. Обобщеніе реальнаго есть *отвлеченное*. Напримѣръ, сумасшедшій говоритъ: *у меня стеклянная голова*. Онъ *дѣйствительно* ощущаетъ, что у него стеклянная голова. Самая голова его имѣетъ *реальное* бытіе; качество стеклянной, ей приписываемое, *феноменально*. *Я*, о которомъ онъ говоритъ, есть *отвлеченное* обобщеніе совокупности процессовъ и т. д.

созерцаніе природы преломляющую призму своего творчества, и что представленіе развитія есть одно изъ явленій этого преломленія. Но, допуская развитіе, мы должны допускать нѣчто развивающееся, и это нѣчто, этотъ предметъ развитія (природа, мысль, или *я*) составляетъ для мыслящаго существа внѣшній міръ. Итакъ, внѣшность есть начало логическое, предшествующее началу развитія.

Точно также начало сознанія предшествуетъ началу внѣшняго міра (не исторически, но логически). Несмотря на убѣдительность, съ которою человѣчество опиралось всегда на реальность внѣшняго міра, бо́льшая часть мыслителей, достойныхъ этого имени, не отвергала, что эта реальность можетъ быть предметомъ сомнѣнія, что она менѣе достовѣрна для насъ, чѣмъ процессъ нашего сознанія, что ее слѣдовало бы доказать и—что этого доказательства дать нельзя. Нѣкоторые относились скептически къ внѣшнему міру и видѣли дѣйствительность лишь въ невещественномъ *я* мыслящей личности, или въ процессѣ безличнаго мышленія. Человѣкъ очень хорошо знаетъ, что иногда призракъ, не имѣющій существованія внѣ его мысли, для него представляется вполнѣ дѣйствительнымъ. Онъ убѣждается въ феноменальности горячечныхъ и сонныхъ видѣній ихъ внутреннимъ противорѣчіемъ или ихъ прекращеніемъ. Онъ знаетъ, что его окружаютъ другіе призраки, въ которыхъ особенные процессы внѣшняго міра принимаютъ для него формы отдѣльныхъ существъ (какъ въ радугѣ, въ зеркальномъ изображеніи, въ пламени и т. п.). Постепенно, рядомъ научныхъ сближеній, человѣкъ пришелъ къ истинному пониманію этихъ призраковъ. До сихъ поръ, въ самыхъ развитыхъ кружкахъ людей, есть личности, вѣрящія въ реальность видѣній своей фантазіи и умѣющія найти отговорки для очевидной несообразности этихъ явленій. Въ реальности нашего тѣла и всего внѣшняго міра убѣждаетъ насъ лишь отсутствіе противорѣчія во всѣхъ фактахъ, воспринятыхъ нами изъ этого міра, и непрерывность впечатлѣній, нами отсюда получаемыхъ въ продолженіе всего нашего существованія. Но ни то, ни другое не составляетъ *логическаго* аргумента для реальности чего бы то ни было. Въ гипотезѣ, что вся внѣшность есть призракъ единаго мыслящаго существа, нѣтъ *логическаго* противорѣчія. Противорѣчіе здѣсь только *реальное*. Въ нашемъ реальномъ человѣческомъ бытіи мы имѣемъ столько же подтвержденій бытія внѣшняго міра, какъ и бытія нашего собственнаго мышленія; мы имѣемъ *реальную* причину пола-

гать, что внѣшность существуетъ независимо отъ нашей мысли, что, напротивъ, наше сознаніе есть продуктъ внѣшнихъ процессовъ, что внѣшность существовала за-долго до начала процесса нашего сознанія и будетъ существовать долго послѣ его прекращенія; но логически мы не въ состояніи совершить перехода отъ личнаго (субъективнаго) представленія внѣшняго міра къ его независимому отъ насъ (объективному) существованію. Логически мы не можемъ отрѣшиться никогда и никакимъ способомъ отъ убѣжденія въ дѣйствительности нашего сознанія, потому что каждый аргументъ противъ него, его же необходимо предполагаетъ; но логически можно всегда допустить личный или безличный процессъ сознанія и въ то же время отрѣшиться (гипотетически) отъ убѣжденія въ реальности внѣшняго міра. Мышленіе, какъ одинъ изъ процессовъ сознанія, является для насъ критеріумомъ для всего сущаго. Все сущее представляется намъ фактомъ феноменологіи духа. Поэтому сознаніе представляется намъ первымъ метафизическимъ началомъ, которое должно въ стройной системѣ преобладать надъ прочими, не изгоняя ихъ и не отвергая ихъ важности.

Такимъ образомъ, въ основу построенія антропологіи, какъ философской системы, ложится принципъ: *процессъ личнаго сознанія дѣйствительно совершается; всѣ явленія его дѣйствительны для этого личнаго сознанія.* Этотъ первый антропологическій принципъ мы назовемъ *личнымъ принципомъ дѣйствительности*, потому что онъ предполагаетъ отдѣльную человѣческую личность, единицу; не отвлеченнаго человѣка, какъ одного изъ многихъ, и тѣмъ менѣе человѣка, какъ синонимъ человѣчества. На этой точкѣ зрѣнія являются безразлично *дѣйствительными* логическія построенія, впечатлѣнія внѣшняго міра, созданія художественнаго творчества, отвлеченныя обобщенія, грезы сна, нелѣпыя представленія помѣшаннаго. Все это—*дѣйствительные* факты личнаго сознанія.

Но изъ этой массы *дѣйствительныхъ фактовъ* выдѣляются факты, не заключающіе въ себѣ противорѣчія, и отдѣляютъ въ себѣ измѣняющуюся область *реальнаго убѣжденія* отъ области, которой само личное сознаніе приписываетъ лишь феноменальную дѣйствительность. Эта область реальнаго убѣжденія составляетъ область *знанія*. Область феноменальной дѣйствительности есть область *творчества*. Отсюда выходитъ второй антропологическій принципъ философіи—*принципъ реальнаго знанія: все, что мы сознаемъ, не*

находя противорѣчія при этомъ сознаніи, ни въ самомъ понятіи сознаваемаго, ни въ группировкѣ вновь сознаваемаго съ прежде сознаннымъ, представляетъ намъ реальное бытіе. Отсюда реальность внѣшняго міра, какъ основа науки. Отсюда необходимость критики всего, дѣйствительно происходящаго въ нашемъ сознаніи, чтобы отличить реальное отъ феноменальнаго.

Но эти два міра, реальный и феноменальный, предстоятъ нашему сознанію не отдѣльно одинъ отъ другого; мы сознаемъ переходъ изъ одного въ другой, переходъ, ихъ связующій, повѣряющій и заимствующій изъ одного реальное, изъ другого феноменальное начало. Сознавая реальное бытіе, мы его мыслимъ, лишь какъ феноменъ, откидывая одни признаки, придавая другіе, передѣлывая особенныя впечатлѣнія въ цѣльныя представленія, въ объединенныя понятія. Мы *обобщаемъ* неизбѣжно реальный міръ, чтобы его сдѣлать міромъ нашего мышленія. Въ то же время мыслимый міръ представляется намъ въ дѣйствительномъ процессѣ нашего сознанія, какъ нѣчто противопоставляемое нами самимъ себѣ, какъ нѣчто, въ чемъ мы отрицаемъ часть дѣйствительности, принадлежащей намъ, какъ единственно дѣйствительному бытію. Слѣдовательно, мышленіе заключаетъ въ себѣ двойной процессъ. *Мышленіе есть обобщеніе мыслимаго и въ то же время противопоставленіе мыслящимъ существомъ своей мысли, какъ реальнаго бытія, себѣ, какъ единственно дѣйствительному бытію.* Итакъ, въ процессѣ мышленія есть два полюса; становясь на тотъ или другой, мы находимся въ различныхъ метафизическихъ системахъ.

Становясь въ область реальнаго и признавая мышленіе *только* обобщеніемъ, мы на точкѣ зрѣнія матеріализма; мысль и всѣ факты сознанія получаютъ только феноменальное существованіе. Вещество мыслитъ въ насъ; явленіе сознанія суть одинъ изъ фазисовъ его преобразованій; необходимый законъ, безъ котораго познаніе внѣшняго міра было бы призракомъ, господствуетъ надъ нашимъ сознаніемъ; необходимое совокупленіе обстоятельствъ приводитъ въ немъ къ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ; правило, выходящее изъ самоопредѣленія человѣка, есть такое же неизбѣжное событіе, какъ и нарушеніе этого правила.

Оставаясь въ области дѣйствительности сознанія и признавая мышленіе *только* противопоставленіемъ одного процесса сознанія другому процессу, мы на точкѣ зрѣнія идеализма. Мысль *одна* дѣйствительна. Внѣшній міръ есть при-

зракъ, создаваемый нашею мыслью для совершенія процесса своего развитія. Знаніе отличается отъ творчества лишь ступенью, а не сущностью сознаваемаго предмета. Мнѣ столько же содержитъ научной истины, какъ историческое событіе. Различеніе кажущагося отъ реальнаго есть пустое занятіе. Размѣщеніе всего сущаго по лѣстницѣ категорій мыслимаго заключаетъ всю систему мышленія.

Антропологическій принципъ требуетъ одновременнаго допущенія того и другого содержанія въ мышленіи. Для *человѣческаго* мышленія мысль не есть *только* обобщеніе и не *только* противопоставленіе себя-самой себѣ-же-самой. Она есть то и другое вмѣстѣ. Процессъ сознанія *дѣйствителенъ* и міръ внѣшній *реаленъ*. Это допущеніе есть уже требованіе метафизической системы, заключающей въ себѣ обѣ предыдущія, отрицающей ихъ исключительность, но допускающей одновременную возможность. Третій антропологическій принципъ есть *скептическій принципъ метафизики: процессъ сознанія не даетъ возможности рѣшить есть ли онъ самъ, какъ дѣйствительный процессъ, результатъ реальнаго бытія, или реальное бытіе есть его продуктъ*. Это отрицаніе немедленно обращается въ требованіе двойного построенія: если мы не знаемъ, которое изъ двухъ рѣшеній дѣйствительно, то можемъ мыслить то и другое. *Стройная система должна выражать свой скептицизмъ тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ возможность двухъ различныхъ построеній.* Это приводитъ насъ къ двумъ отраслямъ теоретической философіи: къ *философіи природы* и къ *философіи духа. Философія природы, опираясь на реальность внѣшняго міра, должна стремиться построить процессъ сознанія, какъ-бы внѣ вещественнаго міра не было ничего, кромѣ феноменовъ. Философія духа, опираясь на дѣйствительность сознанія, должна стремиться построить все сущее, какъ продуктъ систематическаго развитія мышленія.*

Первая, держась возможно ближе данныхъ науки, кладетъ въ основаніе бытія, какъ оно есть, реальное бытіе сущности (субстанціи), безграничной въ пространствѣ и безпредѣльной во времени, не уничтожающейся, безсознательной, слѣдовательно, не допускающей цѣлей, но способной къ взаимному дѣйствію своихъ составныхъ частей, причемъ это взаимодѣйствіе происходитъ по вѣчно неизмѣннымъ законамъ. Всѣ реальныя явленія представляются философски преобразованіями одного явленія въ этой сущности — движенія ея частицъ. Гипотезы болѣе или менѣе простыя служатъ къ

сближенію научныхъ фактовъ, такъ, чтобы они уложились въ эту систему; рядъ системъ движущихся точекъ, причемъ всѣ отдѣльныя системы составляютъ одну систему, всякое болѣе сложное явленіе есть неизбѣжный результатъ группы простѣйшихъ, ему предшествующихъ, есть необходимое условіе стройности подобной философіи природы; наконецъ, главное и самое затруднительное обстоятельство при ея построеніи есть слѣдующее: она должна объяснить происхожденіе всѣхъ извѣстныхъ явленій вещественнаго бытія такъ, чтобы охватить всю безпредѣльность ихъ во времени, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ; мало того, чтобы, какъ въ теоріи Лапласа, объяснить происхожденіе міровъ изъ движущейся матеріи, надо, чтобы это вѣчное движеніе имѣло причину въ данное мгновеніе безразличной вѣчности образовать міръ, чтобы отъ этого мгновенія, считая назадъ, можно было въ безпредѣльные періоды опредѣлить состояніе этой матеріи. Только кругъ явленій взаимно другъ друга обуславливающихъ, можетъ, по всей вѣроятности, удовлетворить этой теоріи. Построеніе подобной философіи природы есть desiderata, исполненія которой еще, вѣроятно, очень долго придется ждать. Но, какъ часть антропологической системы, она имѣетъ центръ, около котораго группируется. Этотъ центръ есть положеніе: *человѣкъ и его исторія могутъ быть мыслимы, какъ необходимые продукты внѣшнихъ вліяній.*

Въ свою очередь философія духа должна прослѣдить, строго руководясь данными психологіи, логики, феноменологіи духа и эстетики, послѣдовательное развитіе въ сознаніи представленій, понятій и идей, процессъ мысленнаго творчества. Строгой критикой она должна отдѣлить феноменальные призраки, созданные человѣческой исторіею, отъ логическихъ обобщеній, соотвѣтствующихъ тому, что сознаніе признаетъ реальнымъ бытіемъ, она должна пытаться въ категоріяхъ мышленія найти возможность необходимаго построенія всѣхъ законовъ реальнаго бытія, и въ идеѣ человѣка, какъ реальной личности, найти источникъ построенія природы въ ея гармоніи, вселенной—въ ея разнообразіи, вещества, пространства и времени—въ ихъ отвлеченности. Тогда только она достигаетъ своего идеала: построенія міра по законамъ мышленія. Антропологическое положеніе, въ которомъ она формулируется, есть: *человѣкъ можетъ себя мыслить, какъ источникъ внѣшняго міра.*

Такимъ образомъ, *теоретическая философія* или метафизика, въ полагаемой нами системѣ, начинаетъ съ трехъ

антропологическихъ принциповъ *философской пропедевтики*. Первый принципъ ставитъ человѣка, какъ *дѣйствительную* личность, второй—какъ *познающую* личность, скептическій принципъ—какъ *мыслящую* личность и въ мышленіи отрицающую познаніе сущности вещей. Но это отрицаніе есть лишь требованіе двойного философскаго построенія. *Философія природы* строитъ личность, мыслящую себя, какъ продуктъ внѣшняго міра; *философія духа*, наоборотъ, строитъ личность, мыслящую себя, какъ источникъ того же міра. Въ совокупности они заключаютъ полный кругъ всего сущаго, оставляя непоколебимыми всѣ три основные принципа.

Но переходъ между міромъ реальнымъ и феноменальнымъ можетъ быть еще другой. Мышленіе переходило отъ реальнаго бытія къ феноменальному въ его обобщеніи и противопоставляло дѣйствительному сознанію бытіе, которое признавалось реальнымъ, слѣдовательно, въ которомъ отрицалась преобладающая дѣйствительность мыслящей личности. Въ обоихъ случаяхъ переходъ помощью мышленія былъ потерею части бытія или для мыслимаго или для мыслящаго. Другой переходъ долженъ быть обратнымъ: феноменъ долженъ дѣлаться реальнымъ бытіемъ, реальное бытіе должно обращаться въ дѣйствительную личность. Это имѣетъ мѣсто въ *практической философіи*. Ея процессъ есть *дѣйствіе*; личность воплощаетъ свое желаніе, свое чувство, свое понятіе внѣ себя, въ міръ реальнаго бытія. Она ставитъ себѣ цѣль и эта внѣшняя реальная цѣль дѣлается дѣйствительнымъ побужденіемъ въ личности. Здѣсь скептическое начало не имѣетъ мѣста, потому что противоположности процессовъ въ обоихъ случаяхъ не существуетъ. Разница лишь въ томъ, что воплощеніе желанія, чувства, понятія въ дѣятельность, можетъ совершиться безсознательно или сознательно; поставленіе же цѣли есть всегда переходъ реальнаго бытія въ *сознательную* дѣйствительность. Первая дѣятельность обширнѣе второй, но можетъ болѣе или менѣе въ нее переходить и ни въ какомъ случаѣ ей не противополагается.

Отсутствіе скептическаго принципа въ построеніи практической философіи придаетъ ей особую прочность и независимость отъ метафизическихъ теорій. Отсюда въ основаніе практической философіи ложится принципъ *практическій*, который соотвѣтствуетъ первому принципу пропедевтики. Въ немъ выражается независимость личности, какъ дѣйствующей, отъ всѣхъ вопросовъ о сущности ея. *Личность сознаетъ себя свободною, желающею для себя и отвѣтственною предъ*

собою въ своей практической дѣятельности. Это—*личный принципъ свободы*, отдѣляющій міръ практической философіи отъ міра теоретической. На этомъ принципѣ зиждется возможность жизненныхъ вопросовъ, возможность критики человѣческой дѣятельности, возможность требованій отъ человѣка чего бы то ни было. Неизмѣнный законъ причины и слѣдствія проникаетъ философію природы, неизмѣнный законъ стройнаго развитія создаетъ философію духа, потому что высшее бытіе въ обѣихъ находится въ началѣ, низшее—въ концѣ процесса; мыслимый міръ долженъ подчиниться реальному бытію или строиться по условіямъ, налагаемымъ на него мыслящею дѣйствительностью. Въ практической философіи высшее бытіе является въ концѣ, какъ воплощеніе или цѣль; поэтому законъ является неизмѣннымъ правиломъ, но дѣятельность представляетъ отъ него исключенія, уклоненія. Личность практически свободна и свобода сама является первою ея потребностью.

Второму принципу пропедевтики, источнику реальнаго міра, соотвѣтствуетъ здѣсь *принципъ идеальнаго творчества*; какъ дѣйствительная личность въ теоріи противополагала себѣ реальный міръ, единственный источникъ знаній, такъ дѣйствительная личность въ практикѣ противополагаетъ себѣ *идеалы*, единственное побужденіе къ дѣятельности. Въ полномъ представленіи реальнаго бытія заключается возрастаніе знанія. Въ полнотѣ идеаловъ, которые ставитъ человѣкъ, заключается совершенство его дѣятельности.

Если въ теоріи человѣкъ долженъ былъ, на антропологической точкѣ зрѣнія, отнестись скептически къ вопросамъ о сущности вещей, то подобное же, но не тожественное явленіе происходитъ въ практической области. Дѣятельность человѣка разнообразна; поэтому идеалы, являющіеся для него практическими побужденіями, различны. Одновременное ихъ поставленіе производитъ смутныя стремленія, неразумную дѣятельность, а между тѣмъ отрицаніе одного изъ этихъ идеаловъ сообщаетъ дѣятельности односторонность. Какъ скептическій принципъ отрицалъ односторонность объясненія, чтобы перейти въ созданіе двухъ отдѣловъ философіи, такъ практическая философія ставитъ принципъ раздѣленія дѣятельности: *идеалъ одного рода дѣятельности не долженъ быть идеаломъ для другой*—и въ то же самое время требуетъ отъ дѣятельности *человѣчнаго* направленія, т. е. соединенія двухъ родовъ дѣятельности въ одной дѣйствующей личности: *истинный человѣкъ совокупляетъ въ себѣ идеалы практи-*

ческой дѣятельности, не смѣшивая ихъ при самой дѣятельности.

Для опредѣленія этихъ идеаловъ и для группировки они подвергаются взаимной критикѣ. Одни оказываются взаимно противорѣчивыми, другіе неполными, и окончательно получаемъ двѣ группы, не соединимыя по своей сущности, но соединяемыя въ идеалѣ дѣйствующей *человѣчной личности.* Въ теоретической философіи мы искали отношенія между реальнымъ міромъ и дѣйствительнымъ сознаніемъ; давая поочередно преобладаніе тому или другому началу, мы имѣли философію природы и философію духа. Точно также здѣсь намъ нужно опредѣлить отношеніе между формою, въ которую воплощается дѣятельность, и содержаніемъ, воплощаемымъ въ эту форму. Въ одной и той же дѣятельности человѣкъ не можетъ одновременно ставить себѣ цѣлью *прекрасную форму* и *нравственное содержаніе.* Цѣль его должна быть одна при каждой дѣятельности, но дѣйствующая личность можетъ ставить себѣ въ одномъ случаѣ эстетическую, въ другомъ нравственную цѣль и, проникнувшись сознаніемъ того и другого идеала, *истинно-человѣчная* личность *безсознательно* нравственна при художественной дѣятельности, *безсознательно* художественна при нравственной. Это раздѣленіе, требующее новаго соединенія, даетъ двѣ отрасли практической философіи.

Философія искусства есть философское построеніе эстетики. Въ первой части своей, въ *философіи художественнаго идеала,* она ищетъ идеалъ *прекраснаго произведенія,* совокупляетъ реальный художественный идеалъ—стройную форму—съ дѣйствительнымъ художественнымъ идеаломъ—патетическимъ настроеніемъ, отвергаетъ нехудожественные идеалы служенія идеѣ, общественнымъ и жизненнымъ цѣлямъ и ставитъ антропологическое художественное положеніе: *художественное произведеніе есть патетическое воплощеніе личности художника въ стройныя формы.* Затѣмъ она въ *философіи искусствъ* рѣшаетъ вопросъ о воплощеніи различнаго рода патетическаго настроенія личности въ различныя формы искусства.

Философія жизни точно также ищетъ въ *этикѣ* или въ *философіи личности* идеалъ *человѣческаго достоинства.* Доказывая неполноту или внутреннія противорѣчія въ идеалахъ эгоистической, полезной, милосердой, самоотверженной дѣятельности, она приходитъ къ идеалу *справедливой* дѣятельности, какъ дѣятельности, обобщающей на всѣхъ людей

признаніе *человѣческаго достоинства* и тѣмъ восходящей къ представленію *равноправнаго человѣчества*. Во имя этого идеала этика ставитъ положеніе: *Человѣческое достоинство заключается въ справедливой дѣятельности; справедливая дѣятельность есть воплощеніе въ жизнь идеи о равноправности всѣхъ людей на всестороннее развитіе, независимо отъ всѣхъ патетическихъ настроеній дѣйствующей личности.* Тогда въ *философіи общества* она судитъ во имя идеала достойной и справедливой личности, формы семьи, рода, націи, формы промышленнаго, сословнаго, юридическаго союза, формы государства, церкви, человѣчества и человѣческаго общества вообще. Общественный союзъ является для антропологической системы средствомъ развитія личности, средствомъ воплощенія въ жизнь идеи о личномъ достоинствѣ, т. е. идеи справедливости. Отсюда разрѣшеніе противорѣчія между общественною обязанностью и личнымъ стремленіемъ гражданина. Личность видитъ въ *справедливомъ* обществѣ воплощеніе своего достоинства. Общество *должно* имѣть цѣлью удовлетвореніе справедливымъ требованіямъ развитія всѣхъ своихъ членовъ. При столкновеніи, или личность не уяснила себѣ требованій справедливости и общество обязано развивать личность, или общество нарушило свои обязанности и обратилось въ условную форму безъ достаточнаго нравственнаго содержанія. Но поклоненіе формѣ есть идеалъ искусства, а не нравственности, и нравственная личность обязана стремиться всѣми силами внести надлежащее содержаніе въ существующія формы или перестроить формы по требованіямъ содержанія.

Итакъ, практическая философія приходитъ къ двумъ одновременнымъ процессамъ человѣческой дѣятельности. Человѣкъ создаетъ прекрасныя или только стройныя формы, въ которыя безсознательно вкладываетъ свое нравственное содержаніе; стройность и красота упрочиваютъ ихъ существованіе и оставляютъ ихъ памятникомъ человѣческой дѣятельности. Человѣкъ воплощаетъ въ жизнь нравственное содержаніе, ломая и перестраивая формы, въ которыя онъ его воплощаетъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ не удовлетворяютъ своему содержанію. Эти оба процесса вмѣстѣ составляютъ *исторію* человѣка и приводятъ къ заключительному члену антропологіи, какъ стройной философской системы.

Этотъ заключительный членъ есть *философія исторіи*. Она заключаетъ все предыдущее, потому что заключаетъ въ процессѣ развитія то, что теоретическая и практическая

философія заключаютъ въ догматической формѣ современнаго пониманія. Принципы и положенія, поставленные выше, составляютъ уясняющуюся канву человѣческой дѣятельности. Во всѣхъ фактахъ исторіи, независимо отъ всякой критики, присутствуетъ убѣжденіе въ дѣйствительности человѣческаго сознанія. Постепенно округляя свое знаніе, человѣкъ овладѣваетъ болѣе и болѣе реальнымъ міромъ. Различая реальное знаніе отъ созданія своей фантазіи, онъ болѣе и болѣе убѣждается, что сущность вещей ему недоступна. Въ наукѣ онъ все рѣшительнѣе опирается на построеніе міра и человѣка изъ безсознательнаго сцѣпленія причинъ и слѣдствій; въ философіи онъ все сущее стремится объяснить изъ явленій своего духа. Точно также исторія выдвигаетъ все болѣе на видъ личность, какъ источникъ всякой дѣятельности; причины этой дѣятельности все яснѣе выказываются, какъ внутренніе идеалы, а не какъ внѣшнія побужденія и принужденія; все болѣе человѣкъ убѣждается, что неправильность его дѣятельности зависитъ часто отъ перенесенія одного идеала въ другую область, ему не принадлежащую. Наконецъ, красота, какъ патетическая стройность, и справедливость, какъ обобщеніе личнаго достоинства, дѣлаются для мыслителя все болѣе неизбѣжными источниками художественнаго творчества и нравственной дѣятельности въ личности и въ обществѣ. Философія исторіи есть очертаніе законовъ этого развитія. Выходя изъ антропологическаго начала, она ищетъ его нездѣ и потому видитъ въ разнообразіи историческихъ измѣненій повсюду переходъ изъ менѣе сознательнаго состоянія къ болѣе сознательному. Въ теоретической дѣятельности она видитъ стремленіе перейти отъ вѣрованія къ знанію, отъ безсознательнаго построенія миѳологическихъ системъ къ сознательному построенію философскихъ системъ, возможно ближе подходящихъ къ наукѣ и поставляющихъ науку какъ свой окончательный идеалъ. Въ практической дѣятельности она видитъ стремленіе замѣстить повсюду безсознательную дѣятельность цѣлесообразной. Художникъ вырабатывается изъ подъ давленія іератическихъ формъ и условныхъ теорій, внѣ художественныхъ обязательствъ. Жизнь личности какъ въ частной такъ и въ общественной дѣятельности опирается на ея сознаніе справедливости, а не на внѣшнее принужденіе. Подчиненіе практическому правилу въ обоихъ случаяхъ замѣняется усвоеніемъ себѣ идеала эстетическаго и нравственнаго построеніемъ личной философіи искусства и жизни и стремленіемъ воплотить эту фило-

софію въ жизнь [1]). Такимъ образомъ, философія исторіи обращается сама собою въ развитіе *исторіи философіи*, какъ стремленія къ стройному совокупленію въ знаніи, въ творчествѣ и въ жизни всего сущаго въ единое цѣлое. Но эта исторія философіи уже не есть развитіе философскихъ системъ одна изъ другой въ особенной аффильяціи мыслителей. Философскія системы являются, какъ результатъ всей жизни общества въ данную эпоху, научной, эстетической, практической, философской, религіозной: онѣ являются воплощеніемъ мыслящей личности, съ ея особеннымъ развитіемъ, съ ея частнымъ, временнымъ настроеніемъ духа. Но, конечно, въ то же время онѣ несутъ на себѣ слѣдъ необходимаго самостоятельнаго развитія идей, вырабатываемыхъ рядомъ мыслителей. Только такая исторія философіи не противорѣчитъ антропологическому началу, на которомъ построена вся система, и только она можетъ явиться заключительнымъ членомъ антропологіи, какъ философской системы.

Теоретическая философія представляла человѣка, какъ личность дѣйствительную, познающую и мыслящую. Практическая философія представляла его, какъ личность сознательно свободную, творческую и человѣчную (т. е. художническую и справедливую), философія исторіи представляетъ его, какъ личность *развивающуюся* въ отношеніи сознанія всѣхъ своихъ предыдущихъ качествъ. Это развитіе не относится къ нему, какъ къ личности дѣйствительной и сознательно-свободной. Онъ выходилъ всегда изъ принципа своей дѣйствительности и сознательной свободы; но онъ не мыслилъ себя такимъ и не воплощалъ это сознаніе, какъ цѣль, въ искусствѣ и въ жизни. Развитіе не относится также къ самому процессу мышленія и сознанія своей человѣчности. Развитіе этихъ двухъ свойствъ въ родѣ человѣческомъ есть вопросъ физіологическій: при нормальномъ мозгѣ антропологическая точка зрѣнія принимаетъ человѣка безусловно мыслящимъ и сознающимъ свою человѣчность. Но развитіе историческое относится къ человѣку, какъ познающей и творческой личности, и это развитіе безконечно, или, по крайней мѣрѣ, философія не имѣетъ причины строить его, какъ конечное. Какъ

[1]) Могутъ встрѣтиться читатели, которые найдутъ въ вышесказанномъ чрезвычайный оптимизмъ. Мы вовсе не хотимъ сказать, что бы *теперешнее* время отличалось быстрѣйшимъ стремленіемъ впередъ въ этомъ отношеніи, но считаемъ, что въ исторіи *сознательностію*, вносимою въ факты, можно объяснить и періоды яснаго развитія, и кажущагося отступленія отъ прогресса.

познающая личность, человѣкъ безпрестанно расширяетъ предѣлы науки и тѣмъ даетъ все новый матеріалъ своему мышленію. Какъ творческая личность, онъ создаетъ все новые идеалы, новыя формы и дѣйствія для ихъ воплощенія, никогда не исчерпывая прекрасныхъ формъ, нравственныхъ дѣйствій и всегда стремясь далѣе и далѣе къ осуществленію человѣчности, которую онъ въ себѣ сознаетъ. Эта возможность безконечнаго развитія, не мѣшающая законченности философской системы, есть необходимое слѣдствіе антропологическаго начала, и позволяетъ построить философію исторіи, не ограничивая человѣчество въ формахъ его развитія.

Можетъ быть, читатель многимъ недоволенъ въ нашемъ построеніи. Въ нашемъ очеркѣ, можетъ быть, не все съ перваго раза ясно, но философская система не есть воспринимаемое сознаніе; она должна вырости изъ сознанія самаго читателя; тогда только она дѣлается ему ясною. Другіе читатели, по ихъ личному воззрѣнію, могутъ полагать, что слѣдовало-бы выйти изъ другого начала, что антропологическая точка зрѣнія не есть наилучшая. Пусть попробуютъ свою систему и сообщатъ намъ.

Но что же тутъ новаго?—скажутъ другіе. Все это было... Позвольте, авторъ этого очерка не выдаетъ это построеніе за новое. Пусть желающіе отыскиваютъ, что встрѣчается у какого мыслителя. Авторъ предлагаетъ лишь пробу антропологическаго построенія философіи, какъ цѣльной системы. Для него она безлична; желательно, чтобы для читателей она была такою же. Вы согласны съ системой? Это—все, что можетъ желать авторъ. Вы не согласны? Спорьте, противопоставляйте другую. Вамъ всѣ системы кажутся игрушкою? И то хорошо; можете не читать второй половины этого очерка. Антропологія, какъ наука, имѣетъ достаточно значенія для тѣхъ, кто не хочетъ видѣть въ ея началахъ возможности философскаго построенія. Вы хотите отыскать источники всѣхъ высказанныхъ положеній въ старыхъ сочиненіяхъ? Сдѣлайте одолженіе. Авторъ готовъ признать, что эта система въ своихъ началахъ была системою всѣхъ мыслителей,—если вы это докажете.

Но всего вѣроятнѣе, что вы находите эту статейку скучною для журнальнаго очерка.... Вы ищете въ журналѣ другого. На другихъ страницахъ этой же книжки найдете себѣ полное удовлетвореніе, а мы — намъ пора кончить....

Отзывъ о книгѣ:

«Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій, соч. *Ор. Новицкаго*, ч. I. Религія и философія древняго востока; ч. II. Религія классическаго міра и первая половина греческой философіи». [1]).

«Предпринимая обзоръ исторіи философскихъ попытокъ человѣческаго духа, мы идемъ въ полномъ смыслѣ этого слова по вершинамъ исторіи человѣка». Такъ говоритъ Гаймъ, приступая къ анализу философскихъ системъ. Дѣйствительно, когда знаніе и жизненныя стремленія народовъ созрѣвали достаточно въ какую-нибудь эпоху исторіи и въ какой-нибудь мѣстности, они порождали философскую систему. Она была признакомъ возмужалости общества въ какомъ-нибудь отношеніи и, въ то же время, дѣлалась могучимъ двигателемъ для массы. Около новаго знамени, поставленнаго въ области мышленія, группировались ученыя, нравственныя, политическія партіи. Около него собирались люди, которые хотѣли связать свои частные, житейскіе идеалы съ общечеловѣческими требованіями, собирались люди, нуждающіеся въ формулахъ для оправданія своей дѣятельности предъ собою и предъ другими, но отталкивавшіе старыя формулы изъ-за того уже, что онѣ въ себѣ несли исторію пережитаго времени. Философскія системы были эпохами въ исторіи человѣчества, важнѣе паденій царствъ и династій, покореній территорій и перемѣны титуловъ властителей. Философскія системы при своемъ появленіи были высказаннымъ словомъ даннаго періода: въ своей теоретической части онѣ опредѣляли для

---

[1]) «Русское Слово», 1861 г., № 1. Отдѣлъ «Русской литературы». Подпись—П. Лавровъ. Ред.

него главные вопросы науки; въ практической онѣ служили воплощеніемъ идеаловъ человѣческаго достоинства, вообще, и общественныхъ идеаловъ, въ частности; въ своемъ построеніи онѣ обозначали фазисы развитія человѣческаго духа въ исторіи; наконецъ, ихъ особенность была особенностью той личности, которая ихъ создала. Каждый періодъ жизни человѣческаго общества заключаетъ въ себѣ развитіе, составленіе и разложеніе философской системы или философскихъ системъ. Среди господствующаго міросозерцанія являются факты науки, имъ не предвидѣнные, нравственные вопросы, имъ не охваченные. Эти отдѣльныя явленія возбуждаютъ недовѣріе, насмѣшки, гоненіе. Это—утопіи! Это—вздоръ! Это—преступленіе! Это—ересь! Это—помѣшательство! Но отрицаніе остается безсильно. Фактъ живетъ на зло ему. Нравственный вопросъ повторяется, расширяется. Является отрицающее меньшинство, которое вооружается противъ прежняго міросозерцанія безъ принципа, безъ знамени, въ частныхъ вопросахъ. Является примиряющее меньшинство, которое присоединяетъ во что бы ни стало, уступками, натяжками, извращеніями словъ и понятій, новые вопросы къ старымъ началамъ. Борьба идетъ. Защитники новаго, отрицающіе и примиряющіе, разрознены, слабы, не согласны одинъ съ другимъ, иногда не согласны сами съ собою. Стройная, обдѣланная система старыхъ началъ ихъ легко уличаетъ въ противорѣчіяхъ, въ неполнотѣ, въ увлеченіяхъ. Ихъ не признаютъ оффиціальныя міросозерцанія, потому что у нихъ нѣтъ ни преданія, ни знамени, ни формулъ. Борьба концентрируется на отдѣльныхъ вопросахъ. Въ этихъ вопросахъ защитники стараго неохотно сознаютъ, что противники могутъ имъ противостоять, и отдѣлываются лишь тѣмъ, что выдаютъ эти вопросы за маловажные. Но эти вопросы дѣлаются жизненными вопросами для общества; масса бросаетъ всю тяжесть своего историческаго сознанія на сторону непризнанныхъ вопросовъ. Прежнее міросозерцаніе существуетъ, но перестаетъ жить. Каѳедры его защитниковъ возвышаются среди пустыхъ аудиторій, пустыхъ храмовъ. Его защитники ищутъ всѣ возможныя средства, чтобы измѣнить духу системы, оставивъ ея формы неприкосновенными. Тогда среди поборниковъ пустыхъ формъ съ чуждымъ содержаніемъ и поборниковъ новыхъ началъ безо всякихъ формъ раздается проповѣдь скептицизма. Это—послѣдній кризисъ. Онъ готовитъ людей спокойно, безразлично смотрящихъ на новое и на старое, сознающихъ недостатокъ того и другого. Онъ вно-

ситъ критику въ бьющееся сердце новыхъ началъ съ такою же рѣшимостью, какъ въ трупъ стараго преданія. Онъ можетъ это сдѣлать, потому что не вѣритъ ни тому, ни другому. Если общество незрѣло, то борьба долго длится и долго идетъ судорожный споръ тупыхъ и боязливыхъ поклонниковъ стараго съ непослѣдовательными, односторонними проповѣдниками новизны, при холодной, безучастной насмѣшкѣ скептиковъ. Но въ средѣ общества являются скороспѣлки, раннія личности. Являются мыслители, развившіеся подъ вліяніемъ исключительно удачныхъ обстоятельствъ; они выходятъ изъ скептицизма на дорогу новой философской системы. Они ставятъ новое знамя. Сначала они одиноки: ихъ не хотятъ знать, потому что одни не хотятъ признавать ничего новаго, другіе пренебрегаютъ всѣмъ, кромѣ частныхъ вопросовъ, третьи ничему не вѣрятъ. Но слово сказано; знамя поставлено; мало по малу являются единомышленники, продолжатели, разрабатыватели новой идеи. Наконецъ, является кто-нибудь, способный яснѣе другихъ понять и высказать единство новаго міросозерцанія съ наукою и жизненными стремленіями современности, способный, по своей личности, быть однимъ изъ *героевъ* человѣческаго мышленія,—и формула готова; система торжествуетъ; эпоха зрѣлости общества настала.

Затѣмъ слѣдуетъ та же самая исторія съ новыми именами, съ новыми девизами на щитахъ бойцовъ за старое и за новое. Иногда періодъ возрастанія и паденія системы считается вѣками, иногда годами. Порою нѣсколько системъ становятся рядомъ, выказывая дуализмъ стремленій, существующій въ обществѣ, пока не явится новое ученіе, сливающее ихъ въ одно стройное цѣлое или замѣняющее ихъ новымъ цѣлымъ. Порою послѣднее явленіе вовсе не встрѣчается, и системы, рядомъ существующія, живутъ и умираютъ вмѣстѣ. Но, во всякомъ случаѣ, философскія системы являются существеннѣйшими элементами въ развитіи общества; безъ нихъ исторія общества односторонняя и иногда безсмысленна. Съ другой стороны, исторія общества является ихъ причиною и поясненіемъ; безъ нея они были бы уродливостью, частнымъ помѣшательствомъ, пустою игрою фантастическихъ призраковъ. Жизнь общества безъ его философіи, какъ философская система безъ жизни общества, ее породившей, неполны.

Такимъ образомъ, въ исторіи философскихъ ученій каждая система должна имѣть свое объясненіе въ трехъ началахъ:

въ общихъ законахъ феноменологіи человѣческаго духа, въ жизни общества, ея породившей, наконецъ, въ особенности личностей, давшихъ ей ту или другую форму. Точно также развитіе и паденіе системы заключаетъ въ себѣ дѣйствіе тѣхъ же началъ. Система видоизмѣняется по законамъ человѣческаго духа, подъ вліяніемъ историческихъ событій и новыхъ личностей, въ ней участвующихъ. Она, входя въ убѣжденія, порождаетъ сама новые оттѣнки въ духовныхъ явленіяхъ, новыя событія исторіи, возбуждаетъ новыя личности. Ея гибель заключается опять въ борьбѣ съ новыми психическими данными, съ новыми фазисами исторіи, съ новыми личностями, и то, что ее губитъ, иногда ею же порождено. Итакъ, для полнаго пониманія всякой философской системы требуется тройное ея уясненіе: какъ факта феноменологіи духа въ развитіи явленій послѣдняго, какъ факта исторіи въ процессѣ ея событій, какъ факта личнаго психическаго процесса мыслителя.

Конечно, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ изслѣдователь имѣетъ всѣ данныя для надлежащаго объясненія подобнымъ образомъ философскихъ системъ. Всего легче открыть слѣды перваго, феноменологическаго процесса, и на это преимущественно было обращено вниманіе историковъ философіи. Гораздо труднѣе уже внести надлежащимъ образомъ систему въ процессъ историческаго развитія общества, прослѣдить, какъ современные жизненные вопросы и событія порождали ее и порождались ею, видоизмѣняли и, наконецъ, погубили ее. Здѣсь многія сближенія могутъ быть только гипотезами, болѣе или менѣе вѣроятными, болѣе или менѣе ловкими, но весьма въ рѣдкихъ случаяхъ вполнѣ убѣдительными. Наконецъ, еще труднѣе открыть въ системѣ вліяніе личности ея составителя и доказать это вліяніе неоспоримо, потому что обыкновенно мы имѣемъ для этого самое малое количество данныхъ, и то болѣе случайныхъ. Всего менѣе въ этомъ случаѣ можно вѣрить автобіографіямъ, уже потому, что человѣкъ весьма рѣдко слѣдитъ довольно внимательно за собою, чтобы замѣтить, какимъ психическимъ процессомъ онъ пришелъ къ тому или другому взгляду на вещи, а тѣ, которые пишутъ свою автобіографію впослѣдствіи, часто смотрятъ на свое прошедшее глазами своего позднѣйшаго развитія и невольно вносятъ въ исторію своего развитія фантастическія частности. Лишь безсознательно высказываясь въ перепискѣ, въ частностяхъ, разсказанныхъ безъ намѣренія придать имъ особое значеніе, автобіографъ дозволяетъ позднѣйшему изслѣдова-

телю открыть слѣды его развитія. Потому и здѣсь невольно предоставляется широкое поле догадкѣ и гипотетическому сближенію.

Неоспоримая трудность задачи надлежащаго объясненія философскихъ системъ не должна насъ побуждать къ искаженію вопроса, для облегченія его рѣшенія. Многія историческія задачи не могутъ привести къ результату вполнѣ удовлетворительному по недостатку данныхъ. Мы должны въ нихъ по необходимости остановиться на приблизительномъ, частномъ, иногда гадательномъ рѣшеніи. Но тѣмъ не менѣе мы должны ясно сознать, чего именно намъ не достаетъ для полнаго изслѣдованія, и что должно брать въ соображеніе, въ случаѣ достаточнаго количества данныхъ. Понятно, что, для большей части системъ древности и для средневѣковыхъ мыслителей, мы должны окончательно отказаться отъ надежды прослѣдить психическій процессъ творческой личности, воплощающей состояніе духа въ свое міросозерцаніе. Самая общественная исторія того времени дошла до насъ въ слишкомъ отрывистомъ состояніи, чтобы всегда можно было опредѣлить историческій элементъ системы. Тогда остается обратить вниманіе лишь на отвлеченный элементъ феноменологіи духа. Но это не отнимаетъ отъ насъ обязанности сдѣлать что можно тамъ, гдѣ это можно. Для философовъ новаго времени матеріалы уже доступны въ достаточномъ количествѣ, чтобы можно было не только знать до мелочей движенія общественной жизни, подъ вліяніемъ которой развивалась система, но и прослѣдить во многихъ случаяхъ особенности личности, выразившей себя въ этой системѣ. Только тогда, когда историки философскихъ системъ внесутъ весь доступный матеріалъ историческаго и личнаго элемента въ развитіе системъ, только тогда этотъ отдѣлъ исторіи (какъ мы видѣли выше, вполнѣ необходимый для пониманія цѣлаго) получитъ надлежащее научное значеніе.

Но съ философскими системами тѣсно связанъ рядъ аналогическихъ явленій въ сферѣ народной жизни. Какъ великіе поэты всѣхъ временъ находятся подъ постояннымъ вліяніемъ народной безличной поэзіи ихъ націи, какъ произведенія этихъ поэтовъ носятъ на себѣ отпечатокъ народной пѣсни, склада народнаго ума, такъ и метафизическія системы являются результатомъ, выработаннымъ въ мышленіи нѣсколькихъ личностей изъ нестройной массы миѳологическихъ сказаній, религіозныхъ повѣрій общества, ихъ окружающаго. Миѳологіи, общественныя и народныя вѣрованія предста-

вляются намъ предшественниками философскихъ системъ послѣдующаго времени, философіями массы, еще не различающей научной, религіозной, художественной и философской дѣятельности. Народныя вѣрованія должны сдѣлаться необходимымъ введеніемъ въ исторію всѣхъ философскихъ системъ и необходимымъ элементомъ исторіи послѣднихъ. Исторіи религій не могутъ быть понятны безъ исторіи метафизическихъ воззрѣній, такъ какъ послѣднія заключаютъ въ себѣ невыдѣлимый элементъ народнаго вѣрованія, все равно, положительно или отрицательно философъ относится къ религіи. Внѣ греческой миѳологіи немыслимъ Платонъ, точно также, какъ безъ послѣдняго періода развитія христіанскаго богословія невозможенъ Фейербахъ. Но зато, наоборотъ, чтобы миѳологія героическихъ временъ Греціи сдѣлалась такова, какою ее видимъ въ сочиненіи Цицерона и Овидія, надо было древнему обществу пережить рядъ философскихъ школъ; чтобы богословіе Лютера, Вентуры, меннонитовъ могло имѣть мѣсто въ Европѣ, надо было, чтобы реалисты и номиналисты, картезіанцы и сенсуалисты, кантіанцы и эклектики, Бональды и Фурье бросили свое ученіе въ процессъ жизни человѣчества. Исторія философій нераздѣльна отъ исторіи религій для пониманія развитія человѣческаго мышленія, какъ явленія свѣтотѣни нераздѣльны отъ явленія цвѣтовъ призмы въ оптикѣ.

Но, конечно, для того, чтобы тѣ и другіе факты расположились въ наукѣ въ надлежащей перспективѣ, необходимо изслѣдователю стать на безразличную, чисто научную точку зрѣнія. Онъ не долженъ перенести изъ прошедшаго въ свое ученіе ни одного идола. Все, что онъ хочетъ разбирать, должно быть *подчинено* его мышленію, какъ фактъ, допускающій критику, а не должно *господствовать* надъ его мышленіемъ, какъ *заранѣе принятая непреложная* истина, допускающая лишь истолкованіе, а не критику. Если онъ станетъ на эту послѣднюю точку зрѣнія, то область фактовъ должна исказиться отъ искаженія ихъ перспективы, и онъ дастъ не научное, а фантастическое произведеніе.

Но мнѣ могутъ возразить, что судъ надъ чѣмъ бы то ни было невозможенъ безъ собственнаго воззрѣнія. Какъ бы безпристрастно не приступилъ мыслитель къ оцѣнкѣ чужихъ философій, онъ, изучая факты, группируетъ ихъ, составляетъ изъ нихъ одно цѣлое, расположенное въ нѣкоторомъ порядкѣ. Только расположивъ ихъ такимъ образомъ, онъ можетъ обозрѣть ихъ въ ихъ цѣлости. Но это обозрѣніе есть уже

систематическое воззрѣніе, философія, и во имя этой философіи произносится судъ надъ всѣми остальными философами. Слѣдовательно, критика системъ предполагаетъ систему; разборъ чужихъ философій предполагаетъ *свою* философію; и если, по вышесказанному, становясь на исключительную точку зрѣнія, мы искажаемъ предметъ нашего изслѣдованія, то, съ другой стороны, мы не можемъ смотрѣть на него иначе, какъ съ опредѣленной, выработанной нами точки зрѣнія, а потому всякій судъ надъ философами, всякій судъ надъ чужою мыслью невѣренъ и несправедливъ.

Отвѣчу, что большая разница принять за точку исхода начало: такая-то система вѣрованій, такое-то міросозерцаніе есть безусловная истина, или доработаться до нѣкотораго воззрѣнія, какъ до результата безпристрастной критики всего, что мы изслѣдовали. Въ первомъ случаѣ точка исхода ненаучна и все построеніе фантастично; во второмъ оно до тѣхъ поръ оправдано, пока не заключаетъ въ себѣ ни внутренняго противорѣчія, ни противорѣчія съ научными фактами. Мыслитель не виноватъ предъ наукою, если его личное настроеніе побудило его принять отсталую систему, чуждую современной жизни, придающую важное значеніе маловажнымъ фактамъ и, напротивъ, отрицающую значеніе жизненныхъ вопросовъ его времени. Онъ этимъ осуждаетъ себя, какъ правильно развитую личность, но еще не какъ строгаго мыслителя. Только противорѣчіе съ самимъ собою и съ наукою есть окончательное осужденіе его ученія. Ни одно міросозерцаніе не должно имѣть претензіи на безусловную точность своего построенія. Его высшій идеалъ это—*систематическое построеніе, охватывающее всю науку и всѣ жизненные вопросы данной эпохи, съ точки зрѣнія развитой и въ самомъ дѣлѣ человѣчной личности.*

Читая объявленіе о появленіи на русскомъ языкѣ исторіи развитія философскихъ ученій древности и видя, что г. Новицкій сблизилъ ихъ съ религіозными вѣрованіями, мы не могли не порадоваться. Потребность подобнаго сочиненія слишкомъ ощутительна въ нашей литературѣ, и матеріалъ, доставленный иностранными писателями, довольно великъ, чтобъ это сочиненіе, если только оно научно, было бы весьма полезно для молодыхъ людей, не довольно знакомыхъ съ иностранными языками или затрудняющихся германской терминологіей.

Сочиненіе г. Новицкаго вовсе не удовлетворило нашихъ ожиданій. Признаемся прямо, что мы вовсе расходимся съ

нимъ въ его философскихъ воззрѣніяхъ, но дѣло не въ томъ. Убѣжденія одного необязательны для другого, и, еслибы книга г. Новицкаго было единственное высказанное убѣжденіе извѣстной партіи, она имѣла такое же право быть признанною въ философской литературѣ, какъ и всякая другая, имѣющая за себя обширную традицію. Но г. Новицкій еще далеко не одинъ въ своемъ лагерѣ. Намъ дѣла нѣтъ до его предшественниковъ и товарищей по міросозерцанію. Предъ нами книга, отвѣчающая сама за себя. Если она научно вѣрна, если не заключаетъ въ себѣ внутренняго противорѣчія, то г. Новицкій правъ со своей точки зрѣнія.

Конечно, нельзя оспорить, что разбираемое сочиненіе имѣетъ въ себѣ много хорошихъ частностей, и ручательствомъ тому могутъ служить сочиненія, выписанныя г. Новицкимъ, какъ матеріалы его труда, изъ которыхъ многія достойны полнаго уваженія. Самъ г. Новицкій говоритъ (I, пред., стр. XII), что для греческой философіи онъ въ особенности пользовался сочиненіемъ Целлера, и въ этомъ случаѣ можно только согласиться съ авторомъ, потому что, дѣйствительно, сочиненіе Целлера есть лучшее по названному предмету. Впрочемъ, насъ поражаетъ одно обстоятельство. На стр. 56 второго тома авторъ принимаетъ египетское происхожденіе греческой философіи; то же онъ, съ большимъ еще развитіемъ, повторяетъ, въ частности, для ученія Ферекида и Пиѳагора. Между тѣмъ, основной пунктъ полемики Целлера противъ Рэта (Röth), Циммермана и др. заключается именно въ томъ, что первый держится чисто эллинскаго происхожденія греческаго мышленія, между тѣмъ египетская гипотеза принадлежитъ его противникамъ. Едва ли г. Новицкій имѣлъ право говорить, что слѣдуетъ преимущественно Целлеру, когда расходится съ нимъ въ существенномъ воззрѣніи. Во всякомъ случаѣ, поступая такъ, онъ обязанъ былъ опровергнуть воззрѣніе Целлера, чего не сдѣлалъ.

Чтобы судить о научномъ достоинствѣ сочиненія, выберемъ пункты, въ которыхъ, по собственнымъ словамъ автора, онъ дѣйствовалъ самостоятельно. Обратимся сначала къ ученію Пиѳагора, которому авторъ посвятилъ значительный отдѣлъ во 2-мъ томѣ.

Ученіе Пиѳагора составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ пунктовъ въ исторіи древней философіи. Относительно большей части событій его жизни, относительно года рожденія, года смерти, относительно многихъ главныхъ положеній

его ученія господствуетъ совершенное разногласіе. Целлеръ, котораго самъ г. Новицкій признаетъ лучшимъ изъ историковъ греческой философіи, высказываетъ, что о Пиѳагорѣ свѣдѣнія расли съ удаленіемъ отъ времени его жизни. Разобравъ матеріалы, которые существуютъ для дѣятельности Пиѳагора, тотъ же историкъ говоритъ: «въ сущности, о развитіи Пиѳагора и о средствахъ, ему представлявшихся, мы не знаемъ ничего, что бы могло назваться историческимъ преданіемъ» [1]). Никто не обязываетъ русскаго писателя стать на скептическую точку зрѣнія Целлера. Но для перваго *обязательно* предъ наукою сказать читателямъ, почему онъ считаетъ достовѣрными свѣдѣнія, признаваемыя многими учеными въ высшей степени сомнительными. Для него *обязательно* сказать читателямъ, что въ этомъ вопросѣ есть другія мнѣнія, кромѣ его собственнаго, и мнѣнія, поддерживаемыя важными авторитетами. Что же дѣлаетъ г. Новицкій? Онъ упомянулъ лишь о словахъ Целлера, что на Пиѳагорово ученіе [2]) можно смотрѣть различно, и совершенно спокойно излагаетъ путешествіе Пиѳагора, его жизнь, съ положительными хронологическими данными. Читатель, незнакомый съ иностранной литературою предмета (а многіе ли съ нею у насъ знакомы?), конечно, вынесетъ убѣжденіе изъ чтенія этого отдѣла, что приводимые факты безспорно *научны*, но *философскія* воззрѣнія на нихъ разнообразны. Между тѣмъ, дѣло совершенно не въ томъ. Именно, *факты* подвергаются многочисленнымъ сомнѣніямъ. Не говоря объ этомъ, г. Новицкій доставляетъ своимъ читателямъ *совершенно ложный* взглядъ на предметъ и дѣлаетъ *научное* достоинство этого отдѣла своего сочиненія весьма сомнительнымъ.

Точно также какъ-то странно, что авторъ относитъ, на стр. 76 первой части, ученіе о двухъ началахъ Янь и Инь въ Китаѣ къ періоду, предшествовавшему Кхунь-цзы и Лао-цзы. Онъ имѣлъ бы на это право, еслибы это ученіе проявлялось въ сочиненіяхъ обоихъ мыслителей, но оно именно не встрѣчается въ ученіи Лао-цзы. Что же касается до Гуа, которыя въ И-цзинѣ объяснены помощью двухъ началъ, то

---

[1]) Das Wahre ist, dass uns über den Bildungsgang des Pythagoras, und über die Hülfsmitteln, die ihm hiefür zu Gebote standen, nicht das Geringste bekannt ist, was mit einiger Sicherheit für historische Ueberlieferung gelten könnte. 2 Aufl, I. B. S. 221.

[2]) Замѣтимъ, что Целлеръ говоритъ лишь объ одномъ ученіи *пиѳагорейцевъ*, не находя возможнымъ опредѣлить съ достовѣрностью ученіе самого Пиѳагора.

еще подлежитъ сильному сомнѣнію, далъ ли этой таблицѣ Кхунь-цзы ея старинное объясненіе или внесъ въ нее *свою* мысль, какъ дѣлали весьма часто послѣ него. Послѣднее предположеніе гораздо вѣроятнѣе, потому что отвлеченные принципы суть *результаты* общественнаго развитія, вырабатываемые нѣсколькими исключительными личностями, а народу мало доступны. Весьма возможно, что гуа былъ родъ амулета или способа гаданія, употреблявшагося въ древности. Кхунь-цзы, старавшійся именно придать своему ученію авторитетъ стариннаго преданія, нашелъ удобнымъ истолковать эти знаки сообразно своему ученію, но заключеніе отъ его объясненія къ истинному значенію гуа при ихъ происхожденіи — *ненаучно*. Мы не встрѣтили у г. Новицкаго и намека на сближеніе ученій о *пути* (Дао) съ первоначальнымъ существованіемъ странствующихъ, бродячихъ людей, которыми могли быть первые Дао-ши до Лао, причемъ нѣкоторые видятъ въ нихъ шамановъ. Эта догадка, высказанная, сколько намъ извѣстно, впервые Нейманомъ [1]), психологически весьма вѣроятна. Опять мы имѣемъ слово, употребляемое сначала въ прямомъ, простомъ значеніи; потомъ является мыслитель, который не довольствуется этимъ значеніемъ, но придаетъ ему другое, метафорическое, и изъ *бродячихъ учителей* дѣлаются *учители* таинственнаго *пути*—разума. *Научное* изложеніе предмета требовало бы вниманія къ *различнымъ* объясненіямъ того же явленія въ исторіи мысли.

Не можемъ также придать никакого *научнаго* значенія примѣчанію г. Новицкаго на стр. 3 — 4 второй части о религіи евреевъ, несмотря на авторитеты, имъ приводимые. Исключеніе одной формы человѣческой мысли изъ ряда ея формъ можетъ быть сдѣлано во имя непреложнаго догмата, которому *вѣруетъ* писатель, во имя системы философской, которую онъ себѣ *создалъ*, но не во имя науки. Для нея нѣтъ избранныхъ фактовъ, какъ для человѣческой справедливости нѣтъ избранныхъ отдѣльныхъ или коллективныхъ личностей. Наука противополагаетъ всѣмъ *естественнымъ* формамъ только *неестественныя*, *противоестественныя*, т. е. невозможныя, извращенныя, нелѣпыя; и ея задача именно указать *естественное* происхожденіе и значеніе всего сущаго.

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы видѣли, что сочиненіе г. Новицкаго не относится къ наукѣ. Недостатокъ критическаго разбора, того сомнѣнія, на которомъ приходится

[1]) Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.

такъ часто останавливаться истинному ученому, недостатокъ сравненія различныхъ мнѣній по самымъ спорнымъ вопросамъ, рѣшительный догматическій тонъ дѣлаютъ невозможнымъ изъ разбираемаго сочиненія узнать, каково современное состояніе знаній по различнымъ пунктамъ, подвергаемымъ анализу одинъ послѣ другого. Читатель выслушиваетъ г. Новицкаго, дающаго свои аргументы и не представляющаго аргументовъ другихъ мнѣній.

Мы не хотимъ этимъ выразить, что г. Новицкій не взвѣсилъ самъ аргументовъ противниковъ. Мы не имѣемъ на это права, потому что онъ самъ говоритъ (ч. I, стр. 6): «Построеніе .. есть только результатъ продолжительнаго и внимательнаго изученія фактовъ». Мы должны вѣрить, что таково было и его построеніе. Но намъ важно лишь, что онъ даетъ читателямъ свою книгу, какъ *построеніе*, а не какъ научную *критику* фактовъ. Научную сторону онъ оставилъ при себѣ, умолчавъ даже о возраженіяхъ противниковъ; онъ требуетъ *вѣры*, что факты его построенія именно таковы, какими онъ ихъ даетъ. Не признавая это *научнымъ* и, на основаніи предыдущаго, приходя къ заключенію, что, какъ научное сочиненіе, трудъ г. Новицкаго долженъ быть употребленъ съ большою осторожностью, посмотримъ теперь его философское значеніе.

Отсутствіе внутреннихъ противорѣчій и стройность систематики будутъ намъ въ этомъ отношеніи служить пробнымъ камнемъ, причемъ, конечно, первое условіе есть самое необходимое; второе же, составляющее эстетическое достоинство философіи, вовсе не можетъ замѣнить отсутствія перваго, еслибы противорѣчія встрѣтились. Стройность системы только округляетъ ея внутреннюю послѣдовательность. Ученія Бэкона и Гербарта занимаютъ мѣсто въ первыхъ рядахъ философскихъ ученій, хотя систематика совершенно отсутствовала изъ ихъ философіи.

Мы должны отдать полную справедливость стройности систематики г. Новицкаго. Она подкупаетъ своею симметричностью. Въ начало онъ кладетъ отношеніе философіи къ религіи, съ одной стороны, отношеніе мысли къ бытію, съ другой. Религія представляется ему какъ естественная—языческая и сверхъестественная—христіанская. Подъ вліяніемъ первой развивается философія, но не можетъ ею руководствоваться; вторая развиваетъ и руководитъ философію, открывая ей новыя истины. Время владычества естественной религіи есть также время *непосредственнаго* отношенія мысли

къ бытію, довѣрія въ единство *я* и *не-я*. Владычество сверхъестественной религіи есть также время сознательнаго *вникающаго* отношенія мысли къ бытію, *я* къ *не-я*. Эти два цикла подраздѣляются каждый на три періода, и въ основаніи этого раздѣленія лежитъ отношеніе философіи къ религіи. Въ первый періодъ философія заключается въ предѣлахъ религіи и руководствуется чувствомъ, во второй независима отъ нея во имя разсудка, въ третій—снова къ ней обращается подъ вліяніемъ разума. Тремъ такимъ періодамъ во время владычества естественной религіи соотвѣтствуютъ три аналогическіе періода при владычествѣ религіи сверхъестественной. Такимъ образомъ, получаемъ 6 періодовъ въ исторіи философіи. Въ древнемъ востокѣ философія заключается въ области религіи, остается въ мирѣ съ нею; инстинктивно предполагаются согласія мысли и бытія, сознаніе довѣряетъ внутреннему чувству и фантазіи; пріемъ философствующей мысли—синтетическій. Въ Греціи философія дѣлается независимою отъ религіи, развивается самостоятельно и часто противополагается общественнымъ вѣрованіямъ; сознаніе довѣряетъ разсудку; «передъ взоромъ разсудка мыслимое бытіе проходитъ отдѣльными группами и представляется съ разныхъ точекъ зрѣнія, преемственно»; пріемъ мысли—аналитическій. Въ александрійской философіи имѣемъ возвращеніе философіи къ религіи, примиреніе съ нею; единство мысли и бытія «полагается непосредственно», но «неожиданно раскрывается между ними противорѣчіе»; сознаніе довѣряетъ разуму, совершающему соединеніе противорѣчій, и пріемъ мысли есть *синтезъ*, опирающійся на греческій анализъ. Эти явленія имѣютъ себѣ аналогію въ христіанскихъ системахъ. Восточному періоду соотвѣтствуетъ періодъ философіи отцовъ церкви, аравитянъ и схоластиковъ. Мысль находится въ предѣлахъ религіи. Пріобрѣтенное противорѣчіе мысли и бытія приводитъ къ распаденію ихъ въ противоположностяхъ бытія и знанія, разума и вѣры. Эти противоположности сначала разсматриваются «вмѣстѣ съ ихъ единствомъ, еще несознаннымъ, потомъ въ ихъ непримиримомъ распаденіи»; господствующій пріемъ мысли—синтетическій. Новая философія, аналогическая греческому мышленію, «отрѣшается отъ религіи, вступаетъ на путь самостоятельнаго изслѣдованія вещей и въ своей ревности къ своеобразному развитію иногда явно противопоставляетъ себя понятіямъ откровенной религіи. Мысль и бытіе остаются въ разрозненіи, но для того, чтобы сознательно сблизиться». Господство принадлежитъ разсудку.

Въ пріемахъ мысли преобладаетъ анализъ, но возведенный на степень сознательнаго, впередъ обдуманнаго метода. Третій «періодъ философіи есть *ожидаемый*, который долженъ соотвѣтствовать періоду философіи александрійской и вмѣстѣ далеко возвышается надъ нею по своему достоинству. Философія должна снова обратиться въ религію, отъ которой выступила, и, по собственнымъ началамъ и основаніямъ, сойтись съ христіанскими истинами. Отношеніе мысли и бытія должно быть понято съ высшей точки зрѣнія, по высшимъ началамъ разума и вѣры. Господствующею способностью долженъ быть разумъ. Всѣ вообще противоположности, а особенно противоположность вѣры и разума должны слиться въ гармоническое единство въ духѣ христіанской религіи. Господствующій пріемъ мысли—синтетическій—долженъ возвыситься до сознательнаго, глубоко обдуманнаго синтетическаго метода».

Г. Новицкій не остается только въ области мыслей: онъ показываетъ воплощеніе своей системы и въ жизни народовъ, въ особенности же въ гражданскихъ формахъ, ими созданныхъ. Онъ говоритъ:

«Развитіе жизни человѣчества, въ главныхъ ея періодахъ, соотвѣтственно ходу философскихъ ученій, кратко можно выразить слѣдующимъ образомъ: на Востокѣ частное погружено въ общемъ и потому здѣсь только *одинъ* самостоятеленъ и свободенъ, какъ представитель общаго; всѣ другіе въ сравненіи съ нимъ не имѣютъ личности и самостоятельности. Отсюда первая форма правленія, какую видимъ во всемірной исторіи, есть восточный деспотизмъ. Въ Греціи частное уравновѣшивается съ общимъ, но это равновѣсіе не обнимаетъ еще всѣхъ, и потому въ греческомъ мірѣ, при формѣ правленія демократической, только *нѣкоторые* пользуются правами личной самостоятельности, а прочіе, какъ рабы и варвары, не имѣютъ этихъ правъ. Въ римскомъ мірѣ частное противоборствуетъ общему, угнетаемый народъ—аристократіи, а потому и здѣсь пріобрѣтаютъ личную самостоятельность только *нѣкоторые*, при формѣ правленія аристократической. Въ мірѣ христіанскомъ частное преобладаетъ надъ общимъ и потому ищетъ своего примиренія съ нимъ; здѣсь *всѣ* получаютъ самостоятельность и свободу, понимаемую сначала какъ естественную потребность, затѣмъ какъ разумное требованіе, и которую, наконецъ, должно понять и усвоить, какъ истинно-нравственную самостоятельность и истинно-христіанскую свободу и, слѣдовательно, какъ даръ

высшей благодатной помощи; форма правленія монархическая. Первую ступень жизни человѣчества выразили народы восточные, вторую—народъ греческій, третью—римскій міръ, четвертую и пятую—народы германскіе, а шестой по справедливости можно ожидать отъ народовъ славянскихъ. Въ исторіи философскихъ ученій главные фазисы ея, соотвѣтственно тѣмъ же степенямъ жизни человѣчества, выражаютъ на Востокѣ Віаса, своимъ всепоглощающимъ пантеизмомъ; въ Греціи Сократъ, поставившій человѣка исходной точкой философіи, и Платонъ, указавшій на отношенія общаго и частнаго, объективной божественной идеи и субъективной человѣческой воли; въ римскомъ мірѣ Плотинъ, открывшій распаденіе идеальнаго и реальнаго міра; въ первомъ періодѣ христіанскаго міра—Климентъ Александрійскій, высказавшій различіе христіанской религіи и философіи; въ средніе вѣка—Ансельмъ, первый вызвавшій противоположности схоластической философіи; наконецъ, во времена новыя Кантъ, искавшій примиренія мысли и бытія въ законахъ собственнаго Я». (т. I, стр. 55—57).

Въ присутствіи этой системы, захватывающей прошедшее и будущее человѣческой мысли, представляются слѣдующіе вопросы. Какое мѣсто занимаетъ философія самого автора въ этомъ развитіи системъ? Что такое для него философія? Въ чемъ именно заключаются ея отношенія къ религіи? До какой степени соотвѣтствуютъ его догматическимъ положеніямъ его историческія аналогіи періодовъ? Наконецъ, въ какой мѣрѣ лица, выбранныя имъ представителями его системы исторіи философіи, суть дѣйствительно наиболѣе вліятельныя лица этой исторіи? Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ заключается опредѣленіе достоинства системы г. Новицкаго относительно ея связности и цѣлости.

Первый вопросъ уже ставитъ насъ въ затрудненіе. Историкъ философіи, конечно, не можетъ себя выдѣлить изъ развитія своего предмета, если онъ не становится на чисто научную точку зрѣнія. Да и въ этомъ случаѣ выдѣленіе будетъ только кажущееся, потому что въ расположеніи фактовъ уже присутствуетъ философія писателя и опредѣляетъ собою ихъ перспективу. Но мы видѣли, что научнаго значенія искать въ разсматриваевой книгѣ нельзя. Итакъ, по бо́льшей причинѣ для насъ важно знать, на какую точку историческаго развитія мышленія становится самъ г. Новицкій для обсужденія своихъ предшественниковъ. Нечего и говорить, что ему мѣсто въ философіи христіанскаго вліянія; изъ

трехъ ея періодовъ, конечно, г. Новицкій не думаетъ себя отнести къ періоду отцовъ церкви и схоластики, періоду, гдѣ допускалась безсознательно или сознательно возможность двухъ истинъ: религіозной и философской, или мышленіе *подчинялось* заранѣе принятому догмату. Мы не потому это говоримъ, что періодъ схоластики кончился; совсѣмъ нѣтъ. Въ наше время весьма много еще есть лицъ, допускающихъ дуалистическую истину или дѣлающихъ изъ мышленія слугу догмата политическаго, нравственнаго или религіознаго; самъ г. Новицкій признаетъ возможность одновременнаго существованія двухъ періодовъ философіи, а нашлись жестокіе критики [1]), которые такъ-таки и назвали его схоластикомъ. Мы не произносимъ здѣсь суда надъ тѣмъ, къ какой философіи *относится* г. Новицкій, и спрашиваемъ только, куда онъ *самъ себя ставитъ?* И въ этомъ случаѣ не видимъ, чтобы онъ самъ относилъ себя къ схоластикѣ. Второй періодъ или *новая* философія, по собственному сознанію г. Новицкаго, отрѣшается отъ религіи, подчиняется разсудку и, вообще, принимаетъ направленіе, къ которому г. Новицкій относится отрицательно. Это отрицательное направленіе видно уже изъ того, что авторъ не удовлетворяется этимъ періодомъ мысли, но опредѣлительно ставитъ задачу третьяго періода христіанской философіи и самъ философствуетъ въ духѣ этого періода, т. е. такъ, какъ онъ рисуетъ читателямъ духъ третьяго періода. Но въ тоже время авторъ говоритъ, что это—періодъ *ожидаемый.* Какъ же это самъ г. Новицкій принадлежитъ къ этому *ожидаемому* еще періоду? Или онъ *пророчествуетъ*, а не *мыслитъ?* Или онъ уже началъ этотъ періодъ, который съ появленіемъ его книги сдѣлался уже не *ожидаемымъ*, а *новонаступившимъ?* Или своею книгою г. Новицкій внесъ противорѣчіе въ свое мышленіе, потому что книга его, какъ фактъ въ исторіи философіи, хочетъ уже быть воплощеніемъ въ настоящемъ, именно того, что сама относитъ къ будущему? Не знаемъ, какъ разрѣшаетъ г. Новицкій это противорѣчіе; полагаемъ только, что онъ лишь изъ скромности не хотѣлъ признать за собою и своими единомышленниками начало новаго періода, а въ мысли считаетъ его уже наступающимъ. Это предположеніе еще подтверждается нѣсколько тѣмъ, что, по мнѣнію г. Новицкаго, славянскимъ народамъ принадлежитъ періодъ *ожидаемой* философіи, въ которой разумъ [illegible]

[1]) «Современникъ», 1860 г., № VI. Статья эта принадлежитъ Н. Г. Чернышевскому (см. собр. соч. т. VII, стр. 265—284). Ред.

крѣпляемый свѣтомъ божественной вѣры», соединитъ «всѣ противоположности мыслимаго бытія... въ высшее, сознательное единство... въ духѣ христіанскаго ученія отцовъ церкви». Если такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, и разрѣшается противорѣчіе, представляемое трудомъ г. Новицкаго, то тѣмъ не менѣе въ книгѣ его оно, пока, существуетъ.

Чтобы яснѣе представить себѣ его точку зрѣнія, посмотримъ, какъ онъ опредѣляетъ философію. Какъ извѣстно, въ этомъ опредѣленіи обыкновенно заключается вся философія даннаго мыслителя. Авторъ опредѣляетъ нѣсколько разъ задачу философіи. «Дѣло философіи, по началамъ лишь разума, изслѣдовать сущность вещей и всеобщіе законы явленій» (с. 5). «Она по преимуществу есть знаніе, почерпаемое нами самими изъ насъ же самихъ, есть развитіе того, что положено въ нѣдрахъ безсмертнаго человѣческаго духа, что завито въ его идеяхъ, составляющихъ сущность нашего разума, самую, такъ сказать, его разумность» (с. 8). «Философія... есть наука чистаго мышленія» (с. 8). «Бытіе и свойства безусловнаго существа, отношеніе къ нему міра и человѣка, безсмертіе души и нравственныя требованія человѣческой природы составляютъ существеннѣйшую задачу философіи» (с. 10). «Философія и искусство... суть цвѣтъ народнаго сознанія (с. 14).—Въ этихъ выпискахъ мы находимъ нѣкоторыя неясности. Философія, по словамъ автора, есть наука, ея предметъ—сущность вещей и законъ явленій, она развиваетъ все изъ самаго человѣка, она имѣетъ задачею отношеніе высшаго существа къ міру и къ человѣку... Жаль, что г. Новицкій не опредѣлилъ, что такое, по его мнѣнію, наука и какая разница между ею и философіею. По первому положенію, это—*одна изъ наукъ*; по тому, что она, вмѣстѣ съ искусствомъ, противопоставляется авторомъ религіи, какъ цвѣтъ корню, это—*наука вообще*. Далѣе: она опредѣляетъ *законы явленій* и въ то же время черпаетъ все изъ *идей*. Желательно знать, какъ человѣкъ почерпнетъ изъ самого себя, ну, хоть законы паденія тѣлъ? Впрочемъ, можетъ быть и здѣсь мы возражаемъ только неясности выраженій. Какъ понимать «развитіе того, что положено въ нѣдрахъ безсмертнаго духа»? Если такъ: человѣкъ имѣетъ въ себѣ рядъ представленій, которыя относитъ къ внѣшнему міру и изъ сравненій которыхъ получаетъ законы явленій внѣшняго міра, представленія о причинахъ этихъ явленій, предположенія о сущности вещей, о высшемъ существѣ, о безсмертіи духа и т. п.; тогда тутъ все ясно, но можно сказать только,

что это есть процессъ, о которомъ нечего говорить особенно для философіи: онъ повторяется для всѣхъ эмпирическихъ, логическихъ, метафизическихъ и практическихъ представленій. По всей вѣроятности, авторъ понималъ это иначе: эмпирическому знанію изъ представленій внѣшнихъ предметовъ, онъ, повидимому, противополагаетъ философское знаніе, развиваемое изъ идей. Въ такомъ случаѣ мы въ правѣ спросить, какъ законы эмпирическихъ явленій могутъ получаться изъ мышленія безъ содержанія? Если же намъ возразятъ, что *эти* явленія лежатъ внѣ философіи, то мы скажемъ, что въ такомъ случаѣ философія *не есть* наука о законахъ явленій *вообще,* а о законахъ *нѣкоторыхъ* явленій. Затѣмъ придется разграничить эти явленія отъ другихъ. Ужъ не ограничены ли они тѣми *существеннѣйшими* задачами, которыя въ другомъ мѣстѣ ставитъ авторъ? Какъ наука *сущности* вещей, конечно, въ нее войдутъ преимущественно эти задачи; но возможна ли *наука* сущности вещей? Мы не хотимъ здѣсь поднимать этого вопроса, потому что онъ насъ выведетъ изъ философіи автора. Г. Новицкій предполагаетъ дѣйствительность этой науки. Онъ *вѣритъ* въ нее, и, не зная, что онъ называетъ наукою, нельзя съ нимъ спорить. Мы только остановимъ его вниманіе на противорѣчіи между пониманіемъ философіи, какъ науки *законовъ явленій*, и какъ знанія, черпаемаго изъ идей, *вложенныхъ* въ человѣка.

Постановленіе существеннѣйшихъ задачъ философіи, о которыхъ мы сказали выше, приводитъ насъ къ отношенію философіи къ религіи, краеугольному камню въ мышленіи автора. По мнѣнію автора, содержаніе религіи есть въ то же время содержаніе философіи (I, 10). «Между истиною религіозною и философическою не должно быть различія» (тамъ же); «философія и религія различаются между собою *способомъ усвоенія* того же содержанія» (11). «Въ религіи безусловное открывается, какъ непосредственное присутствіе его въ человѣческомъ сознаніи, а въ философіи, какъ мысль о безусловномъ» (12). «Религія преимущественно живетъ въ убѣжденіи сердца, а философія—въ понятіяхъ разума» (12). «Философія и религія различаются между собою не только своей формой, но и своимъ *значеніемъ* и *достоинствомъ*. Каково бы ни было значеніе философическаго знанія и достоинство самой философіи, вѣра всегда выше этого знанія, религія всегда выше философіи» (тамъ же). «Философія доступна немногимъ; религія—всѣмъ» (13). «Область вѣры несравненно шире области философіи» (тамъ же).

«Если философія хвалится отчетливостью своихъ понятій въ свойственной ей области, зато эти понятія не имѣютъ той глубины и жизненности, которыя принадлежатъ лишь религіи» (тамъ же). Все, что имѣетъ значеніе и достоинство для человѣка, находитъ свое послѣднее средоточіе въ религіи» (14). «Всѣ отношенія человѣческой жизни сходятся отдѣльными лучами въ религіи, какъ въ своемъ фокусѣ, всѣ утверждаются и животворятся ею» (тамъ же). Философія можетъ оказывать религіи своего рода услугу—можетъ очищать религіозное чувство, хотя не въ немъ самомъ, а отъ чуждой ему примѣси ложнаго пониманія.., но и это дѣлаетъ философія лишь тогда, когда внимаетъ голосу того же самаго чувства; она только тогда бываетъ дѣйствительнымъ знаніемъ, когда въ чистотѣ выражаетъ это чувствованіе. Наконецъ, философія развивается среди нескончаемыхъ противорѣчій и борьбы понятій; а потому, если она болѣе или менѣе удовлетворяетъ любознательности разума, то не можетъ даровать мира и успокоенія,—не можетъ удовлетворять сердца; она мыслитъ о безусловномъ, но только мыслитъ, а не ведетъ къ единенію съ этимъ безусловнымъ,—чего непрестанно алчетъ духъ человѣка; между тѣмъ, религія есть такая область сознанія, гдѣ разрѣшаются всѣ загадки міра, гдѣ примиряются всѣ противорѣчія мысли, гдѣ успокаиваются всѣ печали и тревоги сердца,—есть область вѣчной истины, вѣчнаго покоя, вѣчнаго мира; только религія, а не мышленіе о ней, даруетъ человѣку блаженство» (тамъ же). Прочтя предыдущее, невольно спрашиваешь себя: если человѣкъ имѣетъ область духа, гдѣ концентрируются, утверждаются и оживляются всѣ отрасли его дѣятельности; если она, доступная всѣмъ, шире по объему трудной области мысли, доступной весьма немногимъ; если въ ней—*вся истина*, примиреніе, успокоеніе, зачѣмъ другія области? Какимъ психологическимъ процессомъ немногіе—одаренные лучше другихъ, потому что имъ доступна область философіи, недоступная массѣ,—какимъ психологическимъ процессомъ эти немногіе предпочитаютъ области вѣчнаго покоя и примиренія область борьбы, ограниченныхъ понятій? Зачѣмъ эти безумцы-мыслители уединяются отъ всѣхъ прочихъ братій, наслаждающихся блаженствомъ? Зачѣмъ сами идутъ на гоненія, на преслѣдованія, на изгнаніе, на казнь? Какое наслажденіе можетъ ихъ вывести изъ области покоя въ то одинокое положеніе—

Когда толпа съ тобою розно
Себѣ воздвигла божество;

Слѣдитъ съ какой-то злобой грозной
Движенье сердца твоего!
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидя далеко...
О, жить отверженнымъ скитальцемъ,
— Друзья, повѣрьте,— нелегко!

Всѣ наслажденія: миръ съ собою и другими, полная истина, широкая область знанія, все на одной сторонѣ, а между тѣмъ во всѣ вѣка являются упрямые бунтовщики мысли, которые рвутся изъ этого блаженства, зовутъ за собою другихъ людей, и толпы восторженныхъ учениковъ бѣгутъ за ними туда, гдѣ блещетъ *одна* мысль, ограниченная и по объему, неудовлетворительная для сердца и доставляющая своимъ послѣдователямъ лишь право на насмѣшку непонимающей массы? За философіей признаетъ г. Новицкій лишь одно достоинство: бо́льшую отчетливость понятій, но на слѣдующей же страницѣ говоритъ, что философія только тогда бываетъ дѣйствительнымъ знаніемъ, когда въ чистотѣ выражаетъ религіозное чувство. Въ такомъ случаѣ и отчетливость понятій философіи внѣ религіи не имѣетъ мѣста, потому что отчетливо понимать можно лишь дѣйствительное знаніе: во всякомъ призрачномъ знаніи должна быть гдѣнибудь непослѣдовательность, темнота, недостатокъ отчетливости. Итакъ, философія лишена всякаго, рѣшительно всякаго преимущества, и между тѣмъ!.. Нѣтъ, какъ угодно, для насъ неразрѣшимо противорѣчіе существованія философскихъ системъ, рядомъ съ доступною всѣмъ истиною, въ мышленіи г. Новицкаго. Онѣ не могли явиться, особенно во второмъ циклѣ человѣческой мысли, когда новая истина «очистила и возвысила понятія народовъ, укротила страсти, укрѣпила волю въ добрѣ, открыла человѣку такія тайны..., до которыхъ не только не доходилъ человѣческій разумъ..., но до которыхъ и не можетъ дойти собственными силами». Но и въ первомъ циклѣ философія дѣлается неразрѣшимою задачею. «Всякій человѣкъ», говоритъ намъ авторъ, «по непосредственному внутреннему чувствованію признаетъ бытіе верховнаго существа, твердо вѣритъ въ свою обязанность дѣлать добро..., не сомнѣвается въ безсмертіи своей души, въ будущемъ воздаяніи и т. п.». Зачѣмъ же онъ сталъ философствовать? Вѣдь, далѣе этого онъ не могъ ничего узнать, и философствованіе, внѣ религіознаго чувства, не могло ему дать никакого дѣйствительнаго знанія. Тутъ, въ основномъ положеніи автора, мы встрѣчаемъ неразрѣшенное имъ противорѣчіе. Не говоримъ: *неразрѣшимое*, потому что рѣшенія возможны

съ двухъ сторонъ. Или наслажденіе мышленія *по своему*, наслажденіе *независимостью* мысли такъ велико, такъ существенно для человѣка, что предъ нимъ блѣднѣютъ всѣ успокоенія, примиренія и житейскія выгоды общенія съ массою по мысли; но это не есть мнѣніе автора, который прямо становится *выше* на противную сторону. Или вся философія есть навожденіе, постоянно обольщающее человѣка адскими призраками для увлеченія его на путь грѣха, заблужденія и гибели, и предъ этимъ искушеніемъ безсильно даже непосредственное открытіе тайнъ, недоступныхъ разуму. Но и это—дуализмъ, манихеизмъ, который, повидимому, не составляетъ убѣжденія г. Новицкаго. Это важное противорѣчіе намъ кажется столь существеннымъ, что лишаетъ связности и послѣдовательности всю систему автора [1]).

Но допустимъ на время отношенія философіи къ религіи, поставляемыя авторомъ. Посмотримъ, какъ они оправдываются его системою аналогическихъ періодовъ перваго и второго цикла мысли. Остановимся, въ особенности, на идеалѣ философіи, который воплотился у автора въ *ожидаемый періодъ*. Этотъ періодъ, хотя во всѣхъ отношеніяхъ выше аналогическаго ему періода перваго цикла, но долженъ ему соотвѣтствовать. Итакъ, о значеніи религіи въ этотъ періодъ надо судить по аналогіи значенія языческой религіи въ періодъ неоплатонизма. Кто же не знаетъ, что сдѣлало изъ язычества это ученіе? Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей исторіи греческой религіи говоритъ: «Неоплатонизмъ попробовалъ съ бо́льшимъ успѣхомъ преобразовать политеизмъ, думая ему придать силу и жизнь. Но это преобразованіе... совпало съ ученіемъ, подкопавшимъ мало по-малу греческую религію и приготовившимъ ея паденіе, въ то время, какъ оно предполагало ее усилить» [2]). И это высказано въ безчисленномъ множествѣ сочиненій. Мысль о параллели между эпохою неоплатонизма и нашимъ временемъ въ отношеніи значенія вѣрованій, есть мысль не новая, но она всегда была выставлена партіею, относящеюся къ этимъ вѣрованіямъ отрицательно; и, дѣйствительно, періодъ полнаго безсилія язычества, подогрѣваемаго всѣми мѣрами среди равнодушія массы, требующей уже другого,—этотъ періодъ могъ быть признанъ анало-

[1]) Не говоримъ о практическомъ противорѣчіи, которое уже довольно ярко выставлено въ приведенной критикѣ «Современника»: зачѣмъ авторъ, признавая, что религія во всѣхъ отношеніяхъ выше философіи, не обратился къ первой, но написалъ книгу о второй?

[2]) Histoire des religions de la Grèce Antique par A. Maury. III, 1859

гическимъ съ будущностью или настоящимъ положеніемъ мышленія только врагами общественной системы убѣжденій. И г. Новицкій, со своей точки зрѣнія, рѣшается видѣть въ *ожидаемомъ періодѣ* аналогію послѣднему періоду язычества? Онъ предрекаетъ *эту* будущность своимъ вѣрованіямъ? Онъ самъ подноситъ факелъ къ своимъ идоламъ и подаетъ оружіе врагамъ своихъ убѣжденій? Онъ въ своихъ историческихъ аналогіяхъ думаетъ однимъ словомъ—*выше*—оградиться отъ противорѣчія съ своею догматическою точкою зрѣнія? Нѣтъ, г. Новицкій, отрекитесь скорѣе отъ вашихъ историческихъ аналогій, перестройте вашу систему: вы перешли, сами того не замѣчая, въ чужой лагерь, и доказали болѣе, чѣмъ думали, доказали историческою аналогіею несостоятельность своихъ собственныхъ положеній. Это—неизгладимое внутреннее противорѣчіе.

Но есть еще одно противорѣчіе, осуждающее раздѣленіе на періоды нашего автора, осуждающее самый принципъ—его послѣдствіями. Система г. Новицкаго привела его къ признанію нѣсколькихъ главныхъ личностей въ исторіи философіи. Главные фазисы философскихъ ученій, главныя степени жизни человѣчества выражаются семью личностями, семью *вершинами* мысли. Повѣримъ это нравственное гипсометрическое измѣреніе. Есть въ древности философъ, который далъ человѣчеству энциклопедію мысли: послѣ него не было мыслителя, который бы не оглядывался на этого гиганта мысли, не прочитывалъ и не перечитывалъ его сочиненій; отъ береговъ Сены до береговъ Евфрата онъ въ продолженіе болѣе тысячи лѣтъ былъ единственнымъ учителемъ; лучшіе мыслители новѣйшаго времени гордились продолженіемъ и исправленіемъ его трудовъ; почти ни одна наука не можетъ въ своей исторіи не отвести значительнаго отдѣла этому геніальному писателю; безпрестанно оказывается, что онъ былъ правъ и въ такихъ вопросахъ, которые послѣ него считались невѣрно рѣшенными имъ. Его нечего называть, потому что всякій, не занимающійся вовсе философіею, изъ всѣхъ мыслителей, можетъ быть, и знаетъ только имя учителя Александра Великаго. И что-жъ, между *семью* вершинами исторіи мысли, назвавъ Плотина, Климента Александрійскаго, Ансельма, г. Новицкій не помѣстилъ—Аристотеля.

Онъ произнесъ этимъ послѣдній приговоръ своему построенію исторіи философіи. Построеніе, сдвигающее съ перваго мѣста Аристотеля, не имѣетъ права даже называться философскимъ построеніемъ.

Мы видѣли научное значеніе книги г. Новицкаго. Теперь мы можемъ судить о ея философскомъ значеніи. Что же ей остается?

Отчего бы, вмѣсто гордыхъ пророчествъ объ ожидаемой славянской философіи, имѣющей все примирить и объяснить, вмѣсто *новаго слова*, которое оказывается не научнымъ, не философскимъ, да, пожалуй, и не новымъ,—отчего бы не ограничиться переводомъ порядочнаго нѣмецкаго учебника, который, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, былъ бы несравненно выше, и со стороны философіи, того, что̀ предлагаетъ г. Новицкій.

Неохотно мы взялись за перо, чтобъ разбирать книгу, о которой была рѣчь. Но, при недостаточности нашей философской литературы, при возбуждающемся интересѣ къ предмету, мы считали своею обязанностью предупредить читателей, что̀ это за произведеніе. Они могли видѣть изъ выписокъ, насколько направленіе г. Новицкаго соотвѣтствуетъ живымъ вопросамъ современности. Они могли видѣть изъ его обращенія съ Пиѳагоромъ, насколько онъ уважаетъ науку. Они могли видѣть изъ ряда замѣченныхъ нами противорѣчій (а, вѣроятно, весьма многихъ мы не замѣтили, другія же оставили въ сторонѣ, чтобы не увеличивать объемъ статьи), насколько его построеніе послѣдовательно и философски стройно. Тѣ, которые владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ, пусть лучше обратятся къ Швеглеру, Целлеру, Брандису, Риттеру. Тѣ же, которымъ приходится читать только по-русски, пусть читаютъ г. Новицкаго осторожно, стараясь повѣрять его, гдѣ могутъ, другими источниками и воззрѣніями; пусть стараются сами мыслить надъ вопросами, которымъ онъ даетъ канву, покрытую плохимъ узоромъ. Философія тѣмъ сильна, что возбуждаетъ къ самостоятельному мышленію и даетъ сама средства противъ увлеченій своихъ адептовъ. Она говоритъ всѣмъ: учитесь, учитесь фактамъ, дѣлу—и мыслите сами!

Три бесѣды о современномъ значеніи философіи, [1])

читанныя публично въ залѣ Пассажа 22, 25 и 30 ноября 1860 г.

(Посвящается памяти М. Л. Лаврова).

Приступая къ публичнымъ бесѣдамъ о современномъ значеніи философіи, я могъ бы поступить различно: во-первыхъ, я могъ написать эти бесѣды и читать ихъ по тетради; во-вторыхъ, я могъ написать эти бесѣды и выучить ихъ наизусть; наконецъ, я могъ, по заранѣе обдуманному конспекту, приступить къ изустной бесѣдѣ и написать по тому же конспекту бесѣду, изложенную прежде или послѣ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ читатели имѣли бы бесѣды какъ разъ съ тѣми же оборотами слова, какъ слушатели. Но второй способъ доступенъ людямъ только съ отличнѣйшей памятью; первый же представляетъ самое неудобное средство для разговора съ публикою о серьезномъ предметѣ, и оправдывается только для сочиненій, обладающихъ особенными стилистическими совершенствами. Мнѣ оставался послѣдній способъ. Но онъ влекъ за собою неполное сходство прочитанной и написанной бесѣды. Это было неизбѣжно, и потому я примирился съ этимъ условіемъ. Разъ допустивъ его, я рѣшился дать эти бесѣды читателямъ въ возможно лучшемъ видѣ. Многія частности, позабытыя на лекціи, или опущенныя, потому что время не дозволило мнѣ распространиться, могли здѣсь быть помѣщены. Иногда съ перомъ въ рукѣ я встрѣчалъ оборотъ, который, какъ я хорошо помнилъ, не былъ мною употребленъ изустно, но я считалъ своею обязанностью внести его, если онъ, по моему мнѣнію, точно выражалъ мою мысль. Конечно, все это относится къ частно-

---

[1]) «Отечественныя Записки», 1860 г., № 1. Полная подпись. Отдѣльныя изданія: Спб., 1861 г., и Казань, 1904 г. (послѣднее—очень небрежное, съ пропусками и даже искаженіями по существу). Нашъ текстъ исправленъ по «Отечественнымъ Запискамъ». Р е д.

стямъ, къ формѣ мысли, къ ея развитію или уясненію, а не къ содержанію. Самая мысль, даже въ ея оттѣнкахъ, и весь планъ бесѣдъ остался безъ всякой перемѣны. Я оставилъ даже непополненнымъ одинъ значительный пропускъ, сдѣланный мною во второй бесѣдѣ, по недостатку времени, и указанный мною тогда же слушателямъ. Я надѣюсь пополнить его въ непродолжительномъ времени особымъ разсужденіемъ. Нѣкоторыя лица обвинили мои бесѣды въ повтореніи, въ излишне-популярномъ изложеніи, въ бездоказательности иныхъ положеній и т. п. Можетъ быть, я во всемъ этомъ и, дѣйствительно, виноватъ; но, говоря передъ публикою, которая мнѣ была совершенно неизвѣстна, я предпочелъ повторенія и элементарность изложенія, чтобы вѣрнѣе оставить въ памяти слушателей главные пункты и не оттолкнуть съ перваго раза техническими пріемами и терминами. Что время не дозволило мнѣ доказать всѣ свои положенія, это само собою разумѣется, я и то самъ сознаюсь, что мои бесѣды были слишкомъ продолжительны. Но мое дѣло было болѣе указать, чѣмъ доказать. Иные слушатели нашли въ моихъ бесѣдахъ вовсе не то, чего ожидали, и не нашли многаго, что думали встрѣтить. Въ этомъ случаѣ я не считаю себя очень виноватымъ, потому что, сообразно *моему* поставленію вопроса и моему взгляду на него, я не считалъ возможнымъ слѣдовать другому плану. Насколько эти бесѣды стоили быть напечатанными,—судить не мнѣ. Представляя ихъ вторично публикѣ, я предоставляю читателямъ еще разъ возможность *обсудить* и, если угодно, *осудить* ихъ.

БЕСѢДА ПЕРВАЯ.

Что такое философія въ знаніи?

Философія въ Германіи: школы, теоретическіе вопросы.—Философія во Франціи: партіи, практическіе вопросы.—Какъ понимаютъ философію въ Россіи.—Философія не выдѣлима изъ нашей дѣятельности.—Философія осмысливаетъ нашу дѣятельность.—Основная аксіома.—*Я желаю знать, что такое философія?* — Желаніе источникъ всякой дѣятельности. — Представленіе. — Знаніе. — Области знанія. — Что мы въ самомъ дѣлѣ знаемъ.—Наше *я*.—Вопросы о сущности.—Философія въ знаніи.—Философскія системы.—Творчество.

Мм. Гг.!

Не знаю, имѣю ли я право благодарить васъ за вашъ благосклонный пріемъ. По крайней мѣрѣ, я чувствую, что

сдѣлалъ еще слишкомъ мало, чтобы заслужить его. Я въ немъ вижу лишь сочувствіе къ тому предмету, во имя котораго мы сошлись сюда побесѣдовать. Онъ всегда имѣлъ чарующую привлекательность для всего, что стремилось жить и развиваться. Онъ всегда казался страшнымъ и опаснымъ для тѣхъ, кто опирался на отжившія начала. И сегодня есть чему порадоваться: сегодня, въ первый разъ, послѣ долгаго молчанія, среди русской столицы, въ средѣ свѣтскаго русскаго общества, въ живой русской рѣчи, самостоятельно и независимо произносится слово: *философія*.

Значеніе философіи для общества было очень различно. Всего болѣе о ней говорили въ Германіи и во Франціи; но въ этихъ двухъ странахъ она являлась представительницею двухъ совершенно различныхъ направленій. Нѣмцы считаютъ себя, какъ нѣмцевъ, прирожденными судьями философскихъ предметовъ и, гордясь именами нѣсколькихъ замѣчательныхъ мыслителей, видятъ въ своемъ отечествѣ единую исключительную родину философіи. Она тамъ вошла въ поэзію, въ беллетристику, въ обыденную жизнь. Въ такихъ же маленькихъ изящныхъ книжкахъ, какъ стихотворенія Ленау, Гейне, Уланда, издаются для дамскихъ столовъ сборники Карьера, Шеффера, Саллета, проникнутые шеллингизмомъ и гегелизмомъ. Во многихъ романахъ Фанни Левальдъ, Гуцкова и другихъ писателей философскіе споры составляютъ предметъ цѣлыхъ главъ. Если кто въ общественномъ разговорѣ или въ рѣчи употребитъ философскій терминъ, это не покажется страннымъ. Философскіе споры проникли въ германское общество, въ германскую *жизнь*. И споры эти касаются самыхъ отвлеченныхъ вопросовъ. Школы гегельянцевъ, шеллингистовъ, кантіанцевъ, гербатіанцевъ, матеріалистовъ и т. д. раздѣляются между собою по вопросамъ объ отношеніи мысли къ дѣйствительности, о томъ, существуетъ ли *я*, или это есть призракъ, какое отношеніе между веществомъ и силою и т. д. Послѣдній вопросъ такъ занималъ всѣхъ въ Германіи еще недавно, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ рѣдко выходила серьезная книга или книжка журнала, безъ того, чтобъ авторъ гдѣ-нибудь въ цѣлой главѣ или въ замѣткѣ не излагалъ своего отношенія къ этому вопросу.

Мы найдемъ совсѣмъ другое, если обратимся къ Франціи. Тамъ слово *философія* есть знамя, съ которымъ идутъ въ битву общественныя партіи. Во время всего XVIII вѣка шла ожесточенная борьба во имя философіи. Это слово ставили на алтарь въ видѣ богини разума, изъ-за него изгоняли и

казнили, но, при всемъ томъ, обращали очень мало вниманія на его научное значеніе. Буржуазія не хотѣла болѣе терпѣть гнета свѣтской и духовной аристократіи. Послѣдняя опиралась на опредѣленное міросозерцаніе, на установленныя преданія. Противъ этихъ-то преданій шли бороться Вольтеры и Дидро. И читатели, и сами авторы часто плохо знали, вѣрятъ ли они или не вѣрятъ въ безсмертіе души, въ матерію и въ безтѣлесный духъ, въ Бога. Можно указать въ этомъ отношеніи много непослѣдовательностей и противорѣчій у одного и того же писателя. Но они были послѣдовательны въ одномъ: въ своей практической борьбѣ съ установленнымъ порядкомъ вещей. Прошла французская революція. Старшая линія Бурбоновъ была унесена собственнымъ непониманіемъ своего положенія и буржуазія явилась властью. Новыя общественныя партіи вышли на сцену и, во имя своихъ практическихъ интересовъ, каждая изъ нихъ выставила *свою* философію. Философу буржуазіи Кузену нужно было, чтобъ воля была свободна и духъ былъ безсмертенъ, чтобъ гражданская свобода и собственность были освящены мыслію, и—онъ все это доказалъ. Изъ всѣхъ древнихъ и новыхъ системъ онъ собралъ все, что нужно было *для* этой цѣли, и создалъ французскій *эклектизмъ*. Но противъ буржуазіи стояли другія партіи, съ *своими* цѣлями, и вотъ Вентура пишетъ свои проповѣди о разумѣ философскомъ и разумѣ католическомъ, о христіанской власти; вотъ выступаютъ соціалисты. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ *практическіе* вопросы, *практическія* стремленія на первомъ планѣ. За нихъ бранятъ и прославляютъ писателей въ различныхъ кружкахъ общества. До остального же почти никому нѣтъ и дѣла.

У насъ философія не имѣетъ ни того, ни другого значенія. У насъ нѣтъ философскаго преданія, великихъ именъ національныхъ мыслителей, системы которыхъ спорили бы о господствѣ между ними. Иной изъ насъ вспомнитъ иногда давно умолкшаго профессора, ученика нѣмецкаго мыслителя, но вспомнитъ о *лицѣ*, о единицѣ, а не о направленіи. Нѣсколько шеллингистовъ оставили въ нашей литературѣ и въ памяти общества слѣдъ нѣсколько болѣе яркій, чѣмъ мыслители другихъ направленій, но все это—смутное преданіе. Философскихъ школъ у насъ не было, а были философствующія единицы, и тѣ приносили очень мало *своего*, а развивали большею частію предметъ по міросозерцанію того или другого германскаго философа. Нечего уже говорить, что у насъ нѣтъ и слѣда общественныхъ партій, которыя бы боролись и выставляли

философскіе принципы для своихъ практическихъ цѣлей У насъ собственно только два отдѣла въ обществѣ: люди, желающіе знанія и развитія, и поклонники невѣжества, люди раскольнически-враждебные наукѣ, именно въ ея развивающихъ человѣческихъ началахъ. Но это—не школы и не общественныя партіи. Въ практическихъ вопросахъ, какъ въ теоретическихъ, у насъ опять единицы, не успѣвшія или не умѣвшія организоваться въ партію.

Немудрено, что и наше общество связываетъ со словомъ философія и философъ часто очень невыгодныя представленія, и наши лучшіе писатели выражаютъ подобное представленіе въ своихъ комическихъ идеалахъ. *Философствованіе* для Фамусова имѣетъ значеніе гастрономическое. Судья «Ревизора», который «своимъ умомъ дошелъ» до рѣшенія вопросовъ о мірозданіи, есть каррикатурный философъ. У насъ называютъ философомъ того, кто ведетъ себя не такъ, какъ другіе, кто пренебрегаетъ приличіями. «Прошу не философствовать, а дѣлать»,—говоритъ начальникъ подчиненному, осмѣливающемуся возражать. «Философія есть наука лѣни» повторяетъ, говорятъ, ежегодно своимъ слушателямъ одинъ петербургскій профессоръ, имя котораго съ уваженіемъ произносится и за границею между спеціалистами его предмета.

Съ другой стороны, со словомъ *философія* наше общество связываетъ представленіе о чемъ-то весьма темномъ, трудномъ, доступномъ лишь немногимъ спеціалистамъ. Она вызываетъ воспоминаніе неуклюжаго тома «Умозрительной физики», гдѣ говорится объ «идеѣ вѣчности, равнозначительной всесуществующему нулю», и т. п. Между тѣмъ, авторъ этого сочиненія былъ не случайный фантазеръ, но одинъ изъ немногихъ, посвятившихъ долгіе годы и многіе труды на философское преподаваніе. Мудрено ли, что публика, съ которой говорили такимъ образомъ о философіи, чуждалась ея? Дико звучали въ ушахъ русскаго человѣка непереваренные термины шеллингизма, къ которымъ Германія была приготовлена рядомъ мыслителей, составлявшихъ и измѣнявшихъ постепенно нѣмецкую философскую терминологію. Не такъ уже трудно было слушать формулы Шеллинга тѣмъ, кто имѣлъ въ своемъ прошедшемъ Канта, передъ Кантомъ Вольфа и др., развившихъ философское мышленіе на родномъ языкѣ. Но въ Россіи не было подобнаго подготовленія, и потому предметъ, наполненный полупонятными или вовсе непонятными выраженіями, представился обществу какъ нѣчто туманное, чуждое, какъ предметъ, составляющій спеціальность нѣсколькихъ человѣкъ, а остальнымъ вовсе ненужный.

Между тѣмъ, философія есть нѣчто весьма обыденное, нѣчто до такой степени нераздѣльное съ нашимъ существомъ, что мы философствуемъ не учась, при каждомъ произносимомъ словѣ, при каждомъ осмысленномъ дѣйствіи, философствуемъ хорошо или дурно, но постоянно и неудержимо.

Можетъ быть, мои слова представляются вамъ, мм. гг., рѣзкимъ парадоксомъ. Вѣроятно ли, чтобы существовала невыдѣлимая отъ насъ дѣятельность, которую мы не сознаемъ? Позвольте вамъ тогда напомнить подобное явленіе, приводимое Мольеромъ въ одной изъ своихъ самыхъ популярныхъ комедій. Журденъ всю жизнь говорилъ прозою и—не зналъ этого. Правда, проза Журдена не была прозою Паскаля и Боссюэ, но, тѣмъ не менѣе, это была проза. Надѣюсь, мм. гг., что мнѣ удастся вамъ показать въ этихъ бесѣдахъ, что въ своихъ философскихъ построеніяхъ мыслители лишь употребляли сознательно и разумно ту же самую дѣятельность, которая постоянно присутствуетъ въ насъ, въ безсознательномъ и непослѣдовательномъ состояніи.

Но, возразятъ мнѣ, если оно и такъ, къ чему останавливать свое вниманіе на этой *особенной* дѣятельности? Много ли пріобрѣлъ Журденъ, узнавъ, что онъ говоритъ прозою? Будемъ довольствоваться нашею *безсознательною* философіею, если ужъ она, дѣйствительно, существуетъ. Къ чему намъ обращать на нее *особенное* вниманіе? Мало ли и безъ того дѣла въ жизни? Мало ли необходимыхъ для насъ знаній? Есть люди, занимающіеся этимологіею и санскритскимъ языкомъ. Это—очень полезныя знанія, но никто не скажетъ, что они необходимы для всѣхъ. Пусть будутъ спеціалисты философы, но къ чему ставить философію въ рядъ предметовъ общей важности?

Дѣло въ томъ, что философія, и она одна, вноситъ смыслъ и человѣческое значеніе во все, куда она входитъ. Мы осмысливаемъ нашу дѣятельность на столько, на сколько вносимъ въ нее элементъ философіи. Насколько человѣкъ обязанъ себѣ отдавать ясный отчетъ въ каждомъ своемъ словѣ, въ своихъ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ, на столько *онъ обязанъ философствовать*. Пренебреженіе философіей есть искаженіе въ себѣ человѣческаго сознанія. Требованіе *сознательной* философіи равнозначительно требованію развитія человѣка.

Впрочемъ, мм. гг., я здѣсь обязанъ сдѣлать оговорку. Требованіе отъ человѣка сознательности и развитія есть нравственная аксіома, которую доказать нельзя, если кто ее

отвергаетъ. А есть люди, которые отвергаютъ это начало. Есть люди, которые готовы сказать: «сознательность, развитіе, размышленіе есть зло для человѣка». Они смѣло утверждаютъ, что лучше, счастливѣе человѣкъ, слѣдующій безсознательно заранѣе предписанной рутинѣ, человѣкъ, не разсуждающій, не понимающій, «трупъ въ рукахъ другого», по выраженію іезуитовъ, чѣмъ человѣкъ, добивающійся путемъ страданія и ошибокъ полнѣйшаго знанія, лучшаго пониманія, справедливѣйшихъ условій жизни. Противъ подобныхъ оппонентовъ полемизировать невозможно, потому что они стоятъ на другой почвѣ, говорятъ на другомъ языкѣ. Убѣждать ихъ безполезно, потому что самый процессъ убѣжденія имъ недоступенъ. Они не нуждаются въ философіи, потому что не нуждаются въ мысли. Ихъ идеалъ: это сонъ безъ сновидѣній. Оставляя ихъ въ сторонѣ, мы считаемъ себя въ правѣ поставить себѣ аксіомою: человѣкъ обязанъ отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ словѣ, въ каждой мысли, въ каждомъ чувствѣ и дѣйствіи.

На этомъ основаніи мы должны отдавать себѣ отчетъ въ томъ, какое значеніе имѣетъ философскій элементъ, присутствующій въ человѣческой дѣятельности. Мы увидимъ, что въ разныхъ областяхъ этой дѣятельности онъ проявляется различно и потому полное уясненіе значенія слова философія можетъ быть лишь окончательнымъ результатомъ нашихъ бесѣдъ. Мы сначала откроемъ присутствіе его въ различныхъ отдѣльныхъ процессахъ. Сдѣлать это очень легко. Если справедливо, что философія присутствуетъ во всякой нашей мысли, то она можетъ быть открыта въ произвольно выбранной фразѣ. Конечно, въ одномъ случаѣ удобнѣе, въ другомъ менѣе удобно ея присутствіе, но всегда возможно. Возьмемъ вопросъ, для котораго мы сошлись на эти бесѣды:

Я желаю знать, что такое философія?

Конечно, можно бы подумать, что насъ, при разборѣ этого вопроса, всего дольше займетъ послѣднее слово, какъ важнѣйшее. Можно подумать, что другія слова, ему предшествующія, для насъ несущественны, такъ какъ въ этой фразѣ они составляютъ только необходимую грамматическую форму для мысли, концентрирующейся на словѣ *философія*. Между тѣмъ, мы на первыхъ наиболѣе остановимся; вдумываясь поочередно въ слова: *желаніе*, *знаніе*, *я*, мы увидимъ, что они приведутъ насъ сами собою къ уясненію одного значенія слова *философія*. Постараемся понять собственный

вопросъ, и мы сами отвѣтимъ на него, по крайней мѣрѣ, на столько, на сколько философія составляетъ элементъ *знанія*. Итакъ, постараемся осмыслить слова: *я желаю знать*, безпрестанно нами употребляемые по привычкѣ. Начнемъ съ простѣйшаго—съ *желанія*.

Слово *желаніе* кажется съ перваго взгляда такъ просто, что его и разбирать не стоитъ. Каждый изъ насъ слыхалъ и самъ говорилъ о напрасныхъ желаніяхъ, о ненасытныхъ, суетныхъ, мимолетныхъ желаніяхъ и т. д., и т. д. Желаніе, развивающееся въ страсть, представляется намъ въ борьбѣ съ разсудкомъ, съ долгомъ, и борьба послѣднихъ началъ противъ первыхъ ставится обыкновенно въ обязанность человѣку, какъ нравственному существу. Это первое, самое поверхностное пониманіе значенія слова *желаніе*. Но этого недостаточно; чтобъ оцѣнить какое-либо явленіе, надо изслѣдовать его болѣе внимательно. Если невѣжда говоритъ о комнатѣ: «она пуста», то человѣкъ, хотя немного знакомый съ физикою, знаетъ, что комната наполнена воздухомъ. Давленіе воздуха физикъ не ограничиваетъ исключительными проявленіями бури, которая разрушаетъ зданія и сбиваетъ васъ съ ногъ; онъ беретъ барометръ и показываетъ, что на васъ постоянно, незамѣтно для васъ самихъ, давитъ такое-то число пудовъ воздуха. Точно также поступаетъ психологъ, разбирая желаніе. Онъ не разсматриваетъ его только въ исключительную минуту борьбы желаній, переходящихъ въ страсти, съ пріобрѣтенными идеями справедливаго, добраго, истиннаго; но онъ слѣдитъ его давленіе на ваше нравственное бытіе, открывая его вездѣ и всегда, и говоритъ вамъ: *желаніе есть источникъ всякой человѣческой дѣятельности*.

Множество предметовъ проходятъ постоянно предъ вами, но вы остановились на одномъ. Онъ возбудилъ ваше вниманіе. Это вниманіе есть уже поставленный вопросъ. Всякій вопросъ есть неудовлетворенное желаніе.—Вы чувствуете радость, печаль, сожалѣніе, общее утомленіе. Разберите внимательнѣе эти чувства и вы вездѣ откроете присутствіе желанія. Самый разсудокъ и долгъ, противопоставляемые моралистами страсти, суть не что иное, какъ желаніе открыть продолжительнѣйшее, полнѣйшее наслажденіе, желаніе воплотить нашъ нравственный идеалъ, на алтарѣ котораго мы готовы заколоть другія желанія, представляющіяся намъ унизительными. Нѣтъ явленія въ жизни человѣка, въ которомъ бы не присутствовало желанія. Вся наука есть отвѣтъ на человѣческія желанія. Они воплощаются въ художественные и

религіозные идеалы, въ системы мыслителей. Современные психологи видятъ въ наукѣ душевныхъ явленій систему побужденій или элементарныхъ желаній. Два мѣсяца тому назадъ [1]) умеръ послѣдній изъ предводителей самостоятельныхъ германскихъ школъ послѣ Канта, Артуръ Шопенгауэръ: онъ распространялъ значеніе желанія, въ формѣ воли, не только на весь внутренній міръ человѣка, но и внѣ его; вся природа представлялась Шопенгауэру какъ проникнутая волей. Но намъ нечего обращаться къ метафизическимъ системамъ, чтобъ увидѣть волю, перенесенную человѣкомъ внѣ себя, въ природу. Все поэтизированіе, одушевленіе природы заключается въ томъ, что мы предполагаемъ во внѣшнихъ предметахъ нѣчто аналогическое нашему желанію въ его разныхъ преобразованіяхъ и проявленіяхъ. Наконецъ, въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ языка: аэростатъ *стремится* подняться, тѣло *противится* сжатію, скрывается тотъ же процессъ.

Итакъ, мы открыли присутствіе желанія повсюду въ дѣятельности человѣка. Чтобъ открыть его, мы брали поочередно различныя явленія и стремились найти въ нихъ единство. Мы говоримъ, что поняли значеніе желанія для человѣка, когда оно намъ представилось общимъ источникомъ человѣческой дѣятельности, началомъ, помощью котораго эта дѣятельность представляетъ нѣчто единое.

Но если желаніе есть источникъ, основное явленіе человѣческой дѣятельности, то, съ другой стороны, мы можемъ его разсматривать, какъ нѣчто сложное, составное. Существованіе понятій, которыя, съ одной стороны, суть простѣйшія для цѣлаго ряда другихъ понятій, а съ другой—представляются сложными результатами, есть одинъ изъ важныхъ фактовъ науки мышленія. Мы не можемъ его здѣсь разобрать въ его общности, но покажемъ на примѣрахъ, что онъ представляется въ различныхъ областяхъ знанія. Многіе ботаники видятъ во всѣхъ органахъ растенія преобразованіе одного и того же органа—листа, между тѣмъ, самый листъ состоитъ изъ системы клѣточекъ разнаго рода. Какъ геометрическая форма, онъ вовсе не простъ; какъ химическій составъ, онъ довольно сложенъ. Еще ближе къ нашему вопросу примѣръ движенія. Современное естествознаніе стремится объяснить всю природу, какъ систему разнообразныхъ движеній. Англійскіе психологи нашли, что движеніе нашихъ органовъ есть путь, помощью котораго человѣкъ доходитъ до понятія о про-

[1]) Писано въ 1860-мъ году. Ред.

странствѣ и времени. Между тѣмъ, представленіе самого движенія есть представленіе нѣкоторыхъ разстояній, послѣдовательно измѣняющихся, и наука о движеніи начинается съ разложенія понятія о немъ на понятія пространства и времени.

Такъ и желаніе можно разложить на простѣйшія начала. Всякое желаніе предполагаетъ два полюса: *желаемый предметъ* и *желающее существо*, между которыми желаніе является чѣмъ-то посредствующимъ. Я желаю нѣчто; этимъ самымъ я говорю, что знаю существованіе чего-либо внѣ меня, и мое желаніе выходитъ изъ моего отношенія къ предмету этого желанія. Итакъ, въ желаніи лежитъ, во-первыхъ, представленіе предмета, во-вторыхъ, сознанія моего *я*, въ третьихъ, признаніе нѣкотораго отношенія между мною и этимъ предметомъ. Обратимся къ первому.

Мы представляемъ себѣ какой-либо предметъ. Приэтомъ мы легко замѣтимъ, что мы не сейчасъ его представляемъ такъ, какъ впослѣдствіи времени, послѣ тщательнаго изслѣдованія. Мы взглянули на предметъ; различныя наши чувства восприняли отъ него разнообразныя впечатлѣнія; память вызвала подобныя впечатлѣнія, полученныя отъ извѣстныхъ уже намъ предметовъ; воображеніе подсказало намъ, что предъ нами тотъ или другой изъ этихъ извѣстныхъ намъ предметовъ. Представленіе готово. Но мы легко встрѣчаемся съ такимъ признакомъ, который противорѣчитъ составленному представленію. Напримѣръ: намъ показалось, что мы видѣли въ окнѣ нашего знакомаго, а черезъ нѣсколько минутъ мы его встрѣтили, и т. п. Мы говоримъ въ подобныхъ случаяхъ, что представленіе, нами составленное, было *ложно*. Мы дали слишкомъ много права нашему воображенію. Мы не довольно признаковъ предмета въ самомъ дѣлѣ восприняли, чтобы опредѣлить, какой именно предметъ былъ передъ нами. Надо исправить это *ложное* представленіе. Для этого надо стараться воспринять отъ предмета возможно бо́льшее число его признаковъ. Надо разнообразить *наблюденія* предмета. Каждый новый признакъ, наблюдаемый нами, исправляетъ или дополняетъ наше представленіе. Зная, какъ легко мы можемъ впасть въ ложное представленіе при недостаточномъ числѣ признаковъ, мы нарочно удерживаемся отъ произнесенія приговора о нашемъ представленіи, пока не считаемъ число сдѣланныхъ наблюденій уже довольно значительнымъ.—Иногда мы поступаемъ иначе. Получивъ нѣсколько признаковъ, мы дѣлаемъ *предположеніе*, т. е., ставимъ предъ собою нѣкото-

рое извѣстное уже представленіе, задавая себѣ вопросъ: не *этотъ* ли предметъ подлежитъ нашему изслѣдованію? Сдѣланное *предположеніе* мы должны *оправдать*, то есть, мы ищемъ уже въ изучаемомъ предметѣ признака предполагаемаго. Съ каждымъ найденнымъ изъ этихъ признаковъ наше предположеніе болѣе и болѣе оправдывается, дѣлается болѣе и болѣе *вѣроятнымъ*; мы останавливаемся съ большимъ убѣжденіемъ на поставленномъ представленіи. Нашли мы признакъ противорѣчивый, и сдѣланное представленіе оказывается ложнымъ, лишается *реальности*. Оно дѣйствительно только для нашего воображенія, а внѣ насъ оно ничему не соотвѣтствуетъ.

Накопляя наблюденія признаковъ предмета и оправдывая наше предположеніе о немъ рядомъ нарочно дѣлаемыхъ наблюденій, *опытовъ*, мы *узнаемъ* предметъ болѣе и болѣе. Наше *знаніе* растетъ съ числомъ и разнообразіемъ воспринятыхъ признаковъ. Нѣкоторые изъ этихъ признаковъ такъ существенны для насъ, что мы раздѣляемъ предметы на отдѣлы, смотря по присутствію или отсутствію именно *этихъ* признаковъ. Образуются области *знанія*, группы *наукъ*.

Такъ мы собираемъ всѣ предметы, въ представленіе которыхъ не входитъ противорѣчивыхъ признаковъ и отъ которыхъ мы можемъ получить достаточно полную группу признаковъ: это для насъ предметы прямого наблюденія, предметы внѣшняго міра, относящіеся къ *естествознанію*. Если изслѣдуемые предметы не подлежатъ прямому нашему наблюденію, но были наблюдаемы другими лицами, мы же имѣемъ предъ собою лишь слова и знаки, ихъ изображающіе, то подобные предметы мы назовемъ предметами *свидѣтельства*, и они преимущественно относятся къ *исторіи*. Наконецъ, если мы замѣчаемъ въ нихъ отсутствіе нѣкоторыхъ признаковъ, необходимыхъ для реальнаго бытія или находимъ какое-либо противорѣчіе, то предметы принадлежатъ только нашему *сознанію*, внутреннему міру нашего *я*; они относятся къ наукѣ духовныхъ явленій, къ *психологіи* въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.

Вотъ три главныя области знанія, въ разныхъ случаяхъ сливающіяся одна съ другой. Но посмотримъ, насколько знанія каждой изъ нихъ *самостоятельны* и насколько опираются на данныя, заимствованныя изъ другихъ областей. Посмотримъ, насколько мы можемъ сказать, что въ самомъ дѣлѣ *знаемъ* факты, относящіеся къ каждой изъ упомянутыхъ областей.

Начнемъ съ исторіи. Знаемъ ли мы факты царствованія Нерона? Легко замѣтить, что мы знаемъ не ихъ, но книгу, въ которой они описаны, учителя, который намъ ихъ сообщилъ въ разсказѣ. Мы знаемъ еще другія книги и другихъ учителей, которые свидѣтельствуютъ достовѣрность повѣствованій, помѣщенныхъ у Тацита и въ историческихъ курсахъ. Мы все это сравниваемъ въ процессѣ мышленія и убѣждаемся, что событія царствованія Нерона, въ самомъ дѣлѣ, были таковы, какъ намъ ихъ передали. То же повторяется при усвоеніи всякаго историческаго факта. Наше знаніе распадается на знанія нѣсколькихъ предметовъ прямого наблюденія (книга, учитель, памятники и т. п.) и на знаніе нѣсколькихъ предметовъ внутренняго міра, именно, различныхъ пунктовъ процесса нашей мысли, которая переходитъ путемъ сравненія представленій, чрезъ рядъ вѣроятностей, къ убѣжденію въ достовѣрности историческаго событія. Историческое знаніе, очевидно, не самостоятельно; оно опирается на знаніе предметовъ внѣшняго міра и на процессъ мысли; оно лишь на столько достовѣрно, на сколько восприняты предметы внѣшняго міра и на сколько правиленъ процессъ нашего мышленія.

Переходимъ во вторую область, къ предметамъ внѣшняго міра. Знаемъ ли мы ихъ? Знаемъ ли мы, напримѣръ, *книгу*? Легко и тутъ замѣтить, что мы знаемъ не предметъ, а нѣкоторыя явленія, *нами* воспринимаемыя: очеркъ, свѣтъ и тѣнь, цвѣтъ, температуру, твердость или мягкость, шероховатость или гладкость поверхности и т. п. Весь внѣшній міръ даетъ намъ только рядъ явленій, обнаруживающихся рядомъ впечатлѣній. Вся наука имѣетъ предметомъ только *явленія*. Эти явленія представляются *мнѣ*, какъ одновременно повторяющаяся группа, и *я* составляю изъ нихъ *предметъ*. Эти явленія представляются *мнѣ* группою, повторяющеюся въ своей послѣдовательности, и *я* составляю изъ нихъ *законъ*. Изъ всей совокупности явленій, *мною* воспринимаемыхъ, *я* строю съ разныхъ точекъ зрѣнія *вселенную*, *міръ*, *природу*. Все цѣлое во внѣшнемъ мірѣ принадлежитъ *мнѣ*, моему построенію. Я получаю только отдѣльное, отрывочное.

Самыя явленія я признаю имѣющими самостоятельное *реальное* бытіе лишь на основаніи *моего* обсужденія ихъ. Мое мышленіе придаетъ имъ реальность или отнимаетъ ее у нихъ. Напримѣръ, я получаю впечатлѣніе свѣта. Явленіе *дѣйствительно* произошло, потому что я его воспринялъ; но я повѣряю его. Я закрываю глаза и продолжаю видѣть свѣтъ. Тогда

я *заключаю*, что воспринятое мною свѣтовое явленіе нереально: оно принадлежитъ моему внутреннему міру, или, какъ обыкновенно выражаются, оно *субъективно*. Противорѣчіе *въ мышленіи* заставило меня *отрицать* реальность явленія. Беру то же явленіе. Я вижу свѣтъ. Я убѣждаюсь, что вижу его *внѣ* себя. Но, подходя къ предмету, отъ котораго я получилъ свѣтъ, я встрѣчаю гладкую, холодную поверхность на разстояніи несравненно меньшемъ, чѣмъ долженъ бы встрѣтить свѣтящее тѣло. Я *заключаю*, что это—свѣтъ отраженный. Мышленіе побуждаетъ меня признать реальность явленія, но не такого, какъ я его воспринимаю, а другого, сообразнаго моему процессу мышленія. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мышленіе мое допускаетъ реальность свѣта, исходящаго изъ той самой точки, гдѣ я его воспринимаю.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ я имѣю воспринятое явленіе. Оно принадлежитъ *моему* внутреннему міру. Затѣмъ я имѣю другія явленія, *туда же* принадлежащія и служащія мнѣ для контроля перваго. Далѣе я имѣю процессъ мышленія, сравнивающій эти явленія, опредѣляющій ихъ вѣроятность и достовѣрность, реальность въ разныхъ ея видоизмѣненіяхъ или субъективную дѣйствительность. Этотъ процессъ мышленія весь принадлежитъ моему внутреннему міру. Итакъ, все мое знаніе *внѣшняго* міра сводится на рядъ явленій, происходящихъ въ моемъ *я*. Весь внѣшній міръ является, какъ результатъ умозаключеній, извлеченныхъ изъ процессовъ, во *мнѣ* происходящихъ. На сколько этотъ процессъ правиленъ, на столько лишь я могу *знать* внѣшній міръ. Я заснулъ, задумался, развлекся, потерялъ способность вѣрно судить, и я окруженъ міромъ призраковъ; предметы проходятъ предо мною безъ моего вѣдома; мои представленія предметовъ сбивчивы, уродливы.

И между этими предметами внѣшняго міра, которые мнѣ извѣстны, только какъ соединенныя *мною* группы явленій, находится мое собственное тѣло. Мнѣ могутъ возразить: «нѣтъ, свое тѣло мы сознаемъ прямо; мы его чувствуемъ. Для этого не нужно ни группировки явленій, ни умозаключеній». Возраженіе было бы справедливо, еслибъ все, что мы чувствуемъ на нашемъ тѣлѣ, соотвѣтствовало *всегда* тому, что въ самомъ дѣлѣ есть, и еслибъ мы чувствовали *все*, что происходитъ въ нашемъ тѣлѣ. Но ни то, ни другое не имѣетъ мѣста, что можно бы подтвердить многочисленными примѣрами. Часто инвалидъ *чувствуетъ* боль въ пальцѣ давно сгнившей руки. Въ нашемъ тѣлѣ безпрерывно происходитъ рядъ процессовъ, о которыхъ мы ничего не знаемъ, пока они совершаются нор-

мально. Чтобъ ихъ узнать, мы должны наблюдать ихъ такъ, какъ наблюдаемъ внѣшніе предметы. Еще болѣе. Весьма многія изъ этихъ процессовъ мы изучаемъ помощью разсѣченій чужого тѣла и отъ этого внѣшняго наблюденія дѣлаемъ умозаключеніе о существованіи подобныхъ же процессовъ въ нашемъ тѣлѣ. Все это заставляетъ насъ не исключить и нашего тѣла изъ того, что мы говорили о предметахъ внѣшняго міра. Повторяю: знаніе всего внѣшняго міра и въ немъ нашего тѣла сводится на рядъ явленій, воспринимаемыхъ нашимъ *я*, обсуждаемыхъ нашимъ *я*, и отъ которыхъ наше *я* умозаключаетъ о существованіи внѣшняго міра такъ, какъ мы его познаемъ.

Такимъ образомъ, мм. гг., мы свели знаніе исторіи на знаніе внѣшняго и внутреннихъ процессовъ нашего *я*. Внѣшній міръ свели тоже на внутренній процессъ въ нашемъ *я*. Изъ двухъ полюсовъ желанія, желаемое оказалось непонятнымъ безъ желающаго существа.

Наконецъ, постепенное развертываніе понятій, лежащихъ въ словахъ *желаніе* и *знаніе* поставленнаго нами вопроса, привело насъ неудержимо къ третьему слову того же вопроса, къ изслѣдованію нашего *я*.

Что такое *я*? Кажется, самое простое, самое понятное изъ трехъ словъ, о которыхъ мы говоримъ, и, между тѣмъ, самое трудное для нашего пониманія. Вся исторія, весь внѣшній міръ сведенъ на процессы, происходящіе въ нашемъ *я*; но какъ только мы коснулись этого центра, этого основанія всего остального, онъ расплывается на тѣ самыя начала, которыя мы только-что на него свели.

Исторія и природа оказались представленіями, результатами мышленія нашего *я*; но оно само невыдѣлимо отъ предметовъ, которые имъ представляются, о которыхъ оно мыслитъ. Въ этомъ существѣ, постоянномъ съ перваго взгляда, мы замѣчаемъ неудержимый процессъ преобразованія. Каждое мгновеніе уноситъ что-нибудь изъ моего вчерашняго бытія; каждое мгновеніе готовитъ во мнѣ завтрашняго человѣка. Мое *я* постоянно развивается подъ вліяніемъ исторіи и природы, той самой исторіи и природы, которыя я сознаю только въ моемъ измѣняющемся *я*. Мои желанія, знанія, мысли постоянно мѣняются. Въ своемъ *я* именно нельзя найти ничего постояннаго, и это составляетъ трудность вопроса о немъ.

Различныя ученія предложили нѣсколько противорѣчивыхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Спиритуалисты говорятъ, что *я* есть отдѣльная, самостоятельная *сущность*, противополагае-

мая внѣшнему міру; измѣняются впечатлѣнія, имъ получаемыя отъ внѣшняго міра, но оно остается неизмѣнно. Матеріалисты говорятъ, что *я* есть отвлеченный призракъ, созданный памятью изъ продолжающагося сознанія существованія тѣла; это слово для процесса, а не для *сущности*; это нѣчто аналогическое волнѣ, въ которой все измѣняется и для которой сущность есть нѣчто безформенное — вода. Я не имѣю вовсе намѣренія обсуждать эти рѣшенія; но для насъ важно сходство обоихъ рѣшеній въ одномъ, главномъ пунктѣ. Это особая *сущность*, говорятъ одни; это проявленіе [1]) другой *сущности*, говорятъ другіе. Оба говорятъ о *сущности* явленій, а не о самыхъ явленіяхъ. Вопросъ о нашемъ *я* оказывается вопросомъ о сущности вещей; но мы ограничили науку изслѣдованіемъ явленій; немудрено, что вопросъ о нашемъ *я*, выходящій изъ этой области, для насъ научно неразрѣшимъ.

Съ вопросомъ о сущности нашего *я* связано много другихъ вопросовъ того же рода. Отъ него, какъ видимъ, раздѣленъ вопросъ: какая *истинная* зависимость между нашимъ *я* и внѣшнимъ міромъ? Далѣе: въ этомъ мірѣ, признанномъ нами за *реальный*, вслѣдствіе отсутствія противорѣчій, что *дѣйствительно?* Какая *истинная* зависимость между моею мыслію и бытіемъ? Какая *истинная* зависимость между всѣмъ реальнымъ? Что въ немъ *существенно?* и т. д.

Все это—вопросы, къ которымъ мы были приведены невольно, изучая внимательно значеніе трехъ простыхъ словъ разбираемой нами фразы. Они открыли намъ огромное содержаніе явленій, принадлежащихъ различнымъ отраслямъ науки, и еще далѣе—содержаніе, превосходящее средства науки. Воспринятыя явленія составляли наше *знаніе*. Вопросы о сущности остались внѣ его.

Но въ самой наукѣ мы нашли многое, прибавленное къ знанію. Мы видѣли, что въ знаніи получаются отдѣльныя, разрозненныя явленія. Мы изъ нихъ *строимъ* предметы, *строимъ* законы, *строимъ* отдѣльныя науки, строимъ науку вообще. Тамъ, гдѣ она кончается съ прекращеніемъ познаваемыхъ *явленій*, мы продолжаемъ ставить вопросы о *сущности* вещей и отвѣчаемъ на нихъ болѣе или менѣе рѣшительно.

Какой же это элементъ прибавляется къ знанію, чтобы построить изъ него науку и потомъ охватить еще вопросы, не подлежащіе наукѣ? Это—элементъ *философскій*.

---

[1]) Въ «Отеч. Зап.»—«правленіе»—очевидная опечатка. Ред.

Мы построили всю дѣятельность человѣка, какъ результатъ *одного* начала—желанія. Мы свели все знаніе на знаніе одного начала — нашего внутренняго процесса; мы поставили вопросъ о томъ, что существенно во внѣшнемъ и во внутреннемъ бытіи, то есть, какое *одно* начало всего сущаго. Все это проявленія *философіи въ знаніи.*

Мы произнесли послѣднее слово нашего вопроса и, какъ вы видите, мм. гг., смыслъ этого слова уже заключался во всемъ предыдущемъ. Намъ осталось только дать названіе извѣстному началу. Намъ удобнѣе было вывести значеніе философіи въ знаніи изъ этого вопроса, который мы поставили; но смыслъ получился бы тотъ же самый и изъ всякаго другого. Философія знанія получается, какъ естественное слѣдствіе вниканія въ произносимыя нами слова. Самое это вниканіе, надлежащее пониманіе собственныхъ словъ есть уже проявленіе философіи въ знаніи; мы *должны* философствовать или должны отказаться отъ пониманія самихъ себя; но такъ какъ мы всегда, *хотя нѣсколько*, понимаемъ то, что говоримъ, то *мы всѣ философствуемъ невольно.* Въ построеніи законовъ ученый употребляетъ философское мышленіе и безъ него ученость заключалась бы лишь въ собраніи фактовъ; безъ него наука не могла бы существовать. Философія присутствуетъ въ сближеніи наукъ, въ объясненіи всего сущаго, какъ единаго цѣлаго, въ отысканіи зависимости однихъ явленій и существъ отъ другихъ, въ рѣшеніи вопросовъ о сущности вещей.

На этой высшей точкѣ обработки философіи въ знаніи всѣ мыслимыя нами явленія располагаются, какъ нити около шара, связанныя въ различныхъ мѣстахъ узлами, такъ что, начиная съ одного изъ этихъ узловъ, можно перейти ко всѣмъ нитямъ и къ прочимъ узламъ. Тотъ узелъ, съ котораго мы начинаемъ, представляется намъ основнымъ, первоначальнымъ, *сущностью* всѣхъ прочихъ. Остальные же узлы отступаютъ на второй планъ, дѣлаются для насъ результатами, проявленіями основной сущности.

Различные мыслители въ разное время, по личному своему настроенію, или подъ вліяніемъ современныхъ событій, принимали за исходную точку тотъ или другой изъ этихъ узловъ, начинали съ того или другого явленія, какъ основного, существеннаго, и отсюда вытекаетъ разнообразіе *философскихъ системъ.* Всѣ они имѣли одну и ту же цѣль: построеніе въ единое стройное цѣлое всего мыслимаго человѣкомъ. Всѣ онѣ до тѣхъ поръ могли существовать, пока охва-

тывали *всѣ* факты знанія; всѣ онѣ имѣли свою долю истины, потому что принимали за основаніе одно изъ явленій, имѣющихъ мѣсто въ самомъ дѣлѣ; но онѣ различались перспективою, по которой въ нихъ располагались явленія. Три главныя области человѣческаго знанія могутъ служить къ основному раздѣленію философскихъ системъ.

Такъ весьма многихъ мыслителей поразила наиболѣе зависимость человѣка отъ внѣшняго міра. Они допустили бытіе особой самостоятельной сущности, которая только проявляется въ человѣкѣ, какъ въ прочихъ явленіяхъ внѣшняго міра. Еврей Барухъ Спиноза придалъ этой сущности одновременно протяженіе и сознаніе и основалъ свою пантеистическую систему. Точно также матеріалисты предполагаютъ бытіе общей безсознательной сущности—вещества, которая въ своихъ разнообразныхъ формахъ даетъ какъ всѣ явленія внѣшняго міра, такъ и явленія нашего сознанія. Обѣ эти школы принимали за точку исхода природу, внѣшній міръ, подъ разными названіями, и отъ него переходили ко всему остальному. Ихъ можно назвать *философами природы*.

Великая школа германскихъ идеалистовъ была поражена обратной зависимостью фактовъ нашего знанія отъ процессовъ нашего сознанія. На этой же точкѣ стоялъ отецъ новой философіи Рене Декартъ, начиная свое построеніе словами: *мыслю, слѣдовательно, я есмь*. Человѣческое сознаніе здѣсь сдѣлалось исходнымъ пунктомъ, отъ котораго переходили ко всѣмъ остальнымъ. Но *философовъ сознанія*—если такъ позволительно назвать всѣхъ мыслителей этого направленія—приходится еще подраздѣлить по тѣмъ изъ данныхъ сознанія, которыя были ими приняты за существенныя. Одни, съ Декартомъ, поставили впереди всего сознаніе двойственности міра внѣшняго и внутренняго и получили *двѣ* сущности: духъ и вещество въ ихъ таинственномъ совокупленіи. Другіе поставили выше всего обобщающую мысль, сдѣлали даже изъ нея нѣчто самостоятельное, отдѣльное отъ человѣка, и построили все сущее, какъ процессъ развивающейся безусловной мысли; совершеннѣйшимъ представителемъ этого направленія былъ Гегель. Сюда же можно причислить и тѣхъ, которые выходили изъ сознанія человѣка, какъ единаго нераздѣльнаго цѣлаго, въ своей цѣлости составляющаго центръ всего сущаго, являющагося въ своемъ реальномъ бытіи, какъ продуктъ внѣшняго міра и событій минувшаго, а въ мысли и въ дѣйствіи, какъ источникъ построенія природы и исторіи.

Были, наконецъ, школы, которыя черпали свой исходный пунктъ изъ какого-либо историческаго преданія, принимали его за неоспоримую сущность, и изъ этой сущности строили міръ, человѣка и исторію. Это были *философы преданія*.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ проявлялось стремленіе овладѣть всѣми фактами знанія, какъ частностями одного стройнаго цѣлаго, понять ихъ въ ихъ общей связи, разрѣшая и тѣ вопросы, которые наука должна была оставить въ сторонѣ. Эта *философская* дѣятельность представляется намъ нераздѣльною отъ аксіомы: должно отдавать себѣ отчетъ въ нашей мысли, и потому является *обязательною* для человѣка, какъ дѣятельность сознательная. Мы видѣли, что въ безсознательномъ видѣ она неизбѣжна.

Но должно постоянно имѣть въ виду главныя условія построенія правильной философской системы. Факты знанія должны служить ей основаніемъ. Всякое противорѣчіе между фактомъ и системою влечетъ за собою неизбѣжное осужденіе системы. Она должна обнять всѣ извѣстные факты, или она неполна. Чѣмъ естественнѣе располагаются въ ней факты, чѣмъ проще сближенія, чѣмъ меньше гипотезъ она допускаетъ, тѣмъ она дѣлается вѣроятнѣе, и ея идеалъ, это—группировка фактовъ, которая *сама собою* указываетъ на ихъ построеніе въ одно стройное цѣлое.

Мы сдѣлали очеркъ значенія философіи въ знаніи. Мы видѣли ее въ уясненіи употребляемаго слова, въ группировкѣ фактовъ, въ построеніи науки, въ созданіи системъ. Но намъ представляется вопросъ: какое психологическое начало побуждаетъ насъ къ этой дѣятельности? Знаніе останавливается на фактѣ и довольствуется фактомъ; но группировка, построеніе принадлежатъ другому элементу. Этотъ элементъ въ знаніи явился философіей, но онъ можетъ имѣть еще и другія проявленія, внѣ знанія. Этотъ элементъ, какъ психологическій, можетъ имѣть свою область дѣятельности, только частью захватывающую область знанія. Онъ можетъ быть, поэтому, предметомъ особаго изслѣдованія, и въ его области слово *философія* можетъ измѣнить свое значеніе.

Психологическое начало, которое въ области знанія приводило къ философіи, есть *творчество*. Оно строитъ науку изъ фактовъ знанія и охватываетъ науки философскою системою. Но его проявленія несравненно обширнѣе, и мы должны обратиться къ обзору его области. Въ ней философія проявляется уже иначе, чѣмъ въ знаніи, и разсмотрѣніе значенія философіи въ творчествѣ составитъ предметъ нашей слѣдующей бесѣды.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

Что такое философія въ творчествѣ?

Обзоръ предыдущей бесѣды.—Область творчества.—Начальныя его проявленія.—Анализъ знанія.—Анализъ творчества.—Искусство.—Значеніе формы.—Патетическое дѣйствіе.—Сила художественныхъ идеаловъ.—Миѳическіе идеалы.—Одинъ.—Научное построеніе.—Развитіе религіозныхъ миѳовъ.—Метафизическіе миѳы.—Преобразованіе формъ.—Рутина.—Критика.—Философія въ творчествѣ.—Борьба съ идолами.—Переходъ къ процессу жизни.

Мм. Гг.

Въ предыдущей бесѣдѣ мы разбирали философскій элементъ знанія, строющагося въ науку. Мы открыли его въ приданіи отдѣльнымъ свѣдѣніямъ единства, разрозненнымъ замѣчаніямъ—стройности, фактамъ знанія—формы науки. Наконецъ, мы видѣли, что изъ отдѣльныхъ наукъ, обнимающихъ явленія, философія переходитъ и въ область вопросовъ о сущности вещей, и все это обстраиваетъ въ одно зданіе философской системы. Эту философскую дѣятельность въ наукѣ мы отнесли къ творчеству, и теперь самое творчество беремъ предметомъ нашего изслѣдованія, будемъ наблюдать его проявленія, всмотримся въ его процессъ и откроемъ въ немъ то, что мы имѣемъ право назвать *философскимъ элементомъ творчества.*

Самое простое примѣненіе слова *творчество* представляется намъ въ искусствѣ и соотвѣтствуетъ тому, что называютъ *фантазіею* художника. Здѣсь никто не споритъ о томъ, что слово творчество можетъ быть примѣнено.

Но мы скоро замѣчаемъ много явленій однородныхъ предыдущему, отличающихся лишь оттѣнками отъ перваго безспорнаго факта. Народная поэзія стоитъ не ниже, если во многихъ случаяхъ не выше произведеній личной фантазіи художника. Но въ народной поэзіи нераздѣльно участвуетъ безсознательный элементъ религіозныхъ вѣрованій, миѳологическихъ образовъ. Всѣ миѳологіи представляются намъ, какъ формы народной безсознательной поэзіи. Можно ли же въ миѳологіяхъ отрицать *творческую* дѣятельность? Но гдѣ начало миѳологій? Разверните трудъ современныхъ ученыхъ по этому предмету, напримѣръ, замѣчательный трудъ г. Бу-

слаева [1]), и вы убѣдитесь, что почти каждый оборотъ народной рѣчи скрываетъ въ себѣ эпическое, миѳологическое представленіе. *Слово* есть первое воплощеніе миѳологіи, оно есть и первое поэтическое произведеніе народовъ; *языкъ есть первый результатъ творчества.*

Но я, можетъ быть, выразился нѣсколько неосторожно. *Слово* есть не единственная форма для воплощенія нашего духовнаго процесса. Литература есть не единственное искусство. Сознательному пластическому творчеству предшествовало символическое обозначеніе предмета и въ исторіи этихъ символическихъ изображеній живописныя хроники мехиканцевъ (если они достовѣрны), египетскіе іероглифы, различныя азбуки, до короткихъ и длинныхъ чертточекъ китайскаго И—гиня, составляютъ рядъ памятниковъ человѣческаго, пластическаго творчества, древность котораго во всякомъ случаѣ немногимъ уступаетъ древности перваго слова.

Впрочемъ, если тутъ мнѣ приходится остановиться на *едва ли*, то мы имѣемъ еще проявленіе творчества, въ которомъ никто не станетъ оспаривать одинаковой древности съ произведеніями слова, если нѣкоторымъ не покажется, что слово уступаетъ тому проявленію, о которомъ я хочу теперь сказать. Въ самомъ сложномъ изъ современныхъ искусствъ, въ драматическомъ, на-ряду съ словомъ *движеніе* является формою творчества и ставитъ Мартынова, Гаррика, Тальму, наравнѣ съ великими дѣятелями всѣхъ остальныхъ отраслей искусства. Въ древней пантомимѣ мы находимъ частное искусство, основанное на одномъ творчествѣ тѣлодвиженій и лишенное, подъ маскою древняго актера, даже игры физіономіи. Но это искусство тѣлодвиженій и мимики, сознательное въ актерѣ, принадлежитъ человѣку всегда и вездѣ; и въ необразованномъ человѣкѣ оно проявляется болѣе разнообразно съ болѣе неудержимою силою, чѣмъ въ обществѣ, связанномъ условными приличіями. Къ указаннымъ формамъ простѣйшаго творчества прибавимъ еще *звукъ голоса*, придающій слову его патетическую силу, способный въ крикъ воплотить духовное состояніе человѣка, даже безъ слова. Въ глубокой древности онъ является животнымъ предшественникомъ человѣческаго слова, впослѣдствіи могущественнымъ орудіемъ оратора и, наконецъ въ своемъ самостоятельномъ,

[1]) Сочиненіе Ѳ. И. Буслаева «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Спб., 1861. Р е д.

вполнѣ сознательномъ развитіи, чаруетъ насъ въ музыкальныхъ произведеніяхъ

Такимъ образомъ, слово и знакъ, еще древнѣе движеніе и звукъ голоса составляютъ первыя проявленія человѣческаго творчества въ существахъ, потомству которыхъ было суждено овладѣть міромъ силою своей мысли.

Движеніе и звукъ голоса, слово и знакъ связаны исторически съ безспорнымъ творчествомъ искусства и сближаются съ нимъ едва замѣтными оттѣнками; поэтому мы въ правѣ видѣть повсюду здѣсь одно и то же начало человѣческой дѣятельности; назовемъ его творчествомъ, относя къ творчеству художника болѣе опредѣленное слово *фантазія*. Въ указанныхъ простѣйшихъ проявленіяхъ намъ легче разобрать значеніе творчества, усложняющагося впослѣдствіи. Когда физикъ изслѣдуетъ законы тяжести, то онъ обращается къ явленіямъ, гдѣ она проявляется въ самой простой формѣ, къ паденію тѣлъ въ безвоздушномъ пространствѣ. При движеніи тяжелаго тѣла въ воздухѣ, когда мы бросимъ его подъ угломъ, проявляется то же вліяніе тяжести, но явленіе, по своей сложности, дѣлается весьма неудобнымъ для изслѣдованія каждаго изъ условій, въ него входящихъ. Возьмемъ же эти явленія творчества, посмотримъ, какъ они совершаются и откроемъ въ нихъ особенность творческаго процесса въ человѣкѣ, въ отличіе отъ процесса знанія, составляющаго предметъ нашей послѣдней бесѣды.

Я иду по дорогѣ и встрѣчаю внезапно бѣшеную собаку. Я испугался, перемѣнился въ лицѣ и вскрикнулъ; потомъ, когда прошла опасность, и меня спрашиваютъ о причинѣ моего испуга, говорю: «собака»... и даже могу написать рядомъ нѣсколько знаковъ, взглянувъ на которые, какъ я, такъ и всякій изъ насъ, мм. гг., немедленно вызываетъ въ своей памяти представленіе собаки. Здѣсь произошли оба процесса: *знаніе* и *творчество;* сравнимъ ихъ.

Я воспринялъ рядъ внѣшнихъ явленій отъ реальнаго внѣшняго предмета. Изъ этихъ явленій, за отсутствіемъ въ нихъ противорѣчія, я убѣдился, что предо мною, въ самомъ дѣлѣ, реальный предметъ. Я *узналъ* его; онъ изъ реальнаго предмета сдѣлался достояніемъ моей мысли; перешелъ процессомъ познанія изъ вещи, существующей независимо отъ меня, въ *мое* представленіе, *мое* понятіе. Изъ собаки, бѣгущей и способной укусить, познаніе извлекло лишь группу признаковъ этой собаки. *Узнанная* мною собака, оставшаяся въ моей памяти, въ моемъ воображеніи, лишена реальнаго

бытія. *Предметъ, переходя чрезъ процессъ моего познанія, потерялъ свою реальность.*

Но еще болѣе: какъ ни внимательно я посмотрѣлъ на собаку, но на меня подѣйствовали только нѣкоторыя частности ея. Я многаго не замѣтилъ, и не потому только, что испугался, но просто потому, что нѣтъ возможности воспринять изъ предмета все, что въ немъ заключается. Итакъ, узнанная собака есть болѣе отвлеченная, чѣмъ та, которая дѣйствительно существуетъ. Она потеряла не только реальность, но и полноту, живость, цѣльность своихъ признаковъ.

Я узналъ еще другое: я созналъ чувство страха при видѣ собаки. Это сознаніе страха, мысль «я испугался», хотя чрезъ самый малый промежутокъ, но слѣдовала за самымъ процессомъ испуга. Когда же я подумалъ; «я испугался», то я былъ въ состояніи отвлечь свое вниманіе отъ самаго процесса испуга; я могъ представить себѣ испугъ, какъ прошедшій, какъ нѣчто внѣшнее, составляющее для моей мысли предметъ изученія. Сознавая свой испугъ, я былъ уже относительно спокойнѣе. Сознанный, узнанный испугъ потерялъ для меня свое потрясающее дѣйствіе. Сознанный испугъ есть уже только *представленіе* испуга, и это представленіе лишено одного изъ элементовъ своего первоначальнаго процесса. И въ этомъ случаѣ мы видимъ, что *сознаніе, обдумываніе, мышленіе лишаетъ то, что мы узнаемъ, части его бытія*, переводя его въ нашу мысль, дѣлая его достояніемъ нашей мысли. И точно также сознанный нами испугъ *отвлеченнье* испуга, въ насъ совершившагося. Мы въ мысли даже чрезъ самый короткій промежутокъ времени не въ состояніи повторить всю особенность испуга, именно такъ, какъ мы его претерпѣли.

Посмотримъ теперь на противоположный процессъ *творчества*, во мнѣ совершившійся. Я вскрикнулъ и измѣнился въ лицѣ. Приэтомъ общее чувство испуга, не имѣющее формы, доступное лишь мнѣ въ глубинѣ моего сознанія, получило форму, сдѣлалось доступно внѣшнему наблюденію, перешло въ міръ реальный. Выразившись въ опредѣленной формѣ, это чувство, въ своемъ проявленіи, пріобрѣло особенность, отдѣльность. Другой испугъ, или испугъ другого человѣка, выразится нѣсколько другою игрою физіономіи, другимъ крикомъ. Испугъ, не облеченный въ движеніе и крикъ, остается внѣ всякаго реальнаго бытія. Создавъ выраженіе: крикъ и движеніе, я прибавилъ реальный признакъ къ моему состоянію духа. Давъ ему форму, я обособилъ его.

Если вы, мм. гг., позволите такъ выразиться, *творчество прибавило бытія* состоянію духа, облекая его формою.

Несравненно менѣе творческой дѣятельности въ пріисканіи слова и знаковъ, соотвѣтствующихъ представленію о собакѣ, мною составленному; это потому, что мы выучиваемъ слова и знаки, какъ нѣчто условное, и повторяемъ механически-выученное. Но перенеситесь въ эпоху первобытныхъ народовъ, когда среди полузвѣрей, выражающихъ завываніемъ и движеніемъ свои чувства, явились немногіе способные обособить приличными тому звуками представленіе отдѣльнаго предмета. Припомните ребенка, создающаго названіе для того, что онъ воспринялъ изъ внѣшняго міра. Наконецъ, припомните писателя, создающаго новый терминъ, новый оборотъ рѣчи, воплощающій, по его мнѣнію, съ наибольшею ясностью и полнотою его мысль. Не увидите ли вы и здѣсь прибавленія бытія въ предметѣ? Къ характеристическимъ признакамъ группъ, изъ которыхъ у насъ въ воображеніи составляется представленіе предмета, прибавился еще признакъ: это—*названіе, слово*. Для того, кто его создалъ, оно есть характеристическій признакъ, нераздѣльный отъ бытія предмета, но дополняющій это бытіе, потому что даетъ ему звуковую форму.

Можетъ быть, я утомилъ васъ, мм. гг., останавливаясь слишкомъ долго на этомъ разборѣ, но онъ существенъ и необходимъ; безъ него различіе между знаніемъ и творчествомъ есть различіе неосмысленное, и этотъ разборъ потому нѣсколько затруднителенъ, что онъ относится къ *наукѣ*, именно въ психологіи. Всякое знаніе требуетъ строгаго вниманія, чтобы быть точнымъ и опредѣленнымъ. Но зато, я полагаю, что предыдущій разборъ далъ намъ опредѣленный результатъ. *Знаніе уменьшаетъ бытіе предмета*, уменьшаетъ число признаковъ въ томъ, что узнается, переходитъ отъ реальнаго къ отвлеченному, отъ формы единичнаго предмета къ существеннымъ признакамъ представленія предмета, *творчество увеличиваетъ бытіе того, на что оно обращено*: оно прибавляетъ реальный признакъ къ представленію въ насъ существующему, къ состоянію духа, которымъ мы проникнуты; оно вводитъ въ міръ реальный то, что принадлежало только нашему внутреннему міру; оно даетъ единичное обособляющее бытіе тому, что было обще; *оно облекаетъ все*, проходящее чрезъ наше сознаніе, *въ формы*.

Творчество есть процессъ образованія формъ. Форма является его существенною принадлежностью. Тамъ, гдѣ

наша мысль, чувство, рѣшимость находятъ себѣ форму, тамъ присутствуетъ творчество.

Мы открыли особенности этого процесса въ простѣйшихъ явленіяхъ творчества. Повѣримъ ихъ въ болѣе сложномъ случаѣ, гдѣ мы признаемъ творчество неоспоримымъ, — въ искусствѣ, въ фантазіи художника.

Многіе отвергаютъ теорію искусствъ, отожествляя ее съ ихъ исторіею. Эстетика, какъ особенная наука, не имѣетъ для многихъ смысла. «Что нравится одному, то не нравится другому»,—говорятъ они. Имъ можно возразить, что самыя ощутительныя истины науки не всегда схватываются необразованными умами. Надо развить въ себѣ мышленіе, чтобы отличить вѣроятнѣйшее отъ наименѣе вѣроятнаго, чтобы наши желанія и предразсудки не имѣли вліянія на наши сужденія о предметахъ. Это еще въ большей мѣрѣ относится къ прекрасному. Развейте въ себѣ вкусъ, пониманіе красоты, устраните личныя расположенія и непріязни, жизненныя цѣли, разсчеты и стремленія: вѣроятно, ваши сужденія о красотѣ не будутъ такъ различны, какъ теперь. Впрочемъ, я не имѣю ни времени, ни желанія вдаваться здѣсь въ разборъ теоріи прекраснаго. Впечатлѣнія прекраснаго *существуютъ*. Сравните ихъ, разберите ихъ, выдѣлите то, что къ нимъ примѣшивается изъ другихъ областей, — и *факты*, вами полученные, будутъ *фактами эстетики*.

Не вдаваясь въ полемику можно, кажется, принять, что стройная форма и патетическое дѣйствіе художественнаго произведенія суть два элемента, въ которыхъ проявляется его достоинство. Какъ ни священны намъ изображенія, начертанныя живописцемъ, но если ихъ форма уродлива, то искусство ихъ не признаетъ. Какъ ни благородны, какъ ни современны мысли, высказанныя стихотворцемъ, но если онъ пишетъ деревянными стихами, если онъ не уловилъ стройной формы, онъ никогда поэтомъ не будетъ. Объ этихъ стихотворцахъ, сильныхъ въ *жизненныхъ* вопросахъ, но слабыхъ въ формѣ, можно повторить слова Буало: «это такой прекрасный человѣкъ; зачѣмъ онъ не пишетъ прозою?» Чтобы убѣдиться, что форма есть существенное, необходимое условіе наслажденія искусствомъ, кажется, довольно противопоставить произведеніе, облеченное въ прекрасную форму, но чуждое всѣмъ жизненнымъ, затрогивающимъ вопросамъ, другому, которое проникнуто живою мыслію, но отличается пренебреженіемъ формы. Разница бросается въ глаза даже въ поэзіи, гдѣ споры о формѣ и содержаніи бываютъ самые упорные. Я попробую

для этого взять примѣры, выбирая, конечно, съ одной стороны, произведенія, слабыя формою, съ другой, произведенія, чуждыя совершенно всякому *живому* вопросу.

Противопоставимъ сначала два отрывка:

Ей-богу, удивительно!
Ужъ я ль не умилительно
Стараюся писать?
Но злой судьбы велѣніемъ
Моимъ всѣмъ пѣснопѣніямъ
Нѣтъ пропуска въ печать.
Что жъ это за оказія,
Вѣдь, кажется, фантазіи
Я воли не даю,
А такъ лишь обыденныя
Продѣлочки казенныя
Тишкомъ себѣ пою:
Китайцамъ въ поученіе,
Начальству въ угожденіе,
Въ потѣху для себя и т. д.

Перейдемъ въ другую область:

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой:
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать:
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Твои уста оторвала... и т. д.

Конечно, мнѣ могутъ возразить, что я взялъ двухъ писателей, разстояніе между которыми слишкомъ неизмѣримо. Беру два другіе примѣра двухъ талантовъ, которые, по общему мнѣнію, не такъ уже далеко отстоятъ одинъ отъ другого. Опять выбираю нарочно изъ одного произведеніе, гдѣ онъ пренебрегъ формою, изъ другого стихотвореніе, безъ всякой претензіи на жизненный вопросъ.

Отрадно видѣть, что находитъ
Порой хандра и на глупца,
Что иногда въ морщины сводитъ
Черты и пошлаго лица
Бѣсъ благородный скуки тайной,
И на искривленныхъ губахъ
Какой-то думы чрезвычайной
Печать ложится; что въ сердцахъ

И тѣхъ, чьихъ дѣлъ позорныхъ повѣсть
Пройдетъ лишь въ позднихъ племенахъ,
Не все же спитъ мертвецки совѣсть,
И, чуждый насъ, не дремлетъ страхъ . . .
. . . . . .
Что лопнуть можешь ты, обжора!
Что ты—великій человѣкъ,
Чьего презрительнаго взора
Не выносилъ никто во вѣкъ,
Ты, лобъ, какъ говорится, мѣдный,
Къ кому всѣ завистью полны,
Дрожишь, какъ листъ на вѣткѣ бѣдной,
Подъ башмакомъ своей жены.

Обращаюсь къ стихотворенію второго рода.

Тимпанъ и звуки флейтъ, и пляски вакханалій
Молчанье дальнихъ горъ и рощей потрясали.
Движеньемъ утомленъ, я скрылся въ мракъ деревъ;
А тамъ, раскинувшись на мягкій бархатъ мховъ,
У грота темнаго, вакханка молодая
Покоилась, къ рукѣ склонясь, полунагая.
По жаркому лицу, по мраморной груди
Лучъ солнца, тѣнь листовъ скользили, трепетали;
Съ аканфомъ и плющемъ власы ея спадали
На кожу тигрову, какъ рѣзвыя струи;
Тамъ тирсъ изломанный, тамъ чаша золотая...
Какъ дышетъ виноградъ на персяхъ у нея!
Какъ алыя уста, улыбкою играя,
Лепечутъ, полныя томленья и огня!
Какъ тихо все вокругъ! лишь слышно изъ-за дали
Тимпанъ и звуки флейтъ, и пѣсни вакханалій...

Мнѣ кажется, довольно поставить эти произведенія рядомъ, чтобы сказать: мы наслаждаемся *художественно*, *эстетически* только послѣдними. Но, можетъ быть, найдутся люди, которые скажутъ: нѣтъ; намъ сочиненія перваго рода больше нравятся: въ нихъ больше мысли. Я спорить не стану, но прибавлю, что есть люди, которые охотнѣе лѣчатся у знахаря, чѣмъ у доктора, скорѣе вѣрятъ во вращеніе столовъ, чѣмъ въ то, что можно узнать вѣсъ планеть; есть даже люди, которые искренно находятъ патріархальныя отношенія нравственнѣе юридическихъ. Тѣмъ и другимъ можно сказать одно: будемте учиться, будемте развивать въ себѣ ту способность, помощью которой возможно судить о явленіи, насколько оно вѣроятно, нравственно или прекрасно; а потомъ посмотримъ, кто съ кѣмъ согласится. Притомъ замѣтимъ еще, что споры о значеніи формы, безпрестанно возобновляясь въ области

поэзіи, не имѣютъ вовсе мѣста въ пластическихъ искусствахъ, если не считать эстетическими судьями и тѣхъ, которые предпочитаютъ каррикатуру Кладдерадача головкѣ Греза.

Споры умолкаютъ большею частью и въ произведеніяхъ слова, когда мы перейдемъ къ высшей ступени художественнаго творчества—къ созданію *идеаловъ*. Когда дѣло доходитъ до личностей, въ которыхъ воплощается мысль художника, то всѣ сколько-нибудь образованные цѣнители приступаютъ къ нимъ съ однимъ требованіемъ: *онѣ должны жить*, то есть, переводя это на болѣе сухую, но зато болѣе точную формулу, гдѣ онѣ должны заключать въ себѣ всѣ существенные признаки реальныхъ личностей и не заключать признаковъ противорѣчивыхъ. Онѣ должны быть *стройны* во всѣхъ своихъ проявленіяхъ: *стройность* есть ихъ существенное и отличительное свойство. Самыя рѣзкія воплощенія современныхъ недостатковъ или желаемыхъ добродѣтелей, если въ нихъ нѣтъ стройности, не находятъ себѣ оправданія въ глазахъ критиковъ.

Повторяю: *стройная форма есть существенное и необходимое условіе художественнаго творчества.* Она рисуется въ фантазіи художника, требуя неумолимо себѣ воплощенія; она есть *единственная цѣль* художника, если онъ въ самомъ дѣлѣ художникъ.

Но форма не есть *единственное* условіе художественнаго творчества. Если бы оно было такъ, то пластическія искусства перешли-бы къ геометріи, музыка ограничилась бы ученіемъ о гармоніи, и Гогартъ, говорившій о линіи наибольшей красоты, наибольшей прелести, указалъ бы единственно вѣрный путь къ искусству. Но оно не такъ. Самая изящная геометрическая фигура, самое гармоническое сочетаніе звуковъ еще не *прекрасны;* они только *стройны;* они могутъ быть сами по себѣ цѣлью художника, могутъ удовлетворятъ его, какъ художника, могутъ быть оцѣнены равными ему художниками, какъ вполнѣ удовлетворительные; они, какъ этюды, могутъ быть превосходными образцами для учениковъ—*и только.*

Въ нихъ не достаетъ *патетическаго* начала, которое одно, выливаясь въ *стройную* форму, дѣлаетъ ее *прекрасною.* Что такое мелодія? что такое лирическій порывъ? что такое драматизмъ? Это есть потрясающее *человѣческое* начало, выходящее изъ личности художника и передающееся помощью его произведенія массѣ зрителей и слушателей. Художникъ преслѣдуетъ форму—и *только* форму; но онъ—человѣкъ: онъ знаетъ, вѣритъ, чувствуетъ, желаетъ; его внутренній міръ

невольно и безсознательно соприсутствуетъ при его процессѣ творчества; и его стройная форма одушевляется его внутреннею жизнію. Эта форма есть не безличный результатъ безсознательной природы; она есть сознательное произведеніе художника-человѣка. Она потрясаетъ массу его братій-людей, на столько, на сколько въ ней есть *человѣческаго*, и ея стройность запечатлѣваетъ ее въ воображеніи поколѣній, сообщаетъ ей неизгладимое существованіе среди общества, дѣлаетъ ее двигателемъ этого общества, чего она никогда не достигла бы, оставаясь только патетическимъ выраженіемъ. Антигона, леди Макбетъ, Гретхенъ, Одиссей, Гамлетъ, Пименъ живутъ среди насъ, преслѣдуютъ насъ постоянно, входя въ нашу жизнь, дѣлаясь болѣе дѣйствительными, чѣмъ многіе изъ нашихъ знакомыхъ, которыхъ мы помнимъ лишь тогда, когда они составляютъ реальный предметъ нашего наблюденія.

Прошлой зимой [1]) шли въ обществѣ безконечные и упорные споры о «Наканунѣ» нашего даровитаго повѣствователя. Около насъ безпрестанно повторяются жизненныя событія, которыя могли бы вызвать столь же рѣзкую разницу въ оцѣнкѣ, какъ и отношенія Елены къ Инсарову; между тѣмъ, общество останавливается на нихъ недолго; споры скоро прекращаются и начало снисхожденія или равнодушія несравненно удобнѣе принимается мыслью слушателей въ разсматриваемомъ случаѣ, чѣмъ въ литературномъ спорѣ. Отчего это? Очень просто. Герои и героини разныхъ исторій, въ самомъ дѣлѣ совершающихся, очень скоро старѣются и сходятъ со сцены. Мы знаемъ, что нѣтъ событія въ собственной жизни, на которое лѣтъ черезъ десять не взглянетъ человѣкъ «съ другой стороны горизонта», по выраженію Гюго. Нѣтъ преступленія, котораго нельзя было бы *зажить*, нѣтъ врага, съ которымъ бы нельзя было черезъ нѣсколько лѣтъ примириться, если самолюбіе наше этому не мѣшаетъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ и мы будемъ другіе, и тѣ, о которыхъ идетъ дѣло, подъ тѣми же именами, подъ схожею формою, но будутъ болѣе или менѣе *другіе* люди. Это неизбѣжное увлеченіе всѣхъ событій нашей жизни въ невозвратимое прошедшее дѣлаетъ насъ снисходительными или равнодушными ко всему, совершающемуся въ жизни, конечно, если нашъ интересъ не затронутъ. Но другое дѣло—вѣчно-живые образы искусства; они не умираютъ, не старѣются, не измѣняются; они переживутъ насъ и дѣтей нашихъ, передъ глазами вашей внучки воз-

[1]) Писано въ 1859 г., «Наканунѣ» было напечатано въ 1858 г. Ред.

станетъ образъ Елены съ ея неувядающей юностью и пойдетъ она въ часовню ждать Инсарова, и забьется сильнѣе очарованное сердце молодой читательницы на зло всѣмъ пуританамъ и пуританкамъ ложной нравственности. Эта стройная живучесть художественныхъ идеаловъ, это повтореніе все той же незабвенной исторіи ихъ заставляетъ насъ съ ожесточеніемъ спорить *за* эти идеалы или *противъ* нихъ. Мы споримъ здѣсь о безсмертныхъ личностяхъ.

Итакъ, въ этихъ идеалахъ свободнаго искусства, въ этихъ высшихъ результатахъ творчества чистое искусство требуетъ одной формы, но неудержимая сила жизни, чрезъ посредство личности, создающей формы, вноситъ въ нихъ содержаніе и потрясаетъ массы помощью этого содержанія. Мы до сихъ поръ говорили о творчествѣ сознательномъ и свободномъ, но намъ стоитъ сдѣлать два шага, чтобы перейти въ другую область, тѣсно соприкасающуюся съ первой. Эта область, съ одной стороны, стѣсняетъ мало по малу свободу художника, предписывая ему *свои* идеалы, а съ другой, она сливается, какъ мы уже говорили, съ первоначальнымъ безсознательнымъ творчествомъ и потому носитъ на всемъ своемъ протяженіи слѣды неполнаго сознанія. Вы, мм. гг., уже догадались, что я говорю объ области миѳологіи, о томъ пестромъ царствѣ, гдѣ произошли первыя метафоры народнаго языка, повѣрья и предразсудки, наполняющіе жизнь простонародья, и отъ которыхъ мы далеко еще не избавились вполнѣ,—о царствѣ, гдѣ живутъ сѣрый волкъ и баба-яга, гномы и феи, которые такъ знакомы дѣтямъ, наконецъ, о царствѣ, гдѣ высится ареопагъ образовъ, предъ которыми падали ницъ народы,—о царствѣ Зевеса, Аримана, Тора, у алтаря которыхъ молилось человѣчество своему желанію справедливости, своей страсти къ красотѣ, своей жаждѣ истины, своему страху неизвѣстнаго будущаго. Эти миѳологическіе гиганты, воплощеніе исторіи человѣчества, такъ близко подходятъ къ свободнымъ идеаламъ искусства, что, трудно сказать, принадлежатъ ли Аѳина Фидія и Мадонны Рафаэля болѣе къ области религіознаго творчества, чѣмъ къ независимымъ идеаламъ художника; но, восходя къ ихъ источникамъ, къ ихъ постепенному развитію въ мысли человѣчества, мы замѣтимъ, какъ эти цѣльные образы стушевываются, теряютъ свою личность, разлагаются на отдѣльныя отвлеченныя черты и, наконецъ, обращаются въ рядъ вопросовъ практической жизни или точной науки.

Возьмемъ, для примѣра, три черты изъ образа главы Асовъ, Одина.—На концѣ неба стоитъ серебряная зала; въ

ней сидитъ на высокомъ тронѣ отецъ вселенной, Одинъ, съ своей супругой Фриггой, и какъ лишь онъ сядетъ на этотъ тронъ, то видитъ все, что дѣлается въ мірѣ, знаетъ все сущее.—Въ небесной высотѣ стоитъ замокъ Асовъ, полный дворцовъ; въ главномъ изъ нихъ, имя котораго есть «міръ радости», въ залѣ съ 540 дверями, пируютъ «единственные» воины въ кругу Асовъ, кушаютъ мясо неистощимаго кабана, медъ, подносимый Валькиріями, а около залы вѣчно шумитъ потокъ, гдѣ копья замѣняютъ рыбъ. На высокомъ тронѣ сидитъ Одинъ, смотря на пирующихъ, кормитъ двухъ волковъ мясомъ, которое ему подаютъ, и пьетъ только вино. На его плечахъ сидятъ два ворона, которые приносятъ ему вѣсти изъ міра.—Но отецъ вселенной, предводитель храбрыхъ, Одинъ, есть въ то же время, источникъ мудрости и поэзіи. Драгоцѣнный медъ въ трехъ бочкахъ заключаетъ ее въ себѣ; его спряталъ гигантъ въ каменную гору и на стражу помѣстилъ надъ нимъ свою прекрасную дочь. Одинъ поступилъ въ услуженіе къ брату гиганта, научилъ его просверлить гору буравомъ, въ видѣ червя проскользнулъ внутрь ея, и въ своей неподражаемой красотѣ предсталъ предъ заключенною въ горѣ дочерью гиганта. Она обняла его своими бѣлыми руками и три дня соединяла ихъ взаимная страсть. Наконецъ, красавица-гигантша дозволила своему любовнику выпить три глотка драгоцѣннаго меда, и онъ выпилъ въ три глотка всѣ три бочки, въ видѣ орла улетѣлъ въ жилище Асовъ и передалъ этотъ медъ мудрецамъ и поэтамъ міра.

Съ перваго взгляда это—сказка—и только. Скоро мы въ этой сказкѣ видимъ идеалъ *знанія* человѣческаго, обращающагося во *всезнаніе* отца вселенной, идеалъ воинственныхъ викинговъ сѣвера, высокое понятіе о мудрости и поэзіи, источникъ которыхъ человѣкъ помѣстилъ внѣ міра, въ религіозныя сферы. Наконецъ, поэзія является здѣсь—какъ результатъ страстнаго вдохновенія и механическаго труда слуги. Жизненный вопросъ, въ чемъ состоитъ достоинство человѣка, находитъ здѣсь себѣ отвѣтъ въ формѣ религіознаго идеала. Мудрость, храбрость и поэтическій даръ—слѣдствіе любви и труда, совокупляются въ высокой формѣ Одина.

Но анализъ миѳологовъ пошелъ далѣе. Одинъ выросъ изъ обще-германскаго Водана, одно изъ преобразованій котораго составляетъ проклятый охотникъ, вѣчно-носящійся по ночамъ со стаями собакъ и съ гурьбою товарищей надъ вершинами Гарца. Въ Одинѣ, смотрящемъ на міръ, изслѣдователь узнаетъ солнце. Одинъ несется съ викингами въ шумѣ бури. Гора,

хранящая медъ, это—облако, пробуравливаемое молніею и хранящее въ себѣ дождь. Вихрь, который гонитъ тучи, это—Воданъ, или проклятый охотникъ съ его вѣчнымъ гиканьемъ. Ликъ Одина распыливается въ солнце, облако, вихрь, бурю, дождь... Что жъ это? придуманныя аллегоріи? предшественники тѣхъ холодныхъ притчъ, которыми угощаютъ насъ современные авторы поучительныхъ разсказовъ? Нѣтъ, ничего придуманнаго не было въ народныхъ религіяхъ. Это была *первая наука.*

Да, вопросы науки такъ же древни, какъ человѣческая мысль. Метеорологическія и астрономическія явленія, явленія растительнаго и животнаго міра, нравственные вопросы о человѣческомъ достоинствѣ предстали предъ человѣкомъ, какъ только онъ выработался изъ животнаго. Почему? откуда? какъ это все совершается?—это спрашивали наши праотцы, какъ спрашиваютъ едва лепечущія дѣти, какъ спрашиваютъ себя ученые въ своихъ неутомимыхъ разысканіяхъ. Шагъ за шагомъ подвигается знаніе фактовъ; но много надо накопившагося знанія, чтобы отличить случайное предположеніе отъ вѣроятнаго, обдуманнаго и, наконецъ, отъ результата, къ которому неудержимо приводитъ сближеніе большого числа фактовъ. Въ безвѣстной личности, которая впервые создала какую-либо подробность древняго миѳа, и въ ученомъ, проповѣдующемъ о сохраненіи силъ въ природѣ, дѣйствуетъ одно и то же побужденіе: стремленіе самымъ удовлетворительнымъ образомъ отвѣтить на вопросы науки и жизни. И дѣятельность, удовлетворяющая этому стремленію, въ обоихъ одна и та же—научное творчество.

Творчество рождаетъ формы, единство въ разнообразіи, цѣлость изъ раздѣльности. При значительномъ числѣ фактовъ, оно, во-первыхъ, изъ тожественныхъ фактовъ создаетъ *общій фактъ*, затѣмъ, изъ однородныхъ фактовъ создаетъ *законъ*, близкіе факты связываетъ *гипотезою*. Группы фактовъ, совокупленныхъ въ законы и сближенныхъ гипотезами, оно подчиняетъ опредѣленной зависимости, послѣдовательности, по простотѣ и сложности явленій и гипотезъ. Это все составляетъ систематическое цѣлое—*науку*. Наконецъ, науки точно также группируются въ одно энциклопедическое цѣлое помощью *систематики наукъ*. Это простѣйшее и самое правомѣрное проявленіе творчества въ наукѣ—*научное построеніе*.

Точно такъ же поступали создатели миѳологіи. У нихъ свѣдѣній было мало, и эти свѣдѣнія, почерпнутыя изъ самыхъ разнообразныхъ областей знанія, не были раздѣлены между

собою. Заключенія дѣлались отъ одной области знанія къ другой. Древній грекъ или скандинавъ не различалъ между метеорологическими и астрономическими явленіями; онъ сознавалъ, что онъ, какъ человѣкъ, можетъ двигаться, ставить себѣ цѣли — и движется, дѣйствуетъ сообразно этимъ цѣлямъ. Онъ переносилъ понятіе о цѣли, о человѣческихъ желаніяхъ, побужденіяхъ внѣ себя—въ природу. Облака, лѣса, волны сердились и радовались, боялись и угрожали, просили и отвѣчали. Человѣкъ чувствовалъ, что его знанія весьма ограничены, что ему трудно защититься отъ тысячи опасностей, пріобрѣсти себѣ желаемое благо; явилось предположеніе, что предметы природы знаютъ и могутъ болѣе его. Все сдѣлалось оракуломъ, отвѣчающимъ на вопросы, дающимъ знаменіе, сдѣлалось амулетомъ, сохраняющимъ отъ бѣдствій и приносящимъ желаемыя блага. Симпатическое леченіе, вѣра въ предзнаменованіе и предчувствіе дѣлаетъ и теперь весьма многихъ изъ насъ современниками, по развитію, этого доисторическаго періода человѣчества.

Невидимое давленіе вихря съ его разрушительными слѣдствіями, тѣсно связанное со всѣми явленіями внѣшняго міра, сильно поразило умы первобытнаго человѣчества, какъ доказываетъ языкознаніе, тѣмъ болѣе, что съ явленіями вихря человѣкъ сблизилъ физіологическій фактъ присутствія дыханія въ живомъ человѣкѣ и отсутствія въ мертвомъ. Какой-нибудь тогдашній мыслитель высказалъ весьма вѣроятную для того времени догадку, всѣми принятую и быстро усвоенную, что въ атмосферѣ пребываютъ невидимыя существа, проявляющіяся въ вѣтрѣ и преслѣдующія тучи, руководящія планетами, однородныя съ тѣмъ, что дышетъ въ человѣкѣ и что оставляетъ человѣка съ прекращеніемъ дыханія. Духи и души умершихъ наполнили атмосферу, вошли въ народныя повѣрья, потребовали тризнъ, жертвъ. Праотцы окружили потомковъ своими заботами, сдѣлались предметами поклоненія родичей. Невидимыя существа, которымъ давно уже были усвоены человѣческія страсти, облеклись человѣческою формою. Человѣческія, семейныя, родовыя, гражданскія заботы, романы и драмы перенеслись въ міръ невидимыхъ правителей земли. Воданъ полетѣлъ, завывая надъ землею въ зимнія ночи. Увяданіе и оживленіе природы сдѣлалось исторіей Адониса и Озириса. Желаніе человѣка связало этотъ невидимый міръ съ человѣческими требованіями, съ человѣческою жизнію, и Аѳина стала руководительницею героевъ Эллады, Афродита вступила въ бой на стѣнахъ Иліона, Одинъ занялся

воспитаніемъ викинговъ, Вишну воплотился въ рыбу, въ героя Кришну для блага человѣка. Начиная съ сѣверныхъ рунъ до Корана, всѣ религіозныя ученія, созданныя человѣкомъ, были для него откровеніями свыше.

Время шло. Факты знанія умножались, и это очеловѣченіе всего сущаго, эти миріады невидимыхъ существъ, всюду дѣйствующихъ, показались слишкомъ сложнымъ предположеніемъ нѣсколькимъ мыслителямъ. Гипотезѣ противодѣйствовали количественно, уменьшая число предполагаемыхъ существъ, и качественно, исключая ихъ изъ построенія, дѣлая ихъ ненужными. Явились другія гипотезы безъ всякой связи съ народными преданіями, гипотезы, высиженныя въ уединенномъ размышленіи, безличные *метафизическіе* миѳы — достояніе философскихъ школъ.

Я желалъ бы, мм. гг., показать вамъ и въ этой области подобное явленіе, какъ въ предыдущей: жизненные и научные вопросы, преобразованные въ метафизическіе миѳы, точно такъ же, какъ прежде, они воплощались въ религіозные идеалы. Я думалъ это сдѣлать для *идей* Платона и Гегеля, для *потенцій* Шеллинга, для *вещества* матеріалистовъ, но время не дозволяетъ мнѣ развить этого вопроса, и потому я могу только упомянуть о метафизическихъ миѳахъ, повторяя, что надлежащій анализъ въ нихъ открылъ бы то же существенное содержаніе, какъ въ научномъ построеніи и въ религіозныхъ идеалахъ: вопросы жизни и знанія [1]).

Соберемъ результаты нашего обзора различныхъ областей творчества. *Звукъ* и *движеніе*, *слово* и *знакъ*, это были первоначальные результаты его. Затѣмъ имѣли двѣ вѣтви: *искусство*, патетическое воплощеніе личности художника въ стройную форму, и *научное творчество* въ трехъ его видахъ, какъ *народныя вѣрованія*, переходящія въ эстетическіе религіозные идеалы, какъ рядъ упрощающихся *метафизическихъ миѳовъ*, наконецъ, какъ *научное построеніе*, переходящее сознательно отъ фактовъ къ вѣроятнѣйшему закону, къ простѣйшей гипотезѣ, къ понятнѣйшей систематикѣ.

Во всѣхъ этихъ процессахъ замѣчательно постоянное появленіе новыхъ формъ, которыя именно представляютъ оригинальность, самостоятельность творчества. Необходимость

[1]) Я постараюсь въ непродолжительномъ времени развить этотъ важный психологическій вопросъ печатно. (Подробно это Лаврову не удалось сдѣлать, но методъ его можно прослѣдить во всѣхъ статьяхъ, характеризующихъ метафизическія системы; см., напр., вып. III и IV этой серіи. Это и есть пропускъ, оговоренный въ предисловіи. Р е д.).

ихъ есть слѣдствіе наростанія знанія, но, при появленіи новыхъ фактовъ въ присутствіи старыхъ формъ, возможны два процесса: или мы приноравливаемъ старую форму къ новому факту, или, не удовлетворяясь старою формою, ищемъ новую. Въ первомъ случаѣ мы слѣдуемъ *рутинѣ*. Тогда для новаго понятія употребляемъ старое слово, старый знакъ, что порождаетъ двусмысленность. Тогда художникъ не рѣшается воплотить всей своей внутренней жизни въ прекрасную форму, потому что надъ нимъ тяготѣетъ узкое преданіе, которому онъ болѣе не вѣритъ, но отъ котораго не смѣетъ отступиться. Тогда мы имѣемъ натянутое примиреніе между научной космологіей—наукой о мірѣ и религіозной космогоніей—преданіемъ о происхожденіи міра. Мы имѣемъ научную теорію, гдѣ терминологія заимствована изъ періода уже прошедшаго и постоянно несогласна съ фактами, къ которымъ она отнесена; мы имѣемъ систематику, носящую на себѣ болѣе слѣдовъ исторіи науки, чѣмъ современнаго ея состоянія. Всему этому можно привести поразительные примѣры; но спѣшу кончить, такъ какъ чувствую, что и безъ того слишкомъ продолжилъ бесѣду. Здѣсь вездѣ преданіе и рутина стѣсняютъ дѣятельность безсознательнаго или сознательнаго творчества, дѣятельность художника или мыслителя. Человѣкъ можетъ повторять лишь установленные идеалы, установленныя схемы, видоизмѣняя ихъ въ мелкихъ подробностяхъ, отдѣлывая ихъ, какъ формы, но не можетъ пересоздать ихъ. Онъ въ томъ же положеніи, какъ ученый, заваленный грудами фактовъ знанія, но не рѣшающійся или неспособный группировать ихъ въ законъ, въ теорію, въ науку. Первый преклоняется предъ *формою* и не въ состояніи ее оживить новымъ элементомъ *знанія*; второй преклоняется предъ *фактами* и не въ состояніи ихъ оживить новымъ элементомъ *творчества*.

Истинный художникъ вноситъ смѣло свое патетическое состояніе въ форму, предъ нимъ носящуюся; литераторъ создаетъ новое слово для новой мысли; мыслитель создаетъ, если нужно, новую космогонію, новую метафизику; ученый создаетъ новую систематику. Замѣтьте: *если нужно*. Тутъ дѣло лишь въ томъ, что человѣкъ относится къ существующимъ формамъ искусства или научнаго творчества, не какъ идолопоклонникъ къ своему кумиру, но какъ свободно-развивающаяся личность къ продуктамъ и средствамъ своего развитія. Онъ ихъ обсуждаетъ и подвергаетъ ихъ *критикѣ* во имя знанія. Эта критика не есть творчество, но она до-

полняетъ творчество, доставляя ему жизнь и развитіе; она есть *философія въ творчествѣ*. Художникъ и мыслитель *на столько* философъ въ своихъ созданіяхъ, на сколько онъ критически относится къ существующимъ формамъ творчества, какъ чужимъ, такъ и своимъ собственнымъ. *Постоянное внесеніе всего своего знанія, всего своего бытія въ свои созданія—это есть условіе философіи въ творчествѣ*. Безъ нея всюду рутина и неподвижность; она представляетъ вѣчную *борьбу съ созданнымъ во имя создающагося*. И тогда, когда мы принимаемъ уже существующія формы, мы ихъ принимаемъ во имя критики, послѣ борьбы съ ними, признавъ ихъ удовлетворительными, но признавъ за собою право отыскать новыя формы въ случаѣ нужды. Какъ бы ни былъ привлекателенъ кумиръ, если онъ кумиръ, то онъ вреденъ и долженъ быть разрушенъ. Все *заслуживаетъ* уваженія лишь настолько, насколько сознано *послѣ критики*, какъ *достойное* уваженія. Знаменитый Бэконъ, котораго философія легла въ основаніе естествознанія, въ первой же книгѣ своего знаменитаго «Новаго Органона» показываетъ вредъ, приносимый призраками (идолами) развитію человѣчества. Борьбу съ ними онъ считаетъ обязанностью; но въ другомъ мѣстѣ сознаетъ, что для этого нѣтъ правила, но требуется лишь общая осторожность ума. Это именно есть требованіе всегдашней неумолимой критики.

Позвольте мнѣ, мм. гг., приэтомъ припомнить одно не очень важное обстоятельство, но способное пластически уяснить мою мысль. Въ первой книжкѣ одного журнала, появившагося въ нынѣшнемъ году, было помѣщено стихотвореніе молодого писателя, одушевленное прекрасною мыслью. Авторъ говорилъ о движеніи нашего общества впередъ; въ концѣ стихотворенія передъ нимъ предстало пять тѣней погибшихъ героевъ русской мысли и русской жизни, и онъ воскликнулъ:

Скорѣй же, братья, на колѣни!

Когда я прочелъ этотъ стихъ, то мнѣ живо припомнилась сцена изъ произведенія знаменитаго германскаго поэта, юбилей котораго только-что былъ отпразднованъ цѣлою Европою. Генуэзскіе заговорщики собрались около Фіеско, желая его содѣйствія, и онъ открываетъ имъ, что давно все обдумалъ, все приготовилъ. Пораженные силою его ума, сознавая свою безпомощность безъ него, они падаютъ на колѣни предъ его насмѣшливымъ укоромъ: «Республиканцы! вы лучше

умѣете проклинать тирановъ, чѣмъ ихъ взрывать на воздухъ!» Одинъ Веррина не преклонилъ колѣни и говоритъ: «Фіеско, ты великій человѣкъ! Но... встаньте, генуэзцы!» Для Веррины не должно быть идоловъ и завтра Фіеско исчезнетъ въ волнахъ моря.

Я спѣшу кончить. Творчество въ знаніи дало философію знанія. Знаніе въ творчествѣ, критика, есть философія въ творчествѣ. Борьба съ созданнымъ во имя создающагося есть ея проявленіе, условіе развитія, — условіе жизни, осмысленіе процесса послѣдней. *Жизнь*—вотъ слово, къ которому мы пришли, требуя отъ стройной формы патетическаго дѣйствія, требуя отъ научнаго творчества развитія. *Жизнь* есть новая область, требованія которой обусловливаютъ творчество, даютъ начало новымъ человѣческимъ явленіямъ, и въ этой области слово *философія* опять измѣняетъ свое значеніе. Это и составитъ предметъ нашей послѣдней бесѣды.

БЕСѢДА ТРЕТЬЯ.

Что такое философія въ жизни?

Обзоръ предыдущей бесѣды.—Сходство между творчествомъ и жизнью.—Различіе ихъ.—Идеальное *я*.—Развитіе идеала человѣческаго достоинства.—Наслаждайся! и видоизмѣненіе этого правила.—Критика и рѣшимость. — Убѣжденіе.—Справедливость. — Братство.—Общество, какъ оно есть, и страданіе.—Частные идеалы: семейные, экономическіе, гражданскіе, духовные.—Философія въ жизни: человѣчность, различеніе идеаловъ, практическая мудрость.—Отношеніе ученаго и художника къ жизненнымъ вопросамъ.—Философія исторіи.—Человѣкъ, какъ результатъ и какъ начало.—Философія вообще.—Наука о человѣкѣ.

Мм. Гг.

Въ послѣдней нашей бесѣдѣ мы обозрѣли различныя отдѣлы области творчества; мы видѣли, что она обнимаетъ чрезвычайное разнообразіе проявленій, и до многихъ частей этой области намъ время дозволило только едва коснуться. Мы видѣли вездѣ сознательное или безсознательное стремленіе къ стройной формѣ, но въ то же время видѣли философское начало творчества въ оживленіи созданной формы содержаніемъ. Это содержаніе входило въ форму во многихъ случаяхъ безсознательно, но оно-то доставляло начальнымъ проявленіямъ формы ихъ силу, произведеніямъ искусства—патетизмъ, идеаламъ художественнаго и религіознаго

творчества—ихъ вліяніе на общество. Философскій элементъ творчества, свободное отношеніе къ существующимъ формамъ творчества и свободное воплощеніе новаго содержанія въ новыя формы дѣлали изъ искусства, изъ религіозныхъ и метафизическихъ созданій не принадлежность небольшого числа исключительныхъ личностей—художниковъ, мыслителей, пророковъ, но достояніе всего человѣчества.

Начиная сегодняшнюю нашу бесѣду, мы можемъ еще считать себя въ той же области. Слово творчество еще могло бы быть примѣнено и къ явленіямъ, которыя намъ предстоитъ разсмотрѣть. Мы встрѣтимъ много схожаго съ предыдущимъ, но встрѣтимъ и значительную разницу. Если въ звукѣ голоса и движеніи, въ словѣ и знакѣ человѣкъ воплощаетъ свое чувство или свою мысль, если художникъ воплощаетъ себя въ своихъ идеалахъ, ученый свое знаніе—въ научной гипотезѣ, мыслитель—въ метафизической системѣ, то не съ большимъ ли правомъ можно сказать, что каждый изъ насъ воплощаетъ всего себя въ своихъ дѣйствіяхъ. Точно также, какъ всѣ процессы творчества прибавляли реальный признакъ къ тому, что заключалось въ внутреннемъ мірѣ человѣка, такъ и дѣйствія человѣка прибавляютъ къ послѣднему признакъ совершенія. Точно также, какъ въ первомъ случаѣ что-либо изъ міра сознанія переходило въ реальный міръ, такъ и здѣсь дѣйствія, разъ совершенныя, являются неизгладимыми и неотрицаемыми событіями внѣшняго міра, которыя тяготѣютъ надъ будущностью человѣка своими послѣдствіями, своимъ вліяніемъ, и въ каждую эпоху жизни противопоставляютъ его теперешнему *я* другое *я*, которое—въ то же время и онъ и не онъ. Этотъ двойникъ преслѣдуетъ человѣка своими разсказами о дѣйствіяхъ былого; послѣдній хотѣлъ бы иное стереть, забыть, но этого нельзя. Онъ хотѣлъ бы возвратиться къ другимъ событіямъ, повторить ихъ—и этого онъ не въ силахъ сдѣлать. Въ этомъ отношеніи творчество, о которомъ мы говорили въ нашей послѣдней бесѣдѣ, и жизненная дѣятельность такъ близки, что не разъ въ разныя времена мыслители повторяли выраженіе: *искусство жизни*, какъ бы дополняя и завершая имъ эстетику, теорію художественнаго творчества.

Но различіе между двумя областями, о которыхъ говоримъ, тоже немаловажно. Оно относится къ самому существенному признаку. Форма была главнымъ центромъ творческой дѣятельности, но *она-то* именно отсутствуетъ въ дѣятельности жизни. Послѣдняя, представляя безпрестанное измѣненіе формъ, не имѣетъ сама опредѣленности, замкнутости. Она

есть только *процессъ*. Напротивъ, въ творчествѣ имѣемъ въ каждое мгновеніе нѣчто замкнутое; даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ въ драмѣ, въ симфоніи, время есть существенное условіе произведенія. Я беру примѣры изъ искусства, потому что они доступнѣе и представляютъ особенности творчества въ болѣе чистомъ видѣ.—Вы видѣли драму; вы ее припоминаете: въ вашемъ воображеніи рисуется рядъ моментовъ, смотря по вашей памяти, болѣе или менѣе сближенныхъ, но все-таки отдѣльныхъ. Вы можете остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ и въ нихъ видѣть главные, исходящіе пункты цѣлаго. Эти пункты существенны. Теченіе драмы, ихъ связывающее, болѣе или менѣе случайно и представляетъ нѣчто второстепенное.—Нѣчто подобное замѣтимъ и въ самомъ процессѣ художественнаго творчества, и я говорю здѣсь не только о пластическомъ художникѣ; когда онъ создаетъ, ему представляется сначала одинъ, два-три момента его произведенія; вдумываясь въ нихъ, онъ ихъ развиваетъ, сближаетъ, дополняетъ, иногда встрѣчаетъ другіе, еще болѣе характеристичные моменты, но для насъ важно это начало съ отдѣльныхъ, обособленныхъ формъ. Самый же процессъ драмы, цѣлое въ симфоніи, басня повѣсти есть результатъ, который могъ бы измѣниться при небольшомъ измѣненіи обстоятельствъ, дѣйствовавшихъ на художника.—Повторяю: въ творчествѣ отдѣльныя частности въ своей стройной формѣ составляютъ главное, существенное.

Не такъ въ жизни. Не драматическія обстоятельства ея, не характеристическія событія опредѣляютъ нравственное достоинство человѣка; не особенная форма словъ, не отдѣльные моменты жизни составляютъ въ его нравственномъ идеалѣ существенное, но содержаніе жизни, общее впечатлѣніе ея процесса; не форма, а то, что въ ней выразилось, *не стройность*, а *доблесть* дѣйствія. Частности могутъ быть тѣ или другія. Личность можетъ быть брошена на поле битвы, на форумъ, въ народное совѣщаніе, на кафедру проповѣдника, на бюрократическій совѣтъ, на престолъ: нравственное ея значеніе отъ этого не измѣняется. Гражданскіе герои или слабодушныя ничтожества встрѣчаются повсюду, и одинъ и тотъ же нравственный приговоръ поражаетъ ихъ, независимо отъ формы ихъ проявленія. Изъ цѣлаго процесса жизни, изъ совокупленія особенностей, часто сшевавшихся, составляется общее впечатлѣніе значенія жизни. Форма *жизненной* дѣятельности *дается* человѣку извнѣ и отъ него зависитъ лишь въ незначительной степени; онъ въ ея рамкѣ *развиваетъ* свою

нравственную личность. Форма *творческой* дѣятельности *создается* человѣкомъ и онъ въ каждый моментъ вноситъ въ нее свое *готовое* нравственное содержаніе.

Оттого живучесть художественныхъ идеаловъ далеко превосходитъ живучесть историческихъ личностей. О первыхъ мы уже говорили прошлый разъ; что касается вторыхъ, то онѣ для насъ долго остаются нравственными отвлеченностями, или загадочными орудіями различныхъ событій, пока *художникъ-историкъ* сольетъ отдѣльныя черты ихъ жизни въ одинъ стройный типъ, создастъ изъ нихъ одинъ научно-художественный идеалъ, который уже въ *этомъ* видѣ врѣзывается въ память потомства.

Поэтому жизнь, какъ воплощеніе въ *процессѣ дѣйствія* нравственнаго содержанія, существенно разнится отъ творчества—воплощенія его въ *формы*. Въ послѣднемъ случаѣ *форма, результатъ процесса, есть самая цѣль*. Въ первомъ *цѣль находится внѣ процесса*, внѣ воплощенія; онъ въ каждое мгновеніе есть только переходное случайное выраженіе для того, что не можетъ воплотиться вполнѣ, что составляетъ высшее, существенное, относительно неизмѣнное въ человѣкѣ—для его *нравственнаго идеала*.

Слово идеалъ имѣетъ здѣсь совершенно другое значеніе, чѣмъ въ искусствѣ или въ религіозномъ творчествѣ. Тамъ это — живыя личности, охарактеризованныя нѣсколькими подробностями, врѣзывающимися въ воображеніе. Чтобъ уяснить себѣ, что такое идеалы въ жизни, прослѣдимъ ихъ происхожденіе.

Желаніе—источникъ знанія, источникъ творчества—есть тоже источникъ жизненной дѣятельности, развитія. Еслибъ я не желалъ, я бы не дѣйствовалъ; существуетъ даже болѣзненное состояніе—апатія, которое представляетъ развитію ребенка въ человѣка самое большое препятствіе. Еслибъ желаніе ограничивалось мгновеніемъ и не оставляло слѣдовъ въ нашемъ воображеніи, послѣ своего удовлетворенія или неудовлетворенія, то жизнь была бы непрерывнымъ рядомъ радостей и страданій, безъ всякаго развитія. Но элементъ творчества, внѣшнія проявленія котораго составили предметъ нашей послѣдней бесѣды, даетъ внутреннюю цѣлость группѣ нашихъ желаній. Онѣ являются не отдѣльными, мгновенными побужденіями, не отвлеченными идеями, но *желаемыми состояніями духа* нашего *я*. Предъ нами становится въ воображеніи другое *я*, отличное отъ нашего лишь тѣмъ, что въ немъ нѣтъ недостатковъ, которые мы въ себѣ сознаемъ;

тѣмъ, что оно обладаетъ совершенствами, еще нами не достигнутыми. Это *я* есть *нравственный идеалъ*. Онъ отличается отъ идеаловъ художественнаго и религіознаго творчества именно недостаткомъ полноты, недостаткомъ жизни и эту жизнь онъ требуетъ отъ *насъ;* это дополненіе заключается въ нашихъ *дѣйствіяхъ*. Онъ требуетъ отъ насъ жизни безпрестанно, неуклонно, и мы знаемъ, что только своими дѣйствіями мы оживляемъ его. Но, вѣчно-воплощаемый въ нашу дѣятельность, онъ вѣчно удаляется отъ насъ, требуя новой и новой дѣятельности, требуя жертвъ и борьбы, осуждая нѣкоторые наши поступки, превознося другіе, обсуждая всѣ, и не давая намъ отдыха. Художникъ можетъ остановиться въ своемъ творчествѣ, отложить, обдумать дальнѣйшую дѣятельность; онъ не измѣняетъ искусству. Жизненный дѣятель не можетъ ни на минуту отвернуться отъ своего идеала; онъ не можетъ остановить процесса своего развитія. Кто на мгновеніе отвернулся отъ нравственнаго идеала, тотъ измѣнилъ ему, тотъ будетъ носить въ своей мысли сознаніе своего преступленія, своей порочности. Этотъ нравственный идеалъ есть наше *человѣческое достоинство*.

Весьма разнообразны понятія о человѣческомъ достоинствѣ, и намъ нѣтъ никакой возможности обозрѣть ихъ пестрыя проявленія. Остановимся лишь на нѣкоторыхъ пунктахъ. Наслажденіе есть цѣль желанія. То, что доставляетъ наслажденіе, есть для насъ благо и *въ насъ* самихъ составляетъ наше *достоинство*. Это—самый грубый, самый элементарный взглядъ на жизнь. *Стремись пріобрѣсти то, что доставляетъ наслажденіе. Стремись развить въ себѣ способности, помощью которыхъ наслажденіе дѣлается вѣроятнѣе, продолжительнѣе.* Эти два правила представляютъ два оттѣнка, два чуть замѣтныя измѣненія первоначальнаго взгляда. Но идемъ далѣе. Чтобы узнать, *что* вѣроятнѣе и продолжительнѣе, *изучай, обсуждай, давай себѣ время обдумать; сдерживай первый порывъ* своего желанія, чтобъ не предпочесть худшаго лучшему, мимолетнаго постоянному; *борись во имя лучшаго*, во имя постояннаго наслажденія съ мгновенными побужденіями, съ мгновенными вспышками желаній, страстей. Для успѣшной борьбы *привыкай концентрировать свою мысль на постоянномъ наслажденіи; пренебрегай низшими*, считай ихъ недостойными себя, потому что они отвлекаютъ тебя отъ постояннаго стремленія къ высшему наслажденію, *къ высшему благу*... Мы едва измѣняли оттѣнки при каждомъ шагѣ, но какъ далеко наше послѣднее правило отъ

перваго! И, между тѣмъ, вы видѣли, мм. гг., что все послѣдующее вытекло изъ предыдущаго. Первое правило: *ищи то, чѣмъ наслаждаемся,* доступно животному наравнѣ съ человѣкомъ, дикому наравнѣ съ образованнымъ человѣкомъ, ребенку наравнѣ съ мужемъ. Послѣднее: *пренебрегай всѣмъ, кромѣ высшаго блага,* есть изреченіе, отъ котораго не откажется самый строгій аскетъ; а, какъ извѣстно, истинные аскеты—большая рѣдкость между людьми. Что жъ позволяетъ человѣку перейти отъ одного правила къ другому? Отчего этотъ останавливается на одной ступени нравственной лѣстницы, тотъ—на другой? Отчего одинъ съ увлеченіемъ ребенка или дикаго гонится за мгновеннымъ наслажденіемъ, чтобы завтра бранить себя, а послѣ завтра повторять сегодняшнія дѣйствія? Отчего другой, проходя чрезъ всѣ истинно-человѣческія точки зрѣнія, вырабатываетъ въ себѣ односторонность, аскетизмъ?

Два начала представляются намъ здѣсь началами жизненнаго развитія; одно служитъ къ усовершенствованію жизненныхъ правилъ, другое—къ ихъ дѣйствительному воплощенію. Первое представлялось уже намъ въ процессѣ творчества, какъ его оживляющій элементъ,—это *критика ума.* Второе составляетъ существенную принадлежность жизни, ея основной элементъ. Это—*рѣшимость характера.*

Внѣ критики нѣтъ развитія; внѣ критики нѣтъ совершенствованія. Безъ критики всего окружающаго человѣкъ никакъ бы не *выработался изъ животнаго состоянія,* переходилъ бы всю жизнь отъ одного мгновеннаго желанія къ другому, безъ плана, безъ послѣдовательности. Критика собственныхъ желаній, какъ критика *желаемаго* предмета и какъ критика *желательнаго* состоянія духа, позволяетъ человѣку построить іерархически свои побужденія и предметы, ихъ возбуждающіе, позволяетъ ему сказать: это лучше, а это хуже; слѣдовательно, при одновременной возможности обоихъ, первое—добро, а второе зло. Мы еще вернемся къ этому ниже.

Но критика ума недостаточна. Она есть только *знаніе,* только умственное личное развитіе. Чтобы перейти въ міръ реальный, чтобы сдѣлаться *жизнью,* она должна быть совокуплена съ рѣшимостью. Только тотъ, кто *рѣшается,*—участвуетъ не какъ автоматъ, а какъ человѣкъ, въ процессѣ жизни. Хорошій критикъ существующаго—*умный* человѣкъ; но лишь тотъ, кто рѣшается дѣйствовать на основаніи своей критики,—человѣкъ *нравственный.*

До сихъ поръ наше развитіе было нѣсколько отвлеченно. Мы видѣли процессъ, но еще не обратили вниманіе на его содержаніе. Мы и не могли этого сдѣлать; мы до сихъ поръ имѣли въ виду *одного* человѣка, *одну* личность. Мы смотрѣли только на то, что происходитъ въ этой самой личности при ея развитіи; но этотъ процессъ обуславливается *средою*, въ которой онъ совершается; эта среда доставляетъ ему опредѣленность; обратимъ на нее вниманіе.

Человѣкъ немыслимъ одинъ. Онъ находится подъ вліяніемъ другихъ людей, онъ окруженъ природою; онъ находится въ присутствіи своихъ религіозныхъ идеаловъ; изъ этой среды онъ получаетъ побужденія, которыя вырабатываются въ немъ въ нравственные идеалы, въ пониманіе своего достоинства. Въ отношеніи ко всему внѣшнему человѣкъ является сильнѣйшимъ—владыкою, слабѣйшимъ—рабомъ, или равносильнымъ, способнымъ попеременно властвовать и покоряться, по случайностямъ борьбы, исходъ которой остается неизвѣстенъ. Съ развитіемъ ума, человѣкъ сознаетъ себя владыкою природы, вообще говоря, равносильнымъ въ отношеніи другихъ людей, рабомъ своихъ религіозныхъ идеаловъ. Оставляя въ сторонѣ первое и послѣднее отношеніе, обратимся ко второму.

Вѣчная борьба между людьми за наслажденіе жизнью длится въ продолженіе всей человѣческой исторіи, и такъ же давно, какъ она длится, человѣкъ хочетъ ее оправдать предъ собою и другими, то есть, онъ хочетъ найти теорію, которая бы соглашала его дѣйствія относительно другихъ съ его желаніями, дѣлала бы изъ его жизненной дѣятельности стройное цѣлое въ его сознаніи. Нравственные идеалы явились продуктомъ этого стремленія къ соглашенію. Разъ созданные, они стали съ неотразимою убѣдительностью предъ человѣкомъ, требуя, чтобы онъ ихъ воплотилъ въ жизнь. Они составили его *убѣжденіе*; они предписали ему *обязанность* предъ собою и облекли его *правомъ* поступать согласно убѣжденію, исполнять свою обязанность предъ ними.

Первый идеалъ человѣка, конечно, относился къ процессу, необходимому для жизни, для развитія. Мы видѣли, что критика ума и рѣшимость характера были существенными условіями развитія. *Право критики, обязанность рѣшимости* во всѣхъ случаяхъ жизни сдѣлались сущностью всякаго нравственнаго идеала. Каковы убѣжденія—это дѣло дальнѣйшаго анализа, дѣло развитія; но они должны *быть*: человѣкъ безъ убѣжденій это—нравственный уродъ, это—вещь,

за которою мы признаемъ только зоологическое достоинство всѣхъ единицъ рода homo; человѣкъ безъ рѣшимости, это—уродъ другого вида, который можетъ имѣть ученое и художественное достоинство, но не имѣетъ нравственнаго. Только тотъ—нравственный человѣкъ, кто помощью самостоятельной критики составилъ себѣ болѣе или менѣе ясное убѣжденіе и рѣшается дѣйствовать согласно своему убѣжденію. Кто дѣйствуетъ, *не внося* своего убѣжденія въ свои дѣйствія, тотъ *автоматъ*: онъ дѣйствуетъ *безнравственно*. Кто поступаетъ *противно* убѣжденію, тотъ *преступникъ*: онъ дѣйствуетъ *противонравственно*.

Убѣжденія вырабатываются помощью критики. Нравственная критика обращается внѣ насъ и внутрь насъ. Ея дѣятельность внѣ насъ заключается въ опредѣленіи относительнаго достоинства предметовъ обсужденія. Внутри насъ она сравниваетъ наши побужденія съ идеаломъ нашего достоинства, въ насъ присутствующимъ. Долгимъ историческимъ трудомъ человѣкъ дошелъ въ своихъ лучшихъ представителяхъ до сознанія равноправности людей, но еще въ массу это убѣжденіе не проникло. Различіе достоинства людей, смотря по случайностямъ ихъ положенія,—предразсудокъ, еще глубоко вкорененный въ человѣческомъ обществѣ, видоизмѣняющійся въ своихъ примѣненіяхъ, но до сихъ поръ не выдѣлимый изъ пониманія многихъ самыхъ прогрессивныхъ мыслителей. Какъ бы то ни было, но критическое отношеніе къ чужому достоинству прибавило одну черту къ основному, нравственному идеалу, о которомъ мы говорили. *Не всякое убѣжденіе сообразно достоинству человѣка, но только справедливое.* Критика внѣшнихъ предметовъ заключается именно въ опредѣленіи ихъ относительнаго достоинства: признаніе послѣдняго и дѣйствія, съ нимъ сообразныя, составляютъ идеалъ *справедливости*. *Лишь то нравственно, что справедливо*; это—дополненіе и закругленіе нравственной теоріи личности; это—основной принципъ нравственной дѣятельности и, при всей своей кажущейся отвлеченности, онъ представляется принципомъ, весьма богатымъ по содержанію, принципомъ, охватывающимъ не только личную, но и общественную дѣятельность. Разберемъ его внимательнѣе.

Оцѣнивай чужое достоинство. Это значитъ: *изучай*, будь внимателенъ ко всему и ко всѣмъ, вникай въ особенности положенія *людей*, тебя окружающихъ; изслѣдуй общія начала *человѣка* въ его самомъ полномъ значеніи. *Знаніе людей и наука человѣка* являются содержаніемъ этого правила.

Оцѣнка чужого достоинства входитъ въ сущность моего убѣжденія, то есть, въ сущность моего собственнаго достоинства. Это значитъ: все, что я призналъ равноправнымъ со мною, должно быть для меня святынею, которую я долженъ уважать, какъ святыню собственнаго достоинства. Какъ для послѣдняго я обязанъ жертвовать случайными выгодами, низшими благами, даже—въ случаѣ нужды—жизнью, такъ въ защиту чужого достоинства, вошедшаго въ мое убѣжденіе, я долженъ бросаться на борьбу, что бы изъ этого ни вышло. *Чужое достоинство, это—мое собственное.* Мы пришли къ великому началу *братства*, провозглашенному подъ формою столькихъ миѳовъ, написанному на знамени столькихъ нравственныхъ теорій, превознесенному столькими мыслителями, выходившими изъ ученій, совершенно отличныхъ отъ того, которое я имѣю честь излагать здѣсь предъ вами, мм. гг.; и, между тѣмъ, это—необходимое, логическое слѣдствіе самаго животнаго побужденія человѣка,—*желанія наслаждаться.* Только на пути встрѣтились два пункта. Необходимость и право создавать въ своемъ убѣжденіи идеалъ общечеловѣческаго достоинства; обязанность поступать сообразно убѣжденію.

Мы очень далеко отъ исходнаго положенія. Нравственный идеалъ, повидимому, столь узкій, принялъ огромные, подавляющіе размѣры. Поступать всегда по убѣжденію?.. Оцѣнивать справедливо достоинство другихъ людей?.. Бороться за чужое достоинство, какъ за собственное?.. Въ нашемъ воображеніи, мм. гг., можетъ быть, вертится возраженіе. Все это—слова, слова и слова. Гдѣ же исполненіе?.. Гдѣ человѣкъ, способный къ нему?—Вы правы, между этимъ идеаломъ и практикою жизни, такою, какъ она кипитъ около насъ, существуетъ огромная разница. Борьба между личностями, поклоненіе призракамъ, презрѣніе чужого достоинства, сознательное нарушеніе справедливости, сознательная рѣшимость поступать противъ убѣжденія окружаютъ насъ отовсюду. Когда мы видимъ человѣка, нѣсколько послѣдовательнаго въ дѣйствіяхъ, мы готовы прославить его мудрецомъ. Когда человѣкъ дѣйствуетъ нѣсколько согласно своимъ убѣжденіямъ, мы готовы видѣть въ немъ героя.—Но позвольте поставить вопросъ: много ли мы наслаждаемся? спокойно ли мы ожидаемъ завтрашняго дня? Не тяготѣетъ ли надъ нами двусмысленность нашего положенія, противорѣчіе нашей жизни? Не преслѣдуетъ ли насъ *двойникъ* нашего прошедшаго, о которомъ мы говорили въ началѣ сегодняшней

бесѣды? Когда мы достигли житейскихъ благъ, когда наши карманы полны и толпа общественныхъ или административныхъ паразитовъ преклоняется предъ нашимъ значеніемъ, не раздражаетъ ли насъ невинная улыбка независимаго человѣка, въ которой мы читаемъ себѣ осужденіе? Не дрожитъ ли рука наша иногда, распечатывая иной пакетъ съ незнакомымъ содержаніемъ, какъ рука биржевого спекулянта, которому телеграфъ можетъ принести вѣсть о банкротствѣ? Это ли наслажденіе? Если мы не логичны, не рѣшительны, гонимся, какъ дѣти, за мгновеніемъ, какъ помѣшанные, за призраками,—мы это выкупаемъ *страданіемъ*.

Мое дѣло было показать развитіе изъ даннаго принципа его послѣдствій, показать, что нѣтъ противорѣчія между правилами: *наслаждайся* и *всѣ люди—братья*, для того, кто мыслитъ послѣдовательно. Незнаніе и нерѣшимость, слабость критики и слабость характера—вотъ главные источники всего зла, всей безнравственности, всѣхъ страданій человѣческаго общества. *Развивать въ себѣ и другихъ силу ума и силу характера, это—добродѣтель.*

Но слабость ума и характера человѣка — фактъ ежедневный, ежеминутный. Человѣкъ всегда сознавалъ его и долженъ былъ съ нимъ примириться. Творческая способность требовала примиренія въ стройномъ единствѣ, и здѣсь источникъ другого ряда нравственныхъ идеаловъ, болѣе ограниченныхъ, чѣмъ идеалъ самостоятельной и справедливой личности, но зато болѣе опредѣленныхъ, потому что имъ соотвѣтствовало нѣчто реальное внѣ человѣка. Это—*общественные идеалы*. Кто не въ состояніи усвоить себѣ въ мысли и въ дѣятельности обширный идеалъ справедливой личности, тотъ останавливается на болѣе тѣсныхъ идеалахъ, вышедшихъ изъ одной отрасли человѣческой жизни. Я не намѣренъ исчерпывать ихъ, но укажу на главнѣйшія ихъ группы.

Существованіе половъ, нарожденіе дѣтей и ихъ воспитаніе имѣли слѣдствіемъ *семейныя* отношенія между людьми; они составили центръ родственныхъ, родовыхъ отношеній. Отсюда идеалы семьянина, члена рода, члена племени; отсюда идеалы родового аристократа, родового буржуа; отсюда—касты, основанныя на племенномъ различіи. Здѣсь человѣкъ признаетъ себѣ равноправными только членовъ своего семейства, своего рода, своего племени. Достоинство всѣхъ прочихъ личностей для него ниже, маловажнѣе. Убить иноплеменника, ограбить члена чужой семьи, оскорбить плебея кажется справедливымъ для человѣка, находящагося на этой точкѣ зрѣ-

нія. Самая живая и пластическая страсть—любовь, самая безсознательная общественность—патріархальныя отношенія, самые неискоренимые предразсудки—предразсудки родовой аристократіи составляютъ принадлежность этой сферы, потому чрезвычайно прочной, что въ ея источникѣ лежитъ матеріальная связь, а въ ея развитіи—привычка.

Отношенія *экономическія* дѣлаютъ человѣка работникомъ и промышленникомъ, производителемъ и потребителемъ, ставятъ людей въ различные болѣе или менѣе замкнутые кружки, соединяютъ ихъ интересами матеріальныхъ благъ. Отсюда разнообразныя единицы сословій, кастъ по занятіямъ, цеховъ, отсюда аристократія собственниковъ, аристократія богатства и кругомъ пролетаріатъ массы. Идеалы честнаго человѣка, искуснаго аферіста, ловкаго спекулятора, полезнаго общественнаго дѣятеля рисуются въ этой сферѣ дѣятельности и въ своей сухости стремятся обратить человѣческое общество въ человѣческій улей, человѣческій муравейникъ.

Гораздо значительнѣе по историческому значенію *гражданская* связь, заключенная между двумя полюсами власти и закона. Опредѣленность ею историческихъ проявленій, обширный кругъ дѣйствій, представляемый ею [1]) личностямъ, кровавые слѣды, оставшіеся въ человѣчествѣ при каждомъ измѣненіи ея формъ,—все это придало ей особую характеристичность и на долгое время слило въ воображеніи большинства понятія человѣческаго общества и государства, общечеловѣческіе и политическіе вопросы. Немудрено, что въ этой области находимъ большое разнообразіе и богатство идеаловъ. Вѣрноподданный, гражданинъ—рабъ закона, членъ административнаго цѣлаго, государственный человѣкъ и т. д.—все это человѣческіе идеалы юридическаго цѣлаго, политическаго цѣлаго, гдѣ личность дѣлается незамѣтною частью организма, имѣющаго цѣль въ самомъ себѣ и безпрестанно требующаго новыхъ жертвъ на алтарь своего величія.

Духовные интересы представляютъ новое связывающее начало, разнообразное по самымъ источникамъ этой связи. Знаніе, художественная дѣятельность и религіозныя вѣрованія даютъ свои идеалы образованнаго человѣка, ученаго, мыслителя, человѣка со вкусомъ, художника талантливаго и геніальнаго, вѣрующаго члена извѣстной общины, вдохновеннаго пророка, святого угодника.

---

[1]) Въ «Отеч. Зап.» напечатано *его*, но это—очевидная опечатка. Ред.

Я уже сказалъ, что вовсе не намѣренъ исчерпать формы различныхъ частныхъ идеаловъ, создаваемыхъ людьми на пути своемъ къ идеалу самостоятельной и справедливой личности. Каждый выбираетъ по своимъ силамъ и, еще болѣе, по обстоятельствамъ жизни, одинъ изъ этихъ идеаловъ и стремится воплотить его. Жизнь ставитъ свой урокъ, человѣкъ долженъ его выполнить. Онъ долженъ совѣстливо и внимательно изучить всѣ условія своего дѣла и съ твердой рѣшимостью его исполнять самымъ лучшимъ, возможнымъ для него, способомъ. Это—ежедневная задача жизни, это—ея неистощимый процессъ, въ которомъ человѣкъ является перерабатывающимъ и перерабатывающимся матеріаломъ.

Но на этомъ дѣло не останавливается. Исполняя свое дѣло, человѣкъ долженъ сознавать, что онъ дѣлаетъ. Жизнь есть процессъ *сознательный* и *связный*. Каждое наше дѣйствіе не есть дѣло, сдаваемое въ архивъ, независимое отъ послѣдующаго и предыдущаго; наша жизнь не можетъ быть оторвана отъ среды, въ которой мы живемъ. Только внося сознательность и связность въ нашу жизнь, дѣлаемъ мы ее вполнѣ человѣческою. Но этимъ самымъ мы вносимъ въ нашу жизнь *философію*. Прослѣдимъ ея проявленія въ этой области.

Каждый день жизни человѣка, каждый часъ имѣетъ свою цѣль, но нѣтъ человѣка, которому одна цѣль была бы дана на всю жизнь. Онъ—семьянинъ, но онъ—въ то же время гражданинъ; онъ занялся экономическими оборотами, но это не отнимаетъ отъ него обязанности быть образованнымъ человѣкомъ. Въ одномъ родѣ дѣятельности онъ можетъ достичь спеціальности, виртуозности; но въ другое время онъ можетъ воплощать нѣсколько хуже, но все-таки воплощать въ своей дѣятельности другіе частные идеалы. Если это для него невозможно, то не мѣшаетъ ему сочувствовать идеаламъ другихъ отраслей; если онъ не можетъ и сочувствовать, или если нравственная уродливость или воспитаніе заморили въ немъ одинъ изъ органовъ жизни, то онъ долженъ стараться, по крайней мѣрѣ, понять умомъ то, что составляетъ главную жизненную цѣль для многихъ изъ его братьевъ: иначе, онъ не оцѣнитъ ихъ по достоинству и не будетъ къ нимъ *справедливъ*. Для тѣхъ, кому живые идеалы каждой отрасли недоступны, для тѣхъ, кто не можетъ имъ сочувствовать, для тѣхъ эти идеалы представляются въ формѣ понятій, логическихъ *идей*, обладающихъ опредѣленными признаками. Любовь, переходящая въ привязанность вообще, польза въ самомъ обширномъ своемъ значеніи, законъ и власть, какъ формула поли-

тическаго быта, истина, красота, систематичность—имѣютъ, каждая, право на участіе человѣка. Въ любви къ женщинѣ, въ родственной привязанности человѣкъ воспитываетъ въ себѣ любовь къ человѣчеству; экономическій и гражданскій смыслъ дѣлаютъ эту любовь практически-примѣнимою къ дѣлу; знаніе доставляетъ весь матеріалъ дѣятельности; творчество вноситъ въ него изящное начало мѣры, сдержанности, такта, формы. Только тотъ—истинный человѣкъ, тотъ развилъ въ себѣ *человѣчность*, кто не пренебрегъ ни однимъ изъ этихъ элементовъ, кто знаетъ и любитъ, чье сердце бьется сочувствіемъ общественному, гражданскому или экономическому вопросу и кто можетъ наслаждаться прекрасною формою изящнаго произведенія, стройнымъ зданіемъ метафизической системы. Кто пренебрегаетъ одной изъ этихъ отраслей, кто не хочетъ даже мыслью пережить главныя побужденія, волнующія другихъ людей, тотъ себя уродуетъ добровольно. Всѣ мы, вслѣдствіе обстоятельствъ жизни, теряемъ часто способность *сочувствовать* многому истинно-человѣческому; но во имя общаго, неотмѣнимаго идеала *справедливости* мы должны стараться овладѣть въ отвлеченной формѣ *идеи* тѣмъ, что для насъ недоступно, какъ живой *идеалъ*. Мы можемъ быть *справедливы* лишь къ дѣйствіямъ, нами *понятымъ*. Такимъ образомъ, первое проявленіе *философіи въ жизни* есть требованіе *человѣчности*, то есть, требованіе *воплощенія*, *прочувствованія*, или, по крайней мѣрѣ, *пониманія* всего человѣческаго.

Человѣчность есть совокупленіе всѣхъ главныхъ отраслей дѣятельности въ жизни одной личности. Но она есть *совокупленіе*, а не *смѣшеніе*. Каждая дѣятельность, ставя свой идеалъ, рѣзко отличается отъ другой, и одно изъ главныхъ золъ человѣчества заключается въ недостаточномъ различеніи этихъ вопросовъ, въ перенесеніи идеаловъ изъ одной области дѣятельности въ другую. Это часто дѣлаютъ безсознательно, отъ излишняго увлеченія главною цѣлью своей жизни, но весьма нерѣдко то же совершается и вполнѣ сознательно. Какъ часто коммерческій разсчетъ заключаетъ союзъ, который долженъ быть союзомъ, по крайней мѣрѣ, взаимнаго уваженія и привязанности; иногда кажущееся благополучіе сопровождаетъ подобную сдѣлку, но большей частью супруги взаимно уродуютъ другъ друга нравственно, уничтожая одинъ въ другомъ всякую способность привязанности къ чему бы то ни было и дѣлаются неспособными оцѣнить достоинство подобной привязанности и въ другихъ личностяхъ. Еще хуже, когда семейные интересы, патріархальныя понятія вносятся

въ экономическія, общественныя отношенія, въ гражданскую дѣятельность. Тогда прекрасный семьянинъ самымъ совѣстливымъ образомъ дѣлается взяточникомъ: родные человѣчки Фамусова наполняютъ мѣста; судья кривитъ душою и государственный человѣкъ заставляетъ страдать десятки тысячъ, чтобы удивить и обрадовать одну нѣжно любимую личность. Мнѣ нѣтъ ни времени, ни возможности, мм. гг., изложить здѣсь, каковы бываютъ слѣдствія, когда государство имѣетъ въ виду лишь экономическія цѣли, когда формализмъ администраціи проникаетъ въ самыя естественныя отношенія экономическаго быта, когда регламентація или коммерческій разсчетъ давитъ на программу профессора, на фантазію художника, но гдѣ мы ни коснемся случая, когда идеалъ одного рода дѣятельности переносится въ другую, вездѣ мы встрѣтимъ зло, страданіе, неустройство, непониманіе дѣла или лицемѣріе. Это также естественно, какъ полученіе нелѣпаго результата въ математической выкладкѣ, когда формула, выведенная и годная для одного случая вопроса, примѣняется къ другому. Въ прошлой бесѣдѣ мы видѣли еще аналогическое явленіе, перенесеніе вопросовъ жизни и знанія въ творчество искусства, о чемъ я тогда же имѣлъ случай высказать свое мнѣніе. Резюмирую. Человѣкъ имѣетъ нѣсколько цѣлей жизни, нѣсколько дѣятельностей; онъ можетъ ограничиваться немногими изъ нихъ или участвовать въ бо́льшемъ числѣ ихъ; но, переходя изъ одной области въ другую, онъ долженъ преслѣдовать цѣль, соотвѣтствующую послѣдней; иначе, его дѣятельность будетъ вредна или уродлива. Это второе проявленіе *философіи въ жизни.*

Если она требуетъ для каждаго житейскаго идеала *сознанія* его, какъ идеала *частнаго*, *пониманія* его, какъ идеала *отдѣльнаго*, то въ ней заключается еще третье, и самое трудное требованіе—требованіе *угадыванія* его, какъ идеала исторически-*очереднаго.*

Слова: семейство, родъ, экономическія отношенія, политическое устройство, наука, искусство, метафизика, религія не суть законченныя опредѣленныя понятія, въ которыхъ нельзя прибавить или убавить ни одной черты. Эти слова въ разныя эпохи выражали различный смыслъ; идеалъ семьянина для еврея временъ Авраама, для римлянина временъ Тарквинія-Гордаго, для феодала крестовыхъ походовъ и для человѣка нашего времени такъ же различенъ, какъ понятіе о гражданской обязанности въ тѣ же періоды времени. Медленно, но постоянно измѣняется содержаніе, подразумѣваемое подъ

этими словами. Въ каждое мгновеніе исторіи относительно каждаго изъ этихъ вопросовъ представляется нѣсколько оттѣнковъ нравственныхъ идеаловъ. Одни изъ нихъ суть остатки старины, освящены преданіемъ, обычаемъ, рутиною. За нихъ стоитъ все то, что боится развитія, боится поколебать существующее, потому что не сознаетъ въ себѣ силы замѣнить его новымъ. Другіе суть разные опыты будущихъ, еще неосуществленныхъ общественныхъ формъ; нѣкоторые изъ нихъ не могутъ жить и умрутъ неосуществившись; иные должны осуществиться еще чрезъ долгій періодъ времени; но иныя стоятъ на очереди: общественныя потребности, наука, вѣрованія—все ихъ подготовило. Если эти новые общественные идеалы не воплотятся въ общественныя формы, то общество приметъ въ себя зародышъ опасной, иногда смертельной болѣзни. Они должны быть воплощены, чтобы общество могло развиваться. Они составляютъ *жизненные* вопросы общества въ данную минуту. Высшее проявленіе философіи въ жизни, высшая практическая *мудрость* заключается именно въ *угаданіи* этихъ вопросовъ, среди множества другихъ, кипящихъ одновременно съ ними въ средѣ общества; она заключается во внесеніи этихъ исторически-очередныхъ идеаловъ въ наше убѣжденіе, и потомъ въ служеніи словомъ, дѣломъ, жизнью этому убѣжденію. Часто эти жизненные вопросы инстинктивно притягиваютъ къ себѣ массу, и тогда, при неудержимомъ давленіи обстоятельствъ, доставляютъ торжество своимъ защитникамъ. Но успѣхъ не есть всегда признакъ превосходства идеаловъ. Исторія не есть арена, гдѣ торжествуетъ всегда правый,—нѣтъ, иногда истинные философы жизни, истинные защитники справедливаго идеала падаютъ въ борьбѣ вслѣдствіе обстоятельствъ, которыя доставляютъ торжество партіи ложной мудрости, и только чрезъ нѣсколько вѣковъ приходитъ пора торжества правды. Иногда она вовсе не приходитъ и общество каменѣетъ подъ тяжестью ложныхъ общественныхъ идеаловъ; оно теряетъ истинную философію жизни и проходящіе годы представляютъ картину рождающихся и умирающихъ поколѣній человѣкообразныхъ единицъ, совершающихъ каждый день болѣе или менѣе хорошо одно дѣло, потомъ другое, потомъ третье; но жизнь ихъ не представляетъ ни цѣли, ни развитія.

Всѣ отрасли человѣческой дѣятельности могутъ въ разное время быть главными жизненными вопросами для общества. Переводъ греческихъ философовъ во время возрожденія, появленіе тяжелыхъ томовъ энциклопедіи, представленіе ко-

медіи Бомарше, появленіе въ 1835 г. богословскаго сочиненія, взъерошеннаго греческими и еврейскими цитатами, [1])— все это были жизненные вопросы для современнаго общества. Во имя науки и литературы здѣсь шла борьба между началомъ жизни и началомъ смерти. Но подобныя явленія рѣдки въ исторіи. Бо̀льшею частью наука и искусство остаются внѣ жизненныхъ вопросовъ, которые ограничиваются опредѣленіемъ семейныхъ, родовыхъ, экономическихъ и политическихъ отношеній. Тогда жизнь какъ бы противополагается наукѣ и творчеству; ученые, художники и мыслители становятся какъ бы внѣ общаго теченія дѣлъ. Тогда жизнь не хочетъ знать правъ науки и творчества; она создаетъ нѣчто ихъ замѣняющее, гдѣ ея цѣли стоятъ на первомъ планѣ. Рядомъ со строгой, безстрастной наукой создается наука публицистовъ, часто неточная, поверхностная, неприличная и увлекающаяся, но служащая началу развитія въ данную минуту болѣе, чѣмъ истинное знаніе. Рядомъ съ жрецами красоты являются авторы, пренебрегающіе формою, но сильные патетическимъ дѣйствіемъ, потрясающіе массу болѣе, чѣмъ истинные художники. Техническіе вопросы становятся выше теоретическихъ; общество требуетъ отъ своихъ членовъ не открытій въ формѣ кристалловъ, въ паяхъ тѣлъ нитро, въ точномъ чтеніи стиха Пиндара, не успокаивающихъ формъ безсмертной красоты; оно хочетъ, чтобы ему говорили о его нуждахъ, о его ранахъ, о его желаніяхъ. Какъ больной, оно хочетъ лѣченья, а не уроковъ, не удовольствій. Это состояніе опасно, если оно продолжительно; оно можетъ привести къ отупѣнію научнаго смысла, эстетическаго вкуса. Но если оно обозначаетъ кризисъ болѣзни, если есть надежда на скорое выздоровленіе, то оно естественно, и тогда жизненная обязанность становится выше обязанности личнаго призванія. Ученый и художникъ—тоже люди того же общества; они должны раздѣлять его боли, должны сочувствовать его желаніямъ. Если они не только ученые и художники, но истинные *люди*, то безъ всякой натяжки, безо всякаго придумыванія, жизненные вопросы станутъ предъ ними въ ученой или художественной формѣ. Ученый выберетъ для изслѣдованія то, что имѣетъ болѣе или менѣе отношенія къ современному дѣлу; художникъ и мыслитель невольно воплотятъ въ свои произведенія, въ свою философскую теорію слезы и жажду своихъ братій. Но пусть они

[1]) Подъ этимъ сочиненіемъ Лавровъ разумѣетъ «Жизнь Іисуса» Штрауса, которую не могъ назвать прямо, по цензурнымъ условіямъ Россіи 60-хъ годовъ. Р е д.

этого не могутъ; они не настолько прониклись современнымъ духомъ, чтобы послѣдній тяготѣлъ надъ ихъ занятіями. Вопросы современные ихъ трогаютъ, но когда они наединѣ со своей ученой мыслью, съ своимъ творчествомъ,—другія задачи, другіе образы встаютъ неудержимо предъ ними. Пусть тогда не насилуютъ своей мысли. Андре Шенье, который писалъ свои ароматическія стихотворенія во время бурь революціи, былъ не худшій гражданинъ, чѣмъ его братъ Мари Жозефъ, авторъ «Карла IX» и «Тимолеона»; а въ искусствѣ между ними и сравненія быть не можетъ: дѣло не въ судѣ надъ ихъ убѣжденіями, но въ томъ самоотверженіи, съ которымъ они дѣйствовали согласно своимъ убѣжденіямъ. Но Андре Шенье не все писалъ элегіи: онъ сдѣлался публицистомъ на службу своей мысли, онъ говорилъ рѣчи; онъ *дѣйствовалъ*. Когда идетъ борьба за отечество или за идею, пусть въ минуту отдыха зоологъ въ своемъ кабинетѣ изслѣдуетъ формы инфузорій; пусть скульпторъ въ своей мастерской отдѣлываетъ голову Афродиты. Но минута настала, когда они, не какъ ученые, не какъ художники, но какъ люди, нужны въ рядахъ своихъ единомышленниковъ; тогда они—нравственные уроды, если не бросятъ микроскопа и рѣзца, чтобы дѣломъ, жизнью служить отечеству или идеѣ.

Такимъ образомъ, философія въ жизни проявляется въ осмысливаніи процесса жизни; она связываетъ частный идеалъ данной временной дѣятельности съ общимъ идеаломъ человѣческой дѣятельности; она различаетъ цѣли частныхъ дѣятельностей одну отъ другой, не дозволяя переносить цѣль изъ одной области въ другую; она, наконецъ, является пророческимъ провидѣніемъ истиннаго жизненнаго вопроса среди массы вопросовъ, его окружающихъ. Она пропитываетъ убѣжденіе человѣка сознаніемъ историческаго положенія общества и говоритъ ему: «вотъ справедливое; борись и, если нужно, умри за него!»

Человѣкъ является, такимъ образомъ, двигателемъ въ исторіи; онъ является создателемъ событій, во имя общественнаго идеала, въ которомъ гармонически совокупляются цѣли: личныхъ привязанностей, пользы, политическаго устройства и духовныхъ потребностей. Въ каждую эпоху этотъ идеалъ измѣняется постепенно, медленно, но неудержимо. Среди гремящихъ событій, гдѣ попеременно торжествуютъ тѣ и другія партіи, философія жизни, преслѣдуя постоянно идеалъ, сообразнѣйшій эпохѣ, совершаетъ свой особый процессъ, воплощаясь въ *нѣкоторыя* характеристическія со-

бытія; ея органами являются нѣкоторыя личности, и около этихъ-то событій, около этихъ-то личностей бѣжитъ въ разнообразныхъ формахъ всемірная исторія, замѣняя для поверхностнаго наблюдателя основной процессъ философіи жизни. Пониманіе этого процесса, какъ единаго стройнаго цѣлаго, обуславливающаго собою сущность всего остальнаго, это— *философія исторіи*, входящая въ философію знанія, о которой мы говорили въ первой нашей бесѣдѣ.

Каждый человѣкъ въ этомъ процессѣ исторіи представляется намъ, какъ общая вершина двухъ конусовъ. Внѣшній міръ даетъ ему матеріалъ жизни, окружаетъ его своимъ вліяніемъ, вырабатываетъ въ немъ мозгъ для мышленія, придаетъ ему воспріимчивость и дѣлаетъ его способнымъ развиваться. Исторія подсказываетъ ему съ дѣтства матеріалъ мышленія, убаюкиваетъ его преданіями, научаетъ его критикѣ, ставитъ предъ нимъ жизненные вопросы, вліяетъ на него обстановкой, словами и примѣрами окружающихъ личностей. Въ процессѣ сознанія этотъ матеріалъ перерабатывается въ новые вопросы науки и жизни, въ новые идеалы, и, такимъ образомъ, человѣкъ въ его единствѣ представляется результатомъ внѣшняго міра, исторіи и собственнаго сознанія.

Но въ этой единой личности начинается новый процессъ. Внѣшнія впечатлѣнія перерабатываются въ законы природы, въ теоріи природы, въ системы философіи природы; изъ отвлеченныхъ фактовъ человѣкъ создаетъ *природу* по законамъ своего творчества. Онъ дѣйствуетъ, и его дѣятельность заключается въ созданіи художественныхъ идеаловъ, въ воплощеніи нравственныхъ идеаловъ. Онъ за нихъ борется и свои дѣйствія бросаетъ, какъ сѣмена, на почву окружающаго міра; изъ нихъ выростаетъ новый безконечный рядъ событій, выростаетъ будущая *исторія*. Наконецъ, и каждую минуту, вооруженный критикою знанія, критикою жизни, онъ перестраиваетъ *свой внутренній міръ*, перерабатываетъ свое сознаніе, укрѣпляя свой характеръ и проникая мыслью въ связь и значеніе всего окружающаго. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ есть источникъ природы, источникъ исторіи, источникъ собственнаго сознанія.

Въ общечеловѣческомъ существѣ коренится вся *философія знанія*, изъ живого историческаго человѣка объясняется его *философія творчества*, особенность его личности опредѣляется его *философіею жизни*. И онѣ взаимно дѣйствуютъ одна на другую. Философія знанія каждаго человѣка, единство, внесенное имъ въ свои свѣдѣнія, выборъ того узла, съ

котораго онъ начинаетъ захватывать шаръ всего сущаго нитями своего мышленія (если припомните сравненіе нашей первой бесѣды),—все это объясняется нравственными, художественными, религіозными идеями, подъ вліяніемъ которыхъ онъ живетъ. Только тогда появится истинная исторія философскихъ системъ, когда каждая изъ нихъ представится психологически-необходимымъ результатомъ современной ей исторической жизни и частной жизни мыслителя. Гегель сказалъ: «Философія есть ея время (прибавимъ: и личность философа), схваченное въ мысли». Онъ самъ не выполнилъ этого положенія, но исторія философіи должна стремиться осуществить его. Какъ философія знанія зависитъ отъ двухъ другихъ проявленій философіи, такъ, наоборотъ, нѣтъ нужды объяснять, что критика творчества, его философія есть та же философія знанія, но въ формѣ критики, являющаяся судомъ творческихъ произведеній. Наконецъ, въ философіи жизни находимъ только въ частномъ процессѣ приложеніе дѣятельности, которая, обращенная на все мыслимое, создаетъ философію знанія, обращенная на все созданное, является философіею творчества.

И, вотъ, я становлюсь предъ послѣднимъ вопросомъ нашихъ бесѣдъ: я вамъ, мм. гг., указалъ одинъ элементъ науки и сказалъ: это—философія знанія; то же я сдѣлалъ при разборѣ творчества и жизни. Но имѣлъ ли я на это право? Нѣтъ ли противорѣчія въ употребленіи одного и того же слова въ разныхъ областяхъ, съ разнымъ смысломъ? Если нѣтъ, то изъ пониманія философіи знанія, философіи творчества, философіи жизни, мы должны извлечь понятіе о процессѣ, общемъ всѣмъ тремъ, и снова ставимъ нашъ начальный вопросъ, что же такое философія?

Философія въ знаніи есть построеніе всѣхъ свѣдѣній въ стройную систему, пониманіе всего сущаго, какъ единаго, *единство въ пониманіи.* Философія въ творчествѣ есть внесеніе пониманія міра и жизни въ творческую дѣятельность, воплощеніе понятаго единства всего сущаго въ образъ, въ стройную форму, *единство мысли и формы.* Философія въ жизни есть осмысленіе ежедневной дѣятельности, внесеніе пониманія всего сущаго, какъ единаго, въ нашу дѣятельность, воплощеніе понятаго единства всего сущаго въ практическій идеалъ, *единство мысли и дѣйствія.* Довольно сблизить эти выраженія, чтобъ въ нихъ прочесть отдѣльные термины одного понятія, отдѣльные признаки одной дѣятельности.

Философія есть пониманіе всего сущаго, какъ единаго, и воплощеніе этого пониманія въ художественный образъ и въ нравственное дѣйствіе. Она есть процессъ отожествленія мысли, образа и дѣйствія.

Въ человѣкѣ рядомъ съ философіей присутствуютъ другія дѣятельности: научная, художественная, религіозная. Покажемъ ихъ различіе отъ предмета, насъ занимающаго.

Наука есть сумма свѣдѣній, проникнутыхъ философскимъ мышленіемъ, но въ ней главный интересъ въ свѣдѣніяхъ, въ фактахъ, а не въ ихъ построеніи. Наукѣ принадлежитъ и фактъ еще неосмысленный, несоглашенный съ прочими, не вошедшій въ теорію, неуясненый гипотезою. Научная дѣятельность вся поглощена собираніемъ фактовъ и опредѣленіемъ ихъ относительной вѣроятности. Философія не есть наука; она есть только дѣятельность, строющая науку, и безъ нея бы не существовало ни одной науки.

Искусство преслѣдуетъ красоту, стройную форму, оживленную паѳосомъ художника: форма здѣсь существенное, и только потому влечетъ за собою паѳосъ, что художникъ—живая личность; полнота содержанія ненужна, воплощеніе одной жизненной черты достаточно, чтобъ оживить форму. Философія преслѣдуетъ тоже форму, но соотвѣтствующую содержанію. Для нея самое важное—содержаніе; форма должна ему подчиняться, къ нему приладиться. Философія не искусство, но безъ нея не было бы ни одного прекраснаго произведенія, не существовало бы патетизма, а лишь стройные этюды разныхъ родовъ.

Религіозная дѣятельность довольно сходна съ философскою по своимъ цѣлямъ, но рѣзко отличается отъ нея по состоянію духа личностей: вѣра есть существенный признакъ одной, критика—необходимое условіе другой.

Такимъ образомъ, философія, отличаясь отъ прочихъ дѣятельностей человѣческаго духа, оживляетъ ихъ всѣ, сообщаетъ имъ человѣческую сторону, осмысливаетъ ихъ для человѣка. Безъ нея наука—сборникъ фактовъ, искусство—вопросъ техники, жизнь—механизмъ. *Философствовать, это—развивать въ себѣ человѣка, какъ единое стройное существо.*

Я кончаю. Но мнѣ кажется, что я обязанъ сдѣлать еще одно замѣчаніе, отвѣтить еще на одинъ возможный вопросъ. Что же мы дѣлали на этихъ бесѣдахъ? куда ихъ отнести? къ наукѣ, къ философіи, къ искусству, къ литературѣ, жизни? какую рубрику написать на нихъ?—Что наши бесѣды не чужды жизни, это доказываетъ мнѣ ваше сочувствіе, но

жизнь ставитъ вопросы, а не даетъ матеріалъ ихъ рѣшенія. Относительно искусства тутъ нѣтъ и рѣчи; не форма нашихъ бесѣдъ, а ихъ содержаніе существенно. Казалось бы, что всего ближе отнести къ философіи бесѣды, въ которыхъ она составляетъ главный предметъ; но мы видѣли, что философія, оживляя все, до чего она касается, не имѣетъ никакого ей отдѣльно принадлежащаго матеріала. Точно также, какъ искусство имѣетъ только свои формы, какъ жизнь есть только процессъ, а матеріала своего не имѣютъ. *Весь матеріалъ искусства, жизни, философіи принадлежитъ наукѣ.* Къ ней мы должны обратиться, чтобы отыскать рубрику, къ которой можемъ отнести наши бесѣды.

Разъ усвоивъ область нашей дѣятельности, намъ легко уже найти, въ частности, мѣсто, гдѣ мы находимся. Нашъ исходный пунктъ былъ: *анализъ человѣческаго желанія*; нашъ конечный пунктъ: *развитіе человѣка, какъ стройное цѣлое.* Слѣдовательно, мы находимся въ округѣ *антропологіи*, науки о человѣкѣ. Она есть цѣль, къ которой стремится вся философія знанія; изъ нея почерпали мы матеріалъ и для нашихъ бесѣдъ. Мы изслѣдовали человѣка, старались въ различныхъ отрасляхъ его дѣятельности найти характеристическіе факты его бытія и свести эти факты къ единству. Человѣкъ, какъ познающій, творящій и живущій, явился намъ *единымъ развивающимся человѣкомъ* и сущность этого *единства развитія* оказалась *философствованіемъ.*

Я кончилъ, и мнѣ остается только поблагодарить васъ, мм. гг., за ваше вниманіе.

Моимъ критикамъ [1].

Sine ira...

I.

Два значительные органа петербургской журналистики отнеслись очень неблагопріятно о направленіи моихъ трудовъ. Г. Антоновичъ въ «Современникѣ» разобралъ цѣлый рядъ моихъ статей съ цѣлью доказать несостоятельность и внутреннее противорѣчіе моихъ воззрѣній! Г. Писаревъ въ «Русскомъ Словѣ» отвелъ мнѣ уголокъ въ своей картинѣ схоластики XIX вѣка. Мнѣ хотѣлось бы отвѣчать подробно обоимъ моимъ критикамъ, но подробный отвѣтъ требуетъ значительнаго времени, котораго я теперь не могу удѣлить на полемическую статью. Если г. Антоновичъ мнѣ, между прочимъ, выговаривалъ, что я «наводнилъ своими статьями почти всѣ наши толстые журналы [2])», то онъ можетъ успокоиться: можетъ быть, весьма надолго я долженъ буду очень ограничить свое участіе въ журналахъ. Этому отвѣту, вынужденному обстоятельствами, я постараюсь придать возможно ограниченный размѣръ, и потому, къ большому моему сожалѣнію,

---

[1]) «Русское Слово» 1861 г., №№ 6 (гл. I) и 8 (гл. II). Полная подпись. Статья написана въ отвѣтъ на критику философіи Лаврова, исходившую отъ матеріалистовъ М. А. Антоновича («Современникъ» 1861 г., № 4, стр. 349—418, ст. «Два типа современныхъ философовъ») и Д. И. Писарева («Русское Слово» 1861, № 5, ст. «Схоластика XIX вѣка», гдѣ Лаврову посвящены стр. 74—82; въ собр. соч. Писарева, изд. Павленкова, Спб. 1894 г., см. т. I, стр. 363—370).

[2]) По пути исправляю ариѳметическую ошибку моего критика: изъ 6 петербургскихъ и 2 московскихъ толстыхъ журналовъ лишь въ трехъ журналахъ я помѣщалъ до сихъ поръ статьи; 3/8 не только не близко къ 1, но менѣе ½.

ему не будетъ доставать надлежащей полноты. Отвѣчаю потому, что считаю необходимымъ предохранить читателей отъ нѣкоторыхъ невѣрныхъ истолкованій моихъ мыслей, неточныхъ сближеній моихъ выраженій, и излишне поспѣшнаго объясненія моихъ мнѣній въ смыслѣ, котораго я не могу допустить не въ интересахъ самолюбія, а въ интересахъ истины. На всѣ частности нападеній отвѣчать я не буду, но, возразивъ на главные пункты, постараюсь показать, почему я вижу въ данной системѣ единственно главную и единственно возможную въ наше время точку зрѣнія на вопросы науки, искусства и жизни.

Во-первыхъ, по пути, отклоняю возраженіе г. Писарева о томъ, что въ моихъ бесѣдахъ о современномъ значеніи философіи [1]) я намѣренъ былъ изложить вполнѣ свою систему. Начиная бесѣды съ публикою, которой въ продолженіе очень долгаго времени ничего не говорили о философіи, я хотѣлъ только указать на нѣкоторые вопросы и устранить нѣкоторые грубые предразсудки, вкравшіеся какъ въ исторію предмета, такъ и въ общественный взглядъ на него. Я считалъ своею обязанностью говорить о начальныхъ понятіяхъ (которыя, по мнѣнію моего рецензента, преподаются въ каждой гимназіи), потому что эти начала весьма плохо извѣстны. Можетъ быть, г. Писаревъ такъ счастливъ, что слышалъ превосходное изложеніе логики и психологіи, но за большинство публики можно совершенно поручиться, если кто занимался логикой и психологіей въ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то преимущественно по тетрадкамъ, гдѣ современно-научные вопросы играли самую жалкую роль. Мимоходомъ сказать и то, что настоящее разграниченіе и методика психологіи и логики именно въ наше время составляютъ одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ, и тотъ, кто бы построилъ дѣйствительно полную, научно-основательную систему этихъ предметовъ, оказалъ бы весьма важную заслугу современности. Если мнѣ удалось заинтересовать слушателей указаніями на вопросы, возбуждающіеся при философскомъ воззрѣніи на предметы, если удалось возбудить въ иныхъ желаніе заняться и подумать объ этомъ дѣлѣ, то моя цѣль достигнута. Мнѣ было бы весьма пріятно, если, кромѣ того, мнѣ удалось убѣдить кого-либо изъ моихъ слушателей, что философія не есть какая-либо отдѣльная наука, но, подобно поэзіи, резуль-

[1]) «Три бесѣды о современномъ значеніи философіи», напечатаны въ этомъ же выпускѣ. Ред.

татъ одного изъ процессовъ нашего духа, результатъ, доставляющій цѣльность и единство научнымъ свѣдѣніямъ, одушевляющій формы искусства, осмысливающій процессъ жизни; что всѣ метафизическія теоріи или философскія системы суть различныя воззрѣнія на тѣ же факты науки, но разсмотрѣнныя съ различныхъ точекъ зрѣнія; что всѣ нравственные идеалы въ ихъ разнообразіи не противорѣчатъ началу наслажденія, но суть только разнообразныя его развитія; что критика есть всегдашнее право и обязанность человѣка относительно всего, что его окружаетъ въ мірѣ науки, искусства и жизни; что въ односторонности нравственныхъ идеаловъ, въ ихъ перенесеніи изъ одной сферы въ другую заключается главная масса зла и страданій жизни и т. д.—Публичныя лекціи, по моему взгляду на предметъ, могутъ имѣть цѣлью не строго научное построеніе выводовъ, но возбужденіе въ слушателяхъ интереса къ нѣкоторому роду занятій. Публичная лекція должна быть такова, чтобы слушатель, почти не приготовленный, могъ на ней присутствовать, не бывъ ни на предыдущей, ни на послѣдующей, чтобы онъ вышелъ изъ нея съ *вопросами,* возбужденными ею въ немъ, вопросами, о которыхъ онъ прежде не думалъ. Для строго систематическаго построенія есть спеціальныя лекціи, требующія постояннаго посѣщенія, спеціальныя сочиненія, требующія внимательнаго и послѣдовательнаго чтенія, извѣстной подготовки и т. п. Но перехожу къ самому дѣлу.

Есть два рода философскихъ системъ, противъ которыхъ приходится спорить: однѣ—прямо отжившія и носящія въ себѣ на каждомъ шагу внутреннее противорѣчіе, подмазываемое разными средствами; другія—болѣе послѣдовательныя, но страдающія неполнотою, и которыя потому лишь недостаточны, что не обнимаютъ вопросовъ, неизбѣжныхъ въ каждой философской системѣ. Эти послѣднія—самыя упорныя, и людей, стоящихъ на этой точкѣ зрѣнія, всего неудобнѣе убѣждать. Для нихъ все связано въ ихъ теоріи и они видятъ непослѣдовательность во взглядахъ, гдѣ дается значеніе и тѣмъ неопровержимымъ фактамъ, которые у нихъ остаются въ сторонѣ.

Къ школѣ перваго рода принадлежитъ группа нѣмецкихъ писателей, которыхъ я разбиралъ въ «Русскомъ Словѣ», въ статьѣ 1859 г. [1]); сюда же принадлежитъ г. Новицкій, о

[1]) Ст. «Современные германскіе тенеты», см. III выпускъ этой серіи. Ред.

сочиненіи котораго я помѣстилъ статью въ томъ же журналѣ въ нынѣшнемъ году [1]). Идеализмъ Гегеля и матеріализмъ составляютъ въ наше время двѣ школы второго рода; первая отжила исторически, но еще не побѣждена философски, потому что нѣтъ утвердившейся теоріи, охватывающей ее, какъ часть болѣе полнаго цѣлаго. Вторая сильна своимъ современнымъ историческимъ значеніемъ. Чрезвычайно простая и наглядная, чуждая всѣхъ уступокъ, отличное орудіе въ борьбѣ противъ всѣхъ существующихъ предразсудковъ и господствующихъ идеаловъ, она привлекаетъ симпатіи большинства живого современнаго поколѣнія и стремится утвердиться съ тою исключительностью, которая свойственна всякому ученію, выносимому исторической волной на поверхность современной жизни. Эта школа выставила обоихъ моихъ оппонентовъ, но послѣдній, г. Писаревъ, высказалъ съ бо́льшею откровенностью главный аргументъ школы. Она современна и подходитъ, по его мнѣнію, къ духу русскаго народа; поэтому онъ полагаетъ, что всѣ другія школы должны умолкнуть и спорить съ ними не стоитъ. Объ умозрительной философіи и говорить несовременно. —Вотъ мое мнѣніе... вы скажите ваше... а спорить намъ не для чего. Читатели рѣшатъ дѣло.—Устраненіе самаго спора, борьбы мысли, индифферентизмъ къ результату, презрѣніе ко всевозможнымъ аргументамъ, когда большинство лицъ, не привыкшихъ къ аргументаціи, на нашей сторонѣ,—это очень обыкновенное явленіе въ борьбѣ школъ, и я считаю, что это едва ли, въ самомъ дѣлѣ, не выгоднѣйшій маневръ матеріализма въ борьбѣ съ современными противниками. Съ спиритуалистами легко возиться, но діалектика идеалистовъ нѣсколько покрѣпче; по крайней мѣрѣ, я съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта моихъ философскихъ оппонентовъ статьѣ г. Юркевича [2]), хотя сомнѣваюсь, чтобы они дали надлежащій отвѣтъ, возражающій аргументъ за аргументомъ, а не отзывающійся о цѣломъ по нѣсколькимъ отрывочнымъ фразамъ. Впрочемъ,

---

[1]) Отзывъ о книгѣ Ор. Новицкаго въ этомъ выпускѣ. Ред.

[2]) Его имя, по непонятному забвенію, не упомянулъ ни г. Антоновичъ, ни г. Писаревъ въ своихъ обзорахъ русской философіи, точно такъ же, какъ имя г. Гилярова-Платонова, т. е., забыли самыхъ сильныхъ нашихъ современныхъ діалектиковъ. Можно не раздѣлять ихъ взгляды, но умолчать—не слѣдовало. (Статьи П. Д. Юркевича, критикующія матеріализмъ съ гносеологической точки зрѣнія, появились въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» и «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1860–61 гг. Статьи Н. П. Гилярова-Платонова въ «Русской Бесѣдѣ» 1858—60 гг. Ред.).

г. Писаревъ, вѣроятно, найдетъ, что не стоитъ терять время на *словопренія*. Статья г. Юркевича сама довольно длинна и обыкновенными журнальными читателями будетъ вовсе оставлена въ сторонѣ, даже въ извлеченіи, сдѣланномъ «Русскимъ Вѣстникомъ». Она на публику впечатлѣнія не произведетъ, и можно будетъ повторить снова: *физіологія доказала* то-то и то-то, предоставляя читателямъ вѣрить на слово, что подобное доказательство существуетъ; аргументы же г. Юркевича можно пропустить мимо ушей. Въ борьбѣ жизни не всегда писатель имѣетъ время отдать самому себѣ добросовѣстный отчетъ, выслушалъ и опровергъ ли онъ *для себя* возраженія противниковъ. Проще ихъ не слушать.

Когда я писалъ о гегелизмѣ и матеріализмѣ (въ статьяхъ, требующихъ теперь значительной переработки,) [1]), я не становился на точку зрѣнія какой-либо философской системы. Я старался лишь съ культурно-исторической точки зрѣнія, при помощи сочиненій, въ большинствѣ недоступныхъ публикѣ, показать, на какихъ пунктахъ идетъ борьба, гдѣ сила и слабость борющихся партій, но я принялъ тогда же одно руководящее начало: *скептицизмъ въ отношеніи всякой метафизической теоріи* [2]). Вопросы о сущности вещей недоступны человѣку, который можетъ говорить только объ явленіяхъ. Такъ какъ тутъ представляется одинъ изъ важныхъ пунктовъ нападенія г. Антоновича, то остановлюсь на немъ, тѣмъ болѣе, что онъ естественно меня приводитъ къ основнымъ вопросамъ матеріализма.

Г. Антоновичъ меня упрекаетъ, что, говоря о сущности, я нигдѣ не уясняю, какъ я ее понимаю: онъ въ этомъ правъ. Но зачѣмъ онъ, какъ мнѣ кажется, смѣшиваетъ *метафизическія* понятія о *сущности* съ *научными* понятіями о *законахъ* явленій, объ отвлеченныхъ *обобщеніяхъ* предметовъ и т. д. Возьмемъ примѣръ, чѣмъ я и пополню сдѣланное мною упущеніе относительно уясненія слова сущность, въ его разныхъ значеніяхъ. Я вижу блескъ, и спрашиваю: что это такое? Если мнѣ скажутъ: это свѣтовое явленіе, то, собственно, отвѣта никакого мнѣ не дали, потому что полученное ощущеніе блеска есть частный случай, подводимый подъ общее понятіе свѣтового явленія. Мнѣ могутъ отвѣтить: это

[1]) Статьи о Гегелѣ («Гегелизмъ» и «Практическая философія Гегеля») см. въ I выпускѣ настоящей серіи. Статья о матеріалистахъ («Механическая теорія міра») въ этомъ выпускѣ. Ред.

[2]) Въ «Русскомъ Словѣ» напечатано «метафизической исторіи», это—очевидная обмолвка, которую мы исправляемъ. Ред.

явленіе космическое или атмосферическій метеоръ, или химическій процессъ, или субъективное явленіе. Все это научныя объясненія, т. е., приведеніе даннаго явленія къ другимъ, которыя показываютъ мнѣ мѣсто, гдѣ произошло явленіе, какія явленія ему *предшествовали* и т. п. Иногда употребляютъ здѣсь слово *сущность* въ смыслѣ того, что разсматриваемое явленіе произошло отъ такого-то другого явленія,—такъ, можно сказать: химическій процессъ составляетъ сущность пламени. Подобное же *научное* значеніе имѣетъ слово сущность, когда математическое дѣйствіе мы сводимъ на простѣйшее (напр., умноженіе по своей сущности есть сложеніе равныхъ слагаемыхъ), когда выражаемъ общей формулой группу явленій (напр., сущность явленій тяжести составляетъ законъ, что ускоренія движеній обратно пропорціональны квадратамъ разстояній, и т. д.). Все это—научныя обобщенія, которыя не суть миѳы, кумиры, но сознаются, какъ формулы или сведенія одного представленія на другое, не болѣе. Они невыдѣлимы изъ происходящихъ явленій, служатъ для ихъ удобнѣйшаго представленія, удержанія въ памяти, введенія въ рядъ болѣе сложныхъ процессовъ, и до тѣхъ поръ существуютъ въ наукѣ, пока явленія подъ нихъ подходятъ; ихъ всегда можно повѣрить на данномъ частномъ случаѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ хотя по-русски употребляется слово сущность, но ему не соотвѣтствуетъ substance, substantia, а essence, essentia.—Сущность, какъ субстанція, принадлежитъ уже не наукѣ, но метафизическому построенію. Если на упомянутый выше вопросъ мнѣ отвѣтятъ: это волнообразное движеніе невѣсомаго тѣла, наполняющаго вселенную,—эѳира, или: это откровеніе существа, которое не принадлежитъ здѣшнему міру, но даетъ знаменіе о себѣ,—въ обоихъ случаяхъ отвѣтъ относится къ метафизикѣ: я могу его принять или не принять, по степени моего развитія, настроенія и т. д., но никогда не долженъ поставить въ ряду убѣжденій на степень той достовѣрности, съ которой сужу о законахъ преломленія, отраженія и т. д., или той, съ которой я созналъ, что свѣтовое явленіе, субъективно или объективно, произошло дѣйствительно. Г. Антоновичъ напрасно полагалъ, что, сознавая тождественность формулъ, помощью которыхъ можно, съ одной стороны, группировать всѣ обстоятельства свѣтовыхъ явленій, а съ другой—вывести всѣ обстоятельства волнообразнаго движенія, —я этимъ самымъ сознаю существованіе эѳира: о послѣднемъ еще много будутъ толковать и онъ, какъ субстанція свѣта, будетъ, вѣ-

роятно, всегда подлежать сомнѣнію. Точно также уже теперь большинство мыслящихъ людей не допускаетъ предположенія, чтобы звуки, движенія и т. под. происходили отъ безтѣлесныхъ духовъ, предполагаемыхъ въ нѣкоторыхъ метафизическихъ представленіяхъ, но доказать можно только высшую степень невѣроятности этихъ представленій, а не ложность ихъ, такъ какъ подобныя сущности (субстанціи) не подлежатъ вовсе изслѣдованію. Вообще, всякое явленіе мы можемъ опредѣлить обстоятельственно, пространственно, хронологически и генетически (какъ послѣдствіе другихъ явленій), но послѣднее опредѣленіе есть единственное научное *объясненіе* даннаго явленія. Всякое объясненіе, выводящее читателя изъ круга другъ друга порождающихъ явленій, есть уже объясненіе метафизическое, вопросъ о *сущности* вещей и входитъ въ науку, лишь какъ вспомогательное предположеніе, какъ связь между фактами науки, а не какъ фактъ науки.

Мнѣ могутъ возразить, и съ видимою справедливостью, что есть цѣлый разрядъ наукъ, толкующій не о явленіяхъ, ихъ преобразованіяхъ и условіяхъ, но о предметахъ, въ которыхъ эти явленія происходятъ: это науки, которыя въ прежнее время, а иногда и теперь, группируются подъ названіемъ *естественной исторіи*,—науки описательныя. Говоря, что минералъ имѣетъ опредѣленный удѣльный вѣсъ, лучепреломляющую способность, что растеніе или животное имѣетъ извѣстныя органическія отправленія, мы ставимъ на первое мѣсто предметъ, а не процессъ, не отправленіе, не явленіе. Правда; но предметы, о которыхъ мы говоримъ, лишь непривычному уму представляются, какъ нѣчто самостоятельное. Мы ихъ познаемъ, какъ повторяющуюся группу явленій, преимущественно же эти предметы служатъ намъ, какъ ограниченіе явленій въ пространствѣ. Пока мы употребляемъ предметъ, какъ вспомогательное понятіе, мы можемъ его разсматривать, какъ нѣчто цѣлое; но лишь мы подвергаемъ его прямому научному разбору, то мы говоримъ о его *признакахъ*, т. е., опредѣляемъ въ пространствѣ и во времени явленія, которыхъ группа составляетъ предметъ. Поэтому предметы входятъ въ науку именно такъ же, какъ входили законы, обобщающіе явленіе, формулы, служащія для удобнѣйшаго удержанія явленій въ памяти. Это—вспомогательныя средства науки, для изученія круга явленій, переходящихъ одно въ другое: въ каждомъ частномъ случаѣ все это разлагается на самыя явленія въ ихъ реальности и доставляетъ наукѣ

единственный объектъ ея: *явленіе*, опредѣляемое въ его обстоятельствахъ, въ пространствѣ, во времени и въ его генетической зависимости отъ другихъ явленій. Поэтому можно сказать, что мы изъ явленій *строимъ предметы* и *законы* явленій.

(Замѣчу мимоходомъ, что я *никогда* и *нигдѣ* не сказалъ, что мы ихъ строимъ *произвольно*, *свободно*, какъ меня въ томъ обвиняетъ г. Антоновичъ. Введеніе этого *произвольно* въ мои слова есть клевета, и не совсѣмъ благовидная. Сама умозрительная философія, говоря о построеніи природы, вмѣсто ея изученія, говорила не о *произвольномъ* построеніи природы, а о выводѣ ея законовъ изъ *необходимыхъ* законовъ мышленія, предполагаемыхъ тождественными съ законами реальнаго міра. Единственная моя ошибка состоитъ въ томъ, что я, въ *двухъ разныхъ* сочиненіяхъ, писанныхъ въ *разное* время, употребилъ слово *строить* въ двухъ разныхъ значеніяхъ. Говоря о психологіи («Отеч. Зап.» 1860 г., № 4), [1]) я упрекалъ идеализмъ, что онъ *строитъ* міръ, не изучая его, т. е., предполагая тождественными законы мысли и законы реальныхъ процессовъ, пытается вывести систему міра изъ категорій мышленія. Говоря о способѣ познаванія на своихъ публичныхъ бесѣдахъ, я говорилъ о *построеніи* предметовъ и законовъ изъ явленій, какъ о необходимомъ вспомогательномъ средствѣ познаванія. Хотя слово было то же, но полагаю, что внимательный и *добросовѣстный* читатель не смѣшалъ бы два разныя значенія и не сказалъ бы, что я то же говорю: надо строить міръ, а не изучать его. Я приписываю это смѣшеніе или невниманію г. Антоновича или непривычкѣ различать разныя значенія того же слова, что весьма обыкновенно въ его лагерѣ. Что касается до приписыванія мнѣ мысли о *свободномъ* и *произвольномъ* построеніи предметовъ и законовъ, то я положительно это отвергаю, какъ клевету).

Но, употребляя безпрестанно названіе предмета, мы привыкаемъ къ мышленію его, какъ чего-то самостоятельнаго, какъ *пребывающаго* и *постояннаго* при измѣненіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ; воображеніе наше рисуетъ намъ непрерывное бытіе предмета рядомъ съ измѣнчивостью явленій, въ немъ происходящихъ, и охотнѣе останавливается на томъ, что неизмѣнно; охотнѣе придаетъ ему высшее значеніе, сравнительно съ явленіями, въ немъ происходящими. Вотъ здѣсь, когда мы,

[1]) Ст. «Современное состояніе психологіи», см. въ выпускъ VI настоящей серіи. Ред.

по закону нашего духа, стремящагося къ опредѣленности образовъ, ставимъ выше обобщающее представленіе предмета, чѣмъ реальный процессъ явленій, въ немъ происходящій, когда мы допускаемъ, что преимущественно важенъ непрерывно существующій предметъ, а не текущій рядъ явленій, когда мы допускаемъ, что первый имѣетъ самостоятельное бытіе, независимое отъ послѣдняго, тогда мы изъ научной формулы, изъ обобщающаго представленія сотворили миѳъ, кумиръ и перешли изъ науки, пользующейся формулами, въ метафизику, гдѣ формула пріобрѣла значеніе, ей не принадлежащее. Въ этомъ смыслѣ предметъ, разсматриваемый, какъ нѣчто самостоятельное, въ которомъ явленія суть маловажные признаки, есть *сущность* явленій. Этого значенія своимъ формуламъ наука не придаетъ и не допускаетъ, и потому всякій вопросъ о метафизической сущности, т. е., всякое допущеніе для формулы самостоятельнаго бытія внѣ реальныхъ процессовъ, ею обобщаемыхъ, ненаучно. Вотъ самое простое приложеніе правила: мы *сущности* вещей знать не можемъ, а знаемъ только ихъ явленія.

Но въ философскихъ системахъ ипостасированіе формулъ пошло дальше. Представленіе отдѣльнаго предмета еще служитъ къ опредѣленію явленій въ пространствѣ, а потому самое допущеніе самостоятельнаго бытія предметовъ внѣ явленій сохранило въ себѣ геометрическое условіе для явленій, часто полезное при ихъ соображеніи. Но, не останавливаясь на этихъ отдѣльныхъ сущностяхъ, метафизика стала говорить о сущностяхъ, общихъ *всему*, что доступно нашему познанію. Здѣсь представленія отдѣльнаго предмета нѣтъ и быть не можетъ, потому что геометрическая опредѣленность пропала. Очевидно, сущность здѣсь есть ипостасированная общая формула не только группы явленій, нами сознаваемыхъ. Отдѣльная группа въ пространствѣ дала бы опредѣленный предметъ. Собраніе *всѣхъ* явленій привело бы насъ къ суммѣ предметовъ: къ міру, ко вселенной, ко всему (das All), что есть представленіе, не качественно, но количественно разнящееся отъ отдѣльныхъ предметовъ. Чтобы перейти къ всеобщей сущности, мы должны прибавить еще свойство, конечно, заимствованное не изъ самихъ явленій, которыя вошли уже во *все*, а изъ нашего способа разсматриванія или изслѣдованія явленій, или, наконецъ, изъ вѣрованій, исторически намъ привитыхъ или метафизически нами созданныхъ. Такимъ образомъ, происходятъ сущности природы, вещества, духа, бога, безусловнаго и т. д. Остановлюсь лишь на первыхъ.

Прилагая къ *міру* эстетическое понятіе *стройности*, хотя мы находимъ вездѣ лишь *необходимую зависимость*, мы получаемъ *природу*; разсматривая ее, какъ всеобщую сущность, мы придаемъ формулѣ самостоятельное и преобладающее значеніе надъ процессами изучаемыхъ явленій; именно формулѣ, выражающей, что явленія, нами изучаемыя, происходятъ во всемъ пространствѣ, что они состоятъ въ необходимой зависимости одно отъ другого, и что мы стараемся, при ихъ группировкѣ, обнять ихъ, какъ художественное цѣлое. Всѣ три условія, вошедшія въ формулы, научны, и если, говоря о природѣ, мы подразумѣваемъ эти три факта, то мы—въ области науки. Если же мы придаемъ нашей формулѣ самостоятельное значеніе, несравненно высшее фактовъ, о которыхъ говоримъ,—если мы говоримъ о явленіяхъ, какъ о различныхъ проявленіяхъ главнаго предмета — природы, о томъ, что она намъ открываетъ и отъ насъ скрываетъ, то мы находимся въ области метафизики, мы поклоняемся миѳической *сущности* вещей.

Въ представленіи *вещества* и *духа* мы раздѣляемъ явленія по способу ихъ изслѣдованія. Есть явленія, которыя мы не можемъ узнать иначе, какъ чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, есть и такія, къ которымъ этотъ способъ неприложимъ. Первыя отличаются тѣмъ, что всѣ изслѣдователи могутъ одинаково слѣдить за ними, помощью своихъ внѣшнихъ чувствъ, и повѣрять другъ друга одновременнымъ наблюденіемъ. Послѣднія доступны одновременно лишь одному наблюдателю, тому, съ кѣмъ они совершаются: чувства (Gefühle), желанія, формы мысли, образы творчества суть примѣры послѣдняго. Эти два рода явленій даютъ раздѣленіе всего познаваемаго на *вещественныя* и *духовныя* явленія. Формула первыхъ есть *вещество*, вторыхъ—*духъ*. Какъ двѣ формулы, получаемыя чрезъ обобщеніе способа изслѣдованія этихъ явленій, онѣ существенно различны, и такъ же ошибочно подводить вещественныя явленія подъ формулу духа или духовныя подъ формулу вещества, какъ ошибочно сказать, что логариѳмъ есть корень алгебраическаго уравненія [1]) или

[1]) Я употребляю здѣсь математическія сравненія потому, что они наиболѣе идутъ къ дѣлу и, кромѣ того, г. Антоновичъ до нихъ самъ охотникъ, хотя, правду сказать, они составляютъ довольно слабую часть его статьи, направленной противъ меня. Между прочимъ, онъ противополагаетъ математическую безконечность метафизической, но я не могу съ нимъ согласиться, чтобы онъ ясно понялъ первую. Математика, дѣйствительно, даетъ весьма опредѣленное понятіе о безконечности, но не

что корова есть растеніе. Между тѣмъ, если въ алгебраическомъ уравненіи мы будемъ разсматривать показатель, какъ зависящее число, то придемъ къ разсмотрѣнію логариѳма, и, если разберемъ, откуда получила корова всѣ составныя части своего тѣла, то придемъ къ растительной пищѣ. Но совершенно другое дѣло подводить существа и явленія подъ общія понятія, и другое дѣло слѣдить за процессомъ ихъ происхожденія. Такъ какъ нельзя микроскопомъ или химическимъ реагентомъ изслѣдовать: больно ли мнѣ, страшно ли мнѣ, думаю ли я о ворѣ, обокравшемъ пріятеля, или о лордѣ Джонѣ Росселѣ, и что́ я объ нихъ думаю, то наука не можетъ подвести эти два явленія подъ формулу *вещества*. Формулы духа и вещества остаются для нея полярными противоположностями. Но метафизика придаетъ этимъ формуламъ самостоятельное значеніе, отдѣляя его отъ этихъ явленій, которыя подъ ними подразумѣваются. Спиритуализмъ говоритъ о двухъ самостоятельныхъ *сущностяхъ* духа и вещества, идеализмъ видитъ въ мышленіи *сущность* всего, матеріализмъ—въ *веществѣ*. Они всѣ научно неправы, потому что формулу, имѣющую смыслъ только какъ обобщеніе нѣкоторыхъ реальныхъ явленій, группированныхъ по способу воззрѣнія, разсматриваютъ какъ нѣчто самостоятельное, само по себѣ существующее, какъ нѣчто предшествующее явленіямъ и ихъ въ себѣ заключающее, а не какъ слѣдствіе обобщенія явленій нашею мыслью.—Но мой критикъ мнѣ говоритъ, что я сражаюсь съ вѣтряными мельницами, что настоящіе матеріалисты не думаютъ поклоняться *безсознательному богу*, что я нарочно создалъ себѣ призракъ, съ которымъ борюсь. Не стану спорить, во что вѣрятъ и чему поклоняются *настоящіе* матеріалисты. Эта почва очень не прочная: всегда подъ однимъ знаменемъ группируются вѣрующіе разныхъ оттѣнковъ, и каждый, когда споритъ противъ партіи, отрицаетъ въ другихъ тѣ оттѣнки, которыхъ не находитъ въ себѣ. Еще чаще, не продумавъ строго всѣхъ послѣдствій даннаго положенія, человѣкъ даннаго вѣрованія отрицаетъ его крайніе, но необходимые результаты. Но, поло-

---

похожее на то, что приводитъ г. Антоновичъ. Когда математикъ говоритъ: «десятичная дробь, равная $\sqrt{2}$, имѣетъ *безконечное* число знаковъ», или «асимптота гиперболы встрѣчаетъ кривую на *безконечномъ* разстояніи», или «параллельныя линіи пересѣкаются на *безконечномъ* разстояніи», то здѣсь дѣло совсѣмъ не о столь большомъ числѣ, что воображеніе тупѣетъ, а объ *отсутствіи предѣла* въ увеличеніи ряда чиселъ или пространства. Зачѣмъ трогать стороны знаній, плохо извѣстныхъ?

жимъ, я ошибся. Истинные матеріалисты не видятъ въ веществѣ ничего метафизическаго. Что же они понимаютъ подъ словомъ *вещество*? Г. Писаревъ, можетъ быть, найдетъ этотъ вопросъ неумѣстнымъ, потому что онъ о *словахъ* спорить не хочетъ. Я надѣюсь, что онъ когда-нибудь дойдетъ до убѣжденія, что, только уясняя себѣ употребляемыя нами *слова*, мы отдаемъ себѣ отчетъ и въ нашей *мысли*, и, только отдавши себѣ отчетъ въ своей мысли, становимся способными на полезное, разумное, человѣчное *дѣло*. Но объ этомъ не стану распространяться и обращаюсь къ г. Антоновичу, который, по крайней мѣрѣ, допускаетъ споръ. Онъ говоритъ: «понятіе о силѣ и веществѣ есть не что иное, какъ сумма всей совокупности впечатлѣній, производимыхъ внѣшнимъ міромъ на всѣ наши чувства и одною стороною психической дѣятельности на другую; это есть мысль въ высшей степени реальная, заключающая въ себѣ и обнимающая всю полноту бытія, подъ которую подходитъ все существующее, подобно тому, какъ общій законъ какой-нибудь науки заключаетъ въ себѣ реальность и содержаніе, принадлежащее всѣмъ явленіямъ, обнимаемымъ этимъ закономъ. Нѣтъ ничего, что бы не подходило подъ понятія о веществѣ и силѣ. Матеріалистъ беретъ, положимъ, вашу руку и говоритъ вамъ: обойдите всю природу, весь міръ, и вы нигдѣ не найдете предмета и явленія, которое бы, по извѣстнымъ признакамъ, по дѣйствію и отношенію къ вашимъ чувствамъ и вашему сознанію не походило на вашу руку и управлялось, вообще, другими законами, кромѣ тѣхъ, которымъ подчиняется ваша рука; различные признаки произведутъ на васъ и различное дѣйствіе, но въ этомъ дѣйствіи будетъ признакъ одинаковый, общій всѣмъ предметамъ, изъ которыхъ каждый подѣйствуетъ на васъ одинаково, произведетъ такое же впечатлѣніе, какъ и всѣ, и какое производитъ всякій актъ вашей психической дѣятельности на васъ, т. е., на другіе психическіе акты, являющіеся въ формѣ «Я». Этотъ-то общій элементъ, общій признакъ, выдѣлившійся естественно и необходимо изъ всей огромной массы частныхъ воспріятій, и заключается въ понятіи вещества и силы!» Я привелъ всю эту выписку, чтобы отрывочностью не исказить рѣчь моего рецензента, и чтобы читатель могъ провѣрить это опредѣленіе въ его цѣлости. Не хочу, слѣдуя способу умозаключенія г. Антоновича, сказать, что онъ самъ не понимаетъ ясно своей мысли, но признаюсь, что въ ея выраженіи нахожу столько спутанности, что не могу уяснить себѣ, какъ онъ понимаетъ сказанное. Во-пер-

выхъ, *вещество* и *сила* не *одно* понятіе, а *два*; вмѣсто *вещества* нельзя вставить въ рѣчь слово *сила* и наоборотъ. Во-вторыхъ, въ началѣ этого разсужденія и въ концѣ заключаются два противорѣчивыя опредѣленія одного и того же понятія: вначалѣ понятіе о силѣ и веществѣ есть *совокупность впечатлѣній* [1]), въ концѣ—*общій признакъ воспріятій*, но я полагаю, что всякій, привыкшій хотя нѣсколько употреблять слова не какъ попало, а сообразно ихъ смыслу, согласится, что общій признакъ, выдѣляемый изъ совокупности воспріятій, вовсе не тождественъ совокупности впечатлѣній, какой бы мы смыслъ ни придавали словамъ *впечатлѣніе* и *воспріятіе*, которыя, при современной анархіи въ психологіи, употребляются очень разнообразно, и мнѣ неизвѣстно, насколько ихъ различаетъ здѣсь г. Антоновичъ. Попробуемъ остановиться на первомъ опредѣленіи: разсмотримъ вещество и силу, какъ понятіе, соотвѣтствующее совокупности всего воспринимаемаго. Спрашивается, покрываютъ ли эти два понятія послѣднюю совокупность и связываются ли они неразрывно? Здѣсь мнѣ необходимо раздѣлить мысленно понятія вещества и силы; такъ какъ этого г. Антоновичъ не сдѣлалъ, то я принужденъ догадываться, какъ онъ ихъ различаетъ, и, конечно, могу легко ошибиться по неимѣнію данныхъ. По всей вѣроятности, понятіе силы онъ получаетъ отъ всѣхъ явленій, гдѣ видитъ какую-либо дѣятельность, относя сюда движеніе, измѣненія температуры, процессъ питанія, чувства, мысли и т. д.; вещество же для него есть все, въ *чемъ* происходятъ эти процессы. Повторяю, я дѣйствую по догадкѣ. Такимъ образомъ, всѣ *предметы*, воспринимаемые, какъ группы впечатлѣній, взятыя въ своей совокупности, составятъ *вещество*, а если мы ихъ мыслимъ въ ихъ различныхъ дѣйствіяхъ и взаимныхъ процессахъ, то получимъ *вещество, одаренное силою*, или *вещество* и *силу*. Если я правильно угадалъ, то я желалъ бы себѣ уяснить различіе, которое дѣлаетъ г. Антоновичъ между *всѣмъ* сущимъ (das All) и *веществомъ*? Опять-таки, вѣдь, нельзя замѣнить первое вторымъ, развѣ метафорически. Можно сказать: вещество *образуетъ* міръ, *составляетъ* вселенную, но нельзя же сказать, что эти слова выражаютъ тождественныя понятія. Какая же въ нихъ разница? Можетъ быть, г. Антоновичъ воз-

[1]) Я не хочу придираться къ словамъ, потому не обращаю вниманія, что рецензентъ говоритъ: *сумма всей совокупности* впечатлѣній; выраженіе весьма странное; я считаю его обмолвкою, неизбѣжною при журнальной работѣ, и потому въ текстѣ говорю просто о совокупности.

разить, что міръ есть вещество дѣятельное, совокупность или, точнѣе, слитіе понятій вещества и силы. Но тогда можно спросить, совмѣщаются ли понятія вещества и силы въ одно или могутъ быть мыслимы отдѣльно? Необходимо ли слѣдуетъ изъ понятія вещества понятіе дѣятельности во всѣхъ ея проявленіяхъ или можно не связывать эти два понятія? Я чувствую, что мой рецензентъ иронически улыбается и готовитъ мнѣ одну изъ своихъ самыхъ любезныхъ тирадъ: если вещество есть то, *въ чемъ* происходятъ процессы различной дѣятельности, то можно ли мыслить дѣятельность безъ того, въ чемъ она происходитъ? Вѣдь, это отсутствіе азбуки пониманія и т. д., и т. д. Такъ. Но позвольте.... Неужели вы вашей теоріей хотите только сказать: «я воспринимаю совокупность процессовъ изъ того, что составляетъ внѣшній міръ; всѣ эти процессы происходятъ въ чемъ-нибудь; это *что-нибудь* называю веществомъ». Если такъ, то никто съ вами спорить не будетъ: это—*трюизмъ*, какъ любитъ выражаться одинъ изъ самыхъ искусныхъ вашихъ единомышленниковъ, но... имъ ничего и не сказано.

Спиритуалисты готовы подписать это разсужденіе и скажутъ вамъ: «мы не будемъ спорить о пустыхъ названіяхъ; мы вашу мысль выразимъ только иначе: процессы, которые вы воспринимаете, мы раздѣляемъ на два главные сорта; то, въ чемъ воспринимаются одни, называемъ *веществомъ*, другіе—*духомъ*; для того же, что вы называете веществомъ (т. е., для совокупности того, что мы называемъ духомъ, и того, что мы называемъ веществомъ), не находимъ нужнымъ употреблять особаго названія, потому что это понятіе рѣдко встрѣчается; пожалуй, придумайте ему какое-угодно названіе, но не смѣшивайте его, пожалуйста, съ веществомъ, какъ его обыкновенно разсматриваютъ, т. е., съ тѣмъ, въ чемъ происходятъ явленія, воспринимаемыя только чувствами». Вы отвѣтите, что не можете и не хотите допустить этого подраздѣленія, что первый и второй смыслъ вещества тожественны; но вамъ возразятъ: вы сами признаете психическіе процессы и не можете не признать ихъ. Они въ чемъ-нибудь да происходятъ. Зачѣмъ вы мѣшаете другимъ дать особое названіе тому, въ чемъ они происходятъ, если для васъ вещество есть *только* названіе. Но въ томъ дѣло, что оно не есть *только* названіе, только *совокупность* воспріятій внѣшняго міра, изъ которой вы мысленно выдѣлили дѣятельность и процессы, для понятія о силѣ. Съ нимъ связанъ *особый признакъ*.—Это заставляетъ насъ перейти ко второму

опредѣленію г. Антоновича: «Общій признакъ, выдѣлившійся... изъ всей массы воспріятій... заключаетъ понятіе вещества и силы». Возьмемъ примѣръ. Сравнимъ воспріятія *рука* и *боль* и поищемъ общаго признака въ нихъ. Рукъ я видѣлъ много; въ ихъ разнообразіи замѣтилъ нѣчто общее въ формѣ, въ свойствахъ, въ отправленіи; итакъ, слово *рука* есть для меня формула, выражающая схематически группу близкихъ между собою формъ, связанныхъ съ нѣкоторыми свойствами и способныхъ къ опредѣленнымъ отправленіямъ. Я могу даже выдѣлить отправленія руки, представить себѣ парализованную руку и получу окончательно схему формъ въ моей памяти, съ нѣкоторыми свойствами, которыя общи всѣмъ предметамъ, воспринимаемымъ чувствами (твердость, температура, вѣсъ и т. д.).—Со словомъ *боль* я сближаю воспоминаніе о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ лица и тѣлодвиженіяхъ, которыя сопровождаютъ боль, но которыя не суть самая боль, а могутъ быть произведены и нарочно, безъ боли. Связываю воспоминанія о рядѣ опытовъ, которые я видѣлъ, произвелъ или вычиталъ, что при нѣкоторомъ состояніи нервовъ боль не чувствуется въ тѣхъ частяхъ, къ которымъ идутъ разсматриваемые нервы; но сознаю, что произведенные опыты, самые нервы и боль суть группы воспріятій совершенно различныя; подъ словомъ *боль* я группирую весьма разнообразныя воспріятія, которыя различаю по мѣсту и по качеству; первое различіе я могу уяснить другому, показавъ, гдѣ болитъ, но послѣднее никакъ не могу; говорю: тупая, острая, жгучая боль и т. д., но это метафоры, и я очень хорошо знаю, что человѣкъ, съ которымъ я говорю, можетъ лишь по воспоминаніямъ, и то очень неясно, получить представленіе о моей боли. Это ощущеніе *субъективное*. — Итакъ, рука есть предметъ (объектъ), воспринимаемый чувствами; боль— субъективное ощущеніе, котораго я внѣ себя самого никакъ не могу воспринять, а въ себѣ легко воспринимаю. Что въ нихъ общаго? Они могутъ сгруппироваться различно въ моемъ воспріятіи. Рука можетъ быть мѣстомъ боли, т. е., мѣстомъ, куда я отношу боль, хотя иногда этого мѣста именно не существуетъ, какъ показываютъ извѣстныя наблюденія, у инвалидовъ, боли въ членахъ, отрѣзанныхъ и сгнившихъ. Рука можетъ быть причиною боли. Но это все группы случайнаго совокупленія. Важнѣе группировка слѣдующая: боль есть явленіе моего тѣла, котораго рука эта—часть; но тутъ легко замѣтить, что въ положеніи и въ результатѣ получаемъ не что-либо новое, а тожественныя понятія. Тѣло мое есть

группа ощущеній, пріятныхъ, безразличныхъ и болѣзненныхъ, относимыхъ къ различнымъ частямъ пространства, слѣдовательно, въ словѣ *тѣло* я предполагаю ощущенія; понятно, что боль, какъ пространственное ощущеніе, составляетъ существенный элементъ всей группы пространственныхъ ощущеній. Поэтому, исключая представленіе тѣла, какъ лишнее, мы получаемъ группу: пространство, заключаемое рукою, есть часть того пространства, къ которому относятся наши ощущенія боли. Общій признакъ въ томъ и другомъ оказывается *пространство*. Какъ ни будемъ разсматривать послѣднее: какъ необходимую форму мысли, какъ результатъ, вырабатываемый мыслью изъ ощущеній, и т. под., во всякомъ случаѣ, это уже явленіе мышленія и его нельзя назвать ни веществомъ, ни силою, ни ихъ совокупностью.—Есть еще одинъ признакъ, общій *руки* и *боли*: та и другая *сознаются* нами, это—*мысли*. Можетъ быть, это и есть вещество и сила? Но тутъ идеалисты имѣютъ полное право возразить: какое право вы имѣете придавать ваши названія вещества и силы тому, что всѣми называется мыслью; мы всегда говорили, что мысль есть единственное начало всего, единственный признакъ всего сущаго; вы—скрытые идеалисты, ложно называющіе себя матеріалистами. Будьте послѣдовательнѣе и ваши общіе признаки окажутся ничѣмъ инымъ, какъ нашими понятіями, идеями. Что возразитъ на это г. Антоновичъ, не знаю. Можетъ быть, я не такъ понялъ, но, выходя изъ его собственныхъ опредѣленій (одно съ другимъ не сходящихся), пришелъ къ представленію вещества, которое или тожественно со всѣмъ сущимъ, что есть неточное употребленіе одного слова вмѣсто другого; или къ идеалистическому понятію, которое опять ставитъ одно слово на мѣсто другого. Я приписываю это лишь неточности опредѣленія, [1]) но иду далѣе и говорю:

[1]) Притомъ считаю необходимымъ замѣтить, что г. Антоновичъ употребляетъ слово *реальный* такъ, что, *судя по словамъ его*, можно бы его считать самымъ отчаяннымъ идеалистомъ. Онъ говоритъ, что *математическіе законы соотвѣтствуютъ реальному бытію*, что общее понятіе имѣетъ *реальное* содержаніе. Вѣроятно, онъ этимъ хочетъ сказать, что математическіе законы и общее понятіе получаются *генетически* изъ воспріятій внѣшнихъ явленій: это—*трюизмъ*, съ которымъ никто нынче не споритъ и, слѣдовательно, котораго нечего повторять. Но фраза имѣетъ видъ, будто г. Антоновичъ придаетъ математическимъ *отвлеченнымъ* формамъ мысли *реальное* бытіе и въ общемъ понятіи *человѣка* (напримѣръ) видитъ реальное содержаніе разныхъ особей рода *homo*. Это уже такой идеализмъ, подобнаго которому надо поискать между схоластиками-реалистами среднихъ вѣковъ. Я считаю нечестнымъ приписывать противнику, на основаніи неловкаго оборота, направленіе котораго онъ,

матеріалисты не могутъ дать точнаго опредѣленія веществу, не впадая въ метафизику или не становясь въ противорѣчіе съ собственнымъ ученіемъ. Если для нихъ вещество есть формула, обобщеніе, то они или отожествляютъ его со вселенной, съ субстратомъ явленій (то, въ чемъ происходитъ явленіе, какъ въ первомъ опредѣленіи г. Антовича), и т. под., т. е., ставятъ одно слово на мѣсто другого, и еще не точно; или они должны сознаться, что существенный признакъ его есть *воспріятіе внѣшними чувствами* въ противоположность явленіямъ, *воспринимаемымъ сознаніемъ:* въ послѣднемъ случаѣ прямо противорѣчиво подводить явленія второго рода подъ формулу, къ нимъ не относящуюся. Чтобы избѣгнуть неточности перваго употребленія слова и противорѣчія, обнаруживающагося во второмъ, матеріалистамъ остается допустить въ послѣдней формулѣ самостоятельное существованіе, т. е., перейти къ метафизикѣ, къ сущности вещей. Нить разсужденія или, точнѣе, построеніе—слѣдующее: мы воспринимаемъ внѣшними чувствами вещественныя явленія, сознаніемъ—психическія явленія; общая формула для предметовъ, въ которые группируются первыя, есть вещество; но эта формула не есть только обобщеніе явленій, воспринимаемыхъ внѣшними чувствами; это есть нѣчто *само по себѣ* существующее (субстанція, сущность); поэтому существенно, особенно важно для насъ *вещество,* въ которомъ происходитъ явленіе, самыя же явленія—случайны (акциденты); какъ единственно существенное, вещество есть и *единое* существующее; всѣ явленія суть случайности этой единой сущности (субстанціи),—между прочимъ, и психическія явленія. Это есть единственная возможная форма матеріализма, какъ *особеннаго* ученія, форма метафизическая, потому что отвлекаетъ формулу отъ ея обобщающаго значенія *подчиненнаго* обобщаемымъ фактамъ и ставитъ эту формулу, какъ *кумиръ*, на первое мѣсто въ ученіи, подводя подъ нее и факты, группированные въ другой формулѣ. Воображаютъ себя матеріалистами еще тѣ, которые доказываютъ, что всякое психическое явленіе имѣетъ необходимымъ предшествовавшимъ условіемъ нѣкоторый физическій процессъ, который также необходимо влечетъ за собою свое психическое слѣдствіе. Но это только воображаемые мате-

---

вообще, не раздѣляетъ, и потому не скажу, что г. Антоновичъ—идеалистъ, но указываю на неточность выраженія, впрочемъ, довольно обыкновенную въ школѣ, къ которой онъ принадлежитъ.

ріалисты, потому что можно быть совершенно убѣжденнымъ въ этомъ положеніи, къ которому неудержимо влекутъ всѣ современные факты, и приэтомъ можно быть спиритуалистомъ, пантеистомъ, теистомъ, идеалистомъ, и въ особенности—полнымъ скептикомъ въ метафизикѣ.

Но матеріализмъ, въ его метафизической гипотезѣ, о которой только-что говорено, имѣетъ нѣкоторое преимущество сравнительно съ другими *догматическими* теоріями, о которыхъ мы упомянули. Его метафизическое построеніе весьма просто сравнительно съ ними; матеріалистъ дѣлаетъ одно только предположеніе, гдѣ остальные догматики дѣлаютъ ихъ нѣсколько, и его sanct Stoff, однажды провозглашенный, не мѣшаетъ изученію всего сущаго, какъ кумиры прочихъ догматическихъ ученій. Для всей философіи природы нельзя придумать болѣе удобнаго построенія (если непремѣнно нужно построеніе). «Старайся свести все изучаемое на самыя простыя, на самыя наглядныя явленія: исторію на психологію и физіологію, психологію—на физіологію, физіологію—на химію и механику, химію—на механику; гдѣ это приведеніе не доказано, предположи его—оно будетъ открыто рано или поздно; гдѣ сведеніе невозможно или слишкомъ трудно—говори о свойствахъ вещества, о силахъ вещества». — Вотъ ученіе, большая часть котораго составляетъ могущество и начало современной науки, ученіе, въ которомъ всѣ положенія, кромѣ послѣднихъ двухъ, не встрѣчаютъ противорѣчія между мыслящими людьми. Надо замѣтить, что два послѣднія положенія употребляются большинствомъ вѣрующихъ въ это ученіе почти безсознательно, какъ обыкновенно употребляются самые существенные догматы почти всѣхъ ученій массою лицъ, причисляющихъ себя къ той или другой школѣ. Въ такомъ случаѣ это—весьма невинное пристрастіе къ догматамъ, наименѣе обременяющимъ память своимъ количествомъ, невинное потому, что лица, стоящія на этой точкѣ зрѣнія, принимая догматъ матеріализма, избѣгаютъ всѣхъ его недостатковъ.

По случаю недостатковъ матеріализма, только съ одной стороны его, г. Антоновичъ мнѣ высказалъ нѣсколько обыкновенныхъ своихъ любезностей, искренно или нарочно не понявъ меня; такъ какъ это—пунктъ довольно маловажный, то я оставлю его пока въ сторонѣ: мой отвѣтъ и безъ того выходитъ несравненно длиннѣе, чѣмъ я желалъ. Здѣсь буду говорить о недостаткѣ матеріализма, о которомъ прежде не упомянулъ, потому что тогда я говорилъ о спеціальномъ зна-

ченіи этого ученія; здѣсь же имѣю въ виду его недостатокъ, общій ему со всѣми догматическими ученіями [1]). Если здѣсь я буду обращаться къ послѣдовательнымъ выводамъ матеріализма, въ особенности, то лишь для избѣжанія излишняго распространенія, неизбѣжнаго при спорѣ со всѣми догматиками за разъ. Къ тому же мои рецензенты принадлежатъ къ одному лагерю, а объ другихъ пока нѣтъ и рѣчи.

Необходимое требованіе отъ всякой философской системы заключается въ томъ, чтобы, выходя изъ своего начала, она болѣе или менѣе удобно, болѣе или менѣе послѣдовательно охватывала важнѣйшія явленія, воспринимаемыя нами въ себѣ и внѣ себя и ни въ какомъ случаѣ не приводила къ необходимости оставить ее въ сторонѣ, чтобы охватить цѣлый отдѣлъ фактовъ. Какъ мнѣ кажется, именно этого не можетъ сдѣлать ни одна догматическая теорія, т. е., ни одна система, выходящая изъ опредѣленнаго, твердо установленнаго начала, взятаго *внѣ* человѣка, въ томъ числѣ и матеріализмъ.

Начало, служащее для матеріалиста точкою исхода, есть самобытное существованіе нѣкотораго субстрата явленій (того, въ чемъ явленіе происходитъ), доступнаго чувствамъ, имѣющаго нѣкоторыя, *необходимо* ему принадлежащія свойства, и вслѣдствіе этихъ свойствъ проявляющагося физическими, физіологическими и психическими явленіями, наблюдаемыми внѣ насъ и въ насъ самихъ. Эти свойства необходимы, являются въ необходимой связи причинъ и слѣдствій и влекутъ за собою лишь возможность *изученія* явленій. Отсюда—необходимость всего сущаго, такъ какъ оно есть. Въ ряду сущаго представляются люди съ ихъ дѣятельностью. Она также необходима, въ ея мельчайшихъ подробностяхъ, какъ орбита планеты, какъ форма кристалла, какъ процессъ эндосмоза. Человѣкъ по необходимости ощущаетъ, мыслитъ, желаетъ, рѣшается, дѣйствуетъ. Всякое изъ этихъ явленій имѣетъ свои необходимыя и достаточныя условія, чтобы совершиться именно такъ, какъ оно совершается, и влечь за собою столь же необходимыя слѣдствія. Поэтому, выходя изъ понятія о веществѣ, мы приходимъ къ тому, что нравственная оцѣнка мыслей и дѣйствій, какъ хорошихъ или дурныхъ, какъ за-

---

[1]) Кромѣ одного супранатурализма. Это послѣднее ученіе, избѣгающее недостатка, о которомъ будетъ рѣчь, имѣетъ зато другой, ставящій его совершенно отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ. Оно дѣлаетъ всякую науку положительно невозможною.

служивающихъ похвалы или осужденія,—есть призрачный процессъ, совершающійся въ нашемъ сознаніи и не соотвѣтствующій ничему дѣйствительному. Въ дѣйствительности всякая подлость, всякая низость есть столь же необходимое чувство, столь же необходимое дѣйствіе, какъ испражненіе составляетъ необходимое условіе процесса питанія. Матеріалистъ (и, повторяю, всякій догматикъ), ставя на первое мѣсто въ своей теоріи вопросъ объ общихъ законахъ міра, которымъ человѣкъ подчиняется, какъ частный случай, долженъ послѣдовательно придти къ призрачности всей нравственной оцѣнки мыслей и дѣйствій. Но что призрачно, то въ мышленіи и въ дѣятельности философа и его учениковъ должно занимать послѣднее мѣсто; во имя послѣдовательности, должно стараться въ призракѣ всегда видѣть призракъ и такъ съ нимъ обращаться; самый послѣдовательный человѣкъ будетъ въ этомъ случаѣ тотъ, кто настолько проникнутъ теоретическимъ взглядомъ на призрачность всякой нравственной оцѣнки, что она срослась со всѣми его мыслями, со всѣми его дѣйствіями; это будетъ человѣкъ *безучастный* къ нравственной оцѣнкѣ предметовъ, *индифферентистъ* въ жизни; это будетъ человѣкъ, который въ своемъ и чужомъ дѣйствіи, въ своемъ и чужомъ мышленіи не находитъ вовсе причины прилагать какую-либо нравственную оцѣнку; онъ улыбается, если ему скажутъ: это подло! это благородно! потому что подлость и благородство суть для него призраки, не соотвѣтствующіе ничему дѣйствительному; есть дѣйствіе, вредное для особей, т. е., сокращающее ихъ существованіе, какъ отдѣльныхъ особей, и вносящее въ это существованіе страданіе; но нѣтъ дѣйствій подлыхъ, унизительныхъ, дурныхъ нравственно. Въ философской системѣ идеалъ считается всегда осуществленнымъ, и, слѣдовательно, въ догматической системѣ, идеалъ человѣка есть человѣкъ, отвыкнувшій отъ нравственной оцѣнки мыслей и дѣйствій въ себѣ и въ другихъ, замѣнившій эту оцѣнку безучастнымъ изслѣдованіемъ причинъ данной мысли, даннаго дѣйствія, и слѣдствій, необходимо вытекающихъ изъ данной мысли и даннаго дѣйствія.

На этотъ идеалъ довольно указать, чтобы всякій отъ него отвернулся, и матеріалисты, даже болѣе другихъ догматиковъ, имѣютъ къ нему самое искреннее отвращеніе. Изъ ихъ рядовъ вышли въ Европѣ многіе изъ лучшихъ самоотверженныхъ героевъ современности, готовые всѣмъ жертвовать, но не уступить іоты изъ своихъ нравственныхъ убѣжденій о

достоинствѣ человѣка, гражданина, мыслителя. Ихъ имена, какъ нравственныхъ образцовъ, записаны исторіей, и произносятся поневолѣ съ уваженіемъ даже добросовѣстными противниками.

Большинство матеріалистовъ самымъ жестокимъ образомъ преслѣдуетъ нравственный и политическій индифферентизмъ въ гнилыхъ слояхъ общества. Вся сила матеріализма, какъ современной партіи, есть неумолимая борьба противъ уступокъ старымъ кумирамъ, противъ зла, коренящагося въ предразсудкахъ. Если въ толпѣ такъ называемыхъ матеріалистовъ есть безнравственные индифферентисты, то ихъ много и подъ всѣми знаменами: они не сдѣлаются ни лучше, ни хуже, если будутъ провозглашать себя шеллингистами, гегельянцами, теистами или, пожалуй, скептиками въ метафизикѣ. Между проповѣдуемымъ ученіемъ и правилами ихъ жизни есть только случайное совпаденіе.

Но идеалъ, къ которому мы пришли, не только отвратителенъ въ практикѣ, онъ невозможенъ въ теоріи, гдѣ долженъ быть разсматриваемъ въ своей чистотѣ. Нѣтъ никакой возможности представить себѣ человѣка, не произносящаго никакого нравственнаго суда надъ собою и надъ другими; если бы подобный уродъ былъ возможенъ, то въ немъ отсутствовало бы всякое побужденіе къ мышленію, къ дѣятельности какого бы то ни было рода, и онъ былъ бы не матеріалистомъ, не идеалистомъ, а идіотомъ, неспособнымъ къ какому бы то ни было развитію.

Итакъ, матеріализмъ (какъ всякій догматизмъ), приходя къ своимъ практическимъ слѣдствіямъ, приходитъ къ идеалу, которому никто не слѣдуетъ, который не возможенъ въ своихъ условіяхъ и который заключаетъ отрицаніе всякаго философствованія, всякаго мышленія, слѣдовательно, отрицаніе матеріализма. Для того, чтобы жить и дѣйствовать, всякій матеріалистъ (и всякій догматикъ) долженъ забыть свою точку исхода, допустить не призрачность, но дѣйствительность нравственныхъ побужденій, судить себя и другихъ во имя этихъ нравственныхъ побужденій, забывъ, что это непослѣдовательно; словомъ, долженъ постоянно, на каждомъ шагу, въ каждомъ дѣйствіи, при каждомъ соприкосновеніи съ жизнью отрицать все то, что считаетъ важнѣйшимъ въ своей метафизикѣ. Онъ долженъ дѣйствовать, какъ бы нравственное значеніе его дѣйствій было для него самымъ существеннымъ дѣломъ, и въ то же время вѣрить, что эти дѣйствія необходимы въ немъ и въ другихъ, а потому, какъ необходимыя,

не заслуживаютъ ни похвалы, ни осужденія. Такъ матеріалисты (и всѣ догматики) и поступаютъ: они проповѣдуютъ необходимость всего сущаго, какъ, *основной* философскій принципъ, и въ то же время возстаютъ на все низкое, лицемѣрное, подлое въ жизни, какъ будто бы оно не было необходимо. Эта антиномія есть главная антиномія нашего времени, замѣнившая кантовскія антиноміи, сданныя въ архивъ. Всякій послѣдовательный догматикъ-мыслитель не избѣжитъ ее, и самъ г. Писаревъ, отрицающій нравственные идеалы и, по возможности безучастно къ результатамъ спора, ставящій одну теорію подлѣ другой, и самъ г. Писаревъ порицаетъ иное, какъ *нравственно дурное*, другое хвалитъ, какъ *нравственно хорошее*, а, слѣдовательно, допускаетъ, внѣ необходимаго сцѣпленія причинъ и слѣдствій, нравственное достоинство человѣческихъ чувствъ и дѣйствій. Онъ этого не допуститъ и не можетъ: вѣдь, было же какое-нибудь нравственное побужденіе у него, когда онъ писалъ статью о схоластикѣ; онъ хотѣлъ высказать: вотъ это дурно, а это хорошо. Онъ, навѣрное, съ отвращеніемъ посмотрѣлъ бы на того, кто ему сказалъ бы: не все ли равно, писать статью согласно своимъ убѣжденіямъ или противъ нихъ, если такая требуется. Повторяю: матеріализмъ (и всякій догматизмъ), выходя изъ начала, отдѣльнаго отъ человѣка въ его цѣлости, изъ начала, подчиняющаго себѣ человѣка, неизбѣжно приходитъ къ необходимости всѣхъ поступковъ человѣческихъ, къ призрачности нравственной оцѣнки и къ требованію (безнравственному и невозможному), чтобы человѣкъ избѣгалъ нравственной оцѣнки, отвыкалъ отъ нея, стремился къ полному индифферентизму и тѣмъ самымъ отрицалъ всякое побужденіе къ дѣятельности.

Поэтому метафизически-догматическія ученія дѣлаются анахронизмами въ философіи, какъ лишь человѣкъ сознаетъ, что они *должны* привести его къ нелѣпымъ слѣдствіямъ. При всей простотѣ и удобствѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ ученій, о чемъ было говорено, они перестаютъ быть философскими, всеобъемлющими системами, на которыхъ можно остановиться. Они дѣлаются лишь орудіями въ извѣстной области мышленія, орудіями, никуда негодными, когда дѣло идетъ о другихъ областяхъ. Сами догматики, переходя въ эти области, бросаютъ свой принципъ, забываютъ его и начинаютъ дѣйствовать, говорить и мыслить во имя другихъ принциповъ, которые *нельзя* получить изъ *основного* догмата необходимости сущаго, назвать ли эту необходимость свойствами

вещества, категоріями мышленія, неизмѣнною волею Промысла или какъ-нибудь иначе. Для того, чтобы философски охватить все сущее въ системѣ и не перескакивать отъ одного начала на другое, по мѣрѣ надобности надо признать слабость догматическихъ теорій, неизбѣжность противорѣчій, которыя въ нихъ заключаются, и поискать внѣ метафизической догматики другой точки зрѣнія.

Посмотримъ, нельзя ли найти ее. Провѣримъ еще разъ, такъ ли противорѣчиво въ своей сущности построеніе, мною предложенное, какъ высказали въ прозѣ и въ виршахъ мои остроумные и любезные рецензенты. Я, можетъ быть, подлежу вполнѣ обвиненію, что высказалъ мысль неясно, и судить объ этомъ самому мнѣ очень трудно, но должно сознаться, что и мои рецензенты сдѣлали свою работу очень легкой: гдѣ я самъ не высказалъ зависимости между положеніями, тамъ они и не поискали ее, и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ она и указана, оставили безъ вниманія главное, ограничиваясь насмѣшками надъ частностями. Оно и для рецензента удобнѣе и для читателей веселѣе.—Впрочемъ, я долженъ бы говорить не *рецензенты*, а *рецензентъ*, потому что г. Писаревъ, съ его пренебреженіемъ къ спору *о словахъ*, просто принялъ на вѣру доказательства г. Антоновича, что я, дескать, эклектикъ.

Но какъ мнѣ спорить съ моими противниками? Если я стану говорить свое, а они—свое, выйдетъ мало толку. Это будетъ уже прямо пустое словопреніе. Чтобы спорить съ пользою, надо въ чемъ-нибудь согласиться и начинать съ этой общей почвы. Постараюсь найти эту общую почву.

II.

Чтобы удобнѣе спорить съ моими противниками, мнѣ нужно найти точку, въ которой мы сходимся. Г. Антоновичъ отозвался довольно мирно о моей практической философіи, слѣдовательно, я считаю себя вправѣ принять, что онъ, несогласный со способомъ построенія ея, согласенъ, по крайней мѣрѣ, съ ея выводами. Г. Писаревъ не сдѣлалъ и этой уступки; онъ, напротивъ, говоритъ, что «въ области нравственной философіи наши взгляды діаметрально противоположны»; въ его статьѣ о современной схоластикѣ я нахожу одинъ только принципъ, къ которому могу привязать мое построеніе, но этого принципа мнѣ довольно: онъ говоритъ: «Старайтесь

жить полной жизнію...» Для него жизнь, не связанная ни идеалами, ни особыми цѣлями, есть основной пунктъ. «Если наука и искусство мѣшаютъ жить,» говоритъ онъ... «такъ и Богъ съ ними, мы ихъ знать не хотимъ...» Объ этихъ результатахъ потомъ, но пока начинаемъ съ самаго принципа.

«Старайтесь жить полной жизнію...» Надѣюсь, что это изрѣченіе нельзя понять иначе, какъ: берегите и уважайте въ себѣ всѣ зародыши силъ, способностей, качествъ, которыя въ васъ есть; не уродуйте себя въ угоду *принятымъ* правиламъ жизни, *принятому* міросозерцанію или модным привычкамъ [1]). Но физіологія и психологія одновременно утверждаютъ, что всякій органъ или способность, для того, чтобы не заглохнуть, требуютъ заботы, ухода, упражненія. Если я не буду упражнять мускулы руки, она ослабѣетъ; если я не буду упражнять мысль, она потеряетъ способность останавливаться на предметахъ для ихъ совѣстливаго изученія, потеряетъ гибкость, необходимую для перехода отъ одного ряда понятій къ другому, потеряетъ критическую силу, съ помощью которой отличаетъ предразсудокъ, въ нее вложенный, и собственное предположеніе, отъ убѣжденія, обслѣдованнаго со всѣхъ сторонъ. Итакъ, требованіе *жить полною жизнію*, заключаетъ въ себѣ, по необходимости, условіе: *развивай самъ себя*. Если я не буду развивать себя, то, какъ мнѣ очень хорошо извѣстно, часть моихъ силъ и способностей заглохнетъ, извратится, и я буду жить все болѣе односторонней, неполною жизнію. Поэтому всестороннее развитіе есть для меня необходимое слѣдствіе желанія жить полной жизнію. Это—моя *нравственная обязанность*. Я бы сказалъ: это—*цѣль* моей жизни; это—*человѣчный идеалъ*, къ которому я стремлюсь въ процессѣ жизни; идеалъ, который я стараюсь осуществить, но вполнѣ никогда не осуществляю, а потому требованіе развитія остается всегда существующимъ. Но г. Писаревъ не хочетъ ни *цѣли*, ни *идеала*. Хорошо: я буду

---

[1]) Приэтомъ замѣчу, что напрасно г. Писаревъ заподозрилъ меня въ чрезмѣрномъ уваженіи къ аскетизму. Въ выпискѣ, которую онъ приводитъ, доказывается лишь одно: отъ начала: *наслаждайся* можно дойти не только до *человѣчнаго* взгляда на нравственность, но и до уродливо-односторонняго взгляда на нее—до аскетизма. Я бы указалъ г. Писареву мѣсто въ моей другой брошюрѣ, гдѣ это высказано полнѣе, но онъ ее, вѣроятно, и читать не станетъ, а г. Антоновичъ мнѣ положительно запретилъ ссылаться на мои же статьи, сказавъ, что я всегда найду у себя доказательство противорѣчащимъ взглядамъ.

избѣгать здѣсь употребленія этихъ словъ; но дѣло отъ этого не измѣнится. Или *полная жизнь* и *обязанность развиваться*, или никакой обязанности и жизнь неполная, односторонняя, скудѣющая и въ своихъ проявленіяхъ, и въ своихъ побужденіяхъ. Выбирайте.

Но выборъ давно сдѣланъ г. Писаревымъ. Вступая на литературное поприще, принимаясь за серьезныя статьи, онъ, очевидно, желаетъ уяснить читателямъ современныя требованія отъ человѣка образованнаго, отъ гражданина общества, отъ литератора, отъ мыслителя, и, прежде всего, онъ ихъ уясняетъ, конечно, самъ для себя. Онъ говоритъ себѣ: вотъ такъ-то поступать, писать, говорить и мыслить *слѣдуетъ*, а такъ *не слѣдуетъ*. Слѣдуетъ такъ поступать, писать, говорить и мыслить, потому что это сообразно съ тѣмъ понятіемъ (чуть не сказалъ: идеаломъ), который я себѣ составляю объ образованномъ человѣкѣ, литераторѣ, мыслителѣ. Если я напишу противное своему убѣжденію, то я этимъ уроню себя въ своихъ глазахъ, изуродую свой взглядъ на честнаго писателя. Если такой-то господинъ пишетъ сегодня не то, что писалъ вчера, то онъ не удовлетворяетъ моимъ требованіямъ отъ послѣдовательнаго, дѣльнаго мыслителя. Я буду стараться быть послѣдовательнѣе его; буду стараться взглянуть вѣрнѣе на предметъ; только съ этимъ условіемъ я разовью и свою собственную мысль и мысль моихъ читателей. Конечно, всѣ эти разсужденія являются не въ видѣ связнаго ряда силлогизмовъ, логическихъ умозаключеній, но въ цѣпи, многія звенья которой остаются безсознательными или немедленно забытыми. Тѣмъ не менѣе, это обыкновенный логическій процессъ, которымъ писатель приходитъ къ тому, чтобы написать свои мысли для публики,—конечно, устраняя всякія постороннія, нелитературныя побужденія, о которыхъ здѣсь говорить было бы, какъ я думаю, вовсе не кстати.

Итакъ, г. Писаревъ собственнымъ своимъ процессомъ литературной дѣятельности выбираетъ *развитіе*, какъ *требованіе* отъ человѣка, что совершенно согласно съ его принципомъ *жить полною жизнію*. На этомъ началѣ мы сходимся.—Мы еще сходимся на томъ, что развитіе человѣка должно быть полное, не одностороннее. Я назвалъ это *человѣчностью* и сказалъ, что она есть *совокупленіе* (не смѣшеніе) *всѣхъ главныхъ отраслей дѣятельности въ жизни одной личности*; г. Писаревъ видитъ человѣчность въ *цѣльной личности, развившейся безыскусственно и самостоя-*

тельно, не сдавленной служеніемъ идеаламъ... Тутъ, мнѣ кажется, различіе болѣе въ словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Нравственный идеалъ (какъ я понимаю его) не есть нѣчто внѣшнее, искусственно привитое человѣку, но представленіе, совершенно самостоятельно вырабатывающееся изъ условій его природы, жизни, исторической обстановки и т. д. Въ такомъ случаѣ служить идеалу, это—высшая самостоятельность, потому что вся личность человѣка въ ея особенности, въ ея желаніяхъ, гармонирующихъ наилучшимъ образомъ между собою, вошла въ идеалъ, къ которому человѣкъ стремится. Человѣкъ сдавленъ, когда онъ служитъ *чужому* идеалу, имъ не выработанному, не пережитому, не вошедшему въ его плоть и кровь; это—*идолопоклонство*. Но собственный идеалъ не давитъ, потому что воплощеніе его въ дѣло есть наслажденіе, и если оно не доставляетъ наслажденія, то мы напрасно называемъ этотъ идеалъ *своимъ*. Правда, разнообразныя влеченія человѣка представляются ему иногда, какъ отрицанія его идеала, т. е., онъ не можетъ свести свои желанія, *въ частности*, въ одно стройное цѣлое съ тѣмъ, чѣмъ онъ желалъ бы быть *вообще*. Тутъ или недостатокъ силы мысли, или патологическое состояніе. Желанія, естественно присущія человѣку, не отрицающія начала справедливости, всегда могутъ быть примирены съ идеаломъ личности, хотя они часто противорѣчатъ *общепринятому* идеалу кружка, къ которому принадлежитъ личность. Но она имѣетъ не только право, но и обязанность быть *собою,* т. е., вносить въ воплощаемый ею идеалъ тѣ особенности, которыя ее отличаютъ отъ другихъ, а не поклоняться по рутинѣ общественному идеалу.—Но есть желанія патологическія, прямо противорѣчащія нашему представленію о собственномъ и чужомъ достоинствѣ, желанія, возникающія временно, въ минуты особеннаго возбужденія, и которыя мы порицаемъ, какъ только возбужденіе наше прошло. Сюда относятся всѣ злоупотребленія своею силою, способностями, положеніемъ, во вредъ, въ оскорбленіе другихъ личностей, и нѣкоторыя желанія, прямой вредъ которыхъ для насъ самихъ намъ совершенно ясенъ, но которыя въ данную минуту становятся въ насъ преобладающими побужденіями, такъ что мы готовы забыть всѣ естественныя и неизбѣжныя послѣдствія нашего увлеченія. Эти патологическія желанія *должны* быть предметомъ нашей постоянной борьбы, и г. Писаревъ, навѣрное, не считаетъ ихъ удовлетворенія *полной* жизнью. Если человѣкъ, въ минуту ослѣпленія страстью, готовъ ударить дру-

гого человѣка, даже неправаго въ отношеніи къ первому,—если мужчина, въ скотскомъ возбужденіи, хочетъ изнасиловать слабую дѣвушку,—вѣроятно, г. Писаревъ первый скажетъ: это не должно, это не слѣдуетъ, это—оскорбленіе человѣческаго достоинства, это—преступленіе. Онъ можетъ такъ говорить только во имя нѣкотораго представленія (или идеала) человѣческаго достоинства, во имя нѣкоторой обязанности, нарушеніе которой есть преступленіе.—Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ признать эти побужденія патологическими и требовать, чтобы человѣкъ противъ нихъ боролся, какъ отъ больного требуютъ борьбы съ его желаніями, не соотвѣтствующими требованіямъ діэты.

Итакъ, я полагаю, что схожусь съ моими критиками въ требованіи отъ человѣка *цѣльнаго развитія* всѣхъ сторонъ жизни и ставлю на первое мѣсто, согласно съ ними,—*жизнь* въ ея цѣлостномъ гармоническомъ развитіи, т. е., какъ можно бы выразиться, по моему мнѣнію, воплощеніе въ дѣйствіе стройнаго, *своеобразнаго*, самостоятельно выработаннаго идеала человѣческой личности. Отсюда я начинаю мое построеніе.

Человѣкъ долженъ жить *полной* жизнію и *цѣльной* жизнію. Процессъ жизни заключаетъ: воспринятіе явленій, доходящихъ до сознанія, т. е. *знаніе*; группировку этихъ явленій различнымъ образомъ, сообразно законамъ мысли и фантазіи, т. е., *творчество*; наконецъ, внесеніе помощью дѣйствій во внѣшній міръ своего внутренняго міра мысли и фантазіи, преобразованнаго въ міръ желаній, т. е., *жизненную дѣятельность*, въ тѣсномъ смыслѣ. Требованіе *полной* жизни есть требованіе одновременнаго развитія въ себѣ *знанія*, *творчества* и *жизненной дѣятельности*. Требованія *цѣльной* жизни есть требованіе соглашенія творчества и дѣятельности со знаніемъ, требованіе *философской системы*, охватывающей всѣ три начала въ одно стройное цѣлое.

Послѣднее требованіе есть требованіе, естественно вытекающее изъ природы человѣка, необходимо имъ поставленное, а потому можно сказать, что *философствованіе* есть общечеловѣческая принадлежность, наравнѣ съ потребностью знаній, съ даромъ слова, съ художественнымъ наслажденіемъ. Человѣкъ узнаетъ и расширяетъ свои знанія по необходимости, но онъ можетъ лишь *стремиться* къ *учености*; онъ естественно говоритъ, но весьма немногіе *владѣютъ словомъ* вполнѣ; точно также всѣ философствуютъ по необходимости, но немногіе достигаютъ до цѣльной, стройной и самостоя-

тельно-продуманной системы философіи (заимствованной или своей—все равно) [1]).

Какъ же приступить къ построенію правильной философской системы? Конечно, знаніе должно быть ея основою и руководителемъ. Но она должна пополнять факты знанія гипотезами, для того, чтобы обнять всѣ эти факты и создать изъ нихъ стройное цѣлое. Гипотезы должны ограничиваться приэтомъ необходимымъ. — Я полагаю, что во всемъ предыдущемъ мои критики могутъ со мною согласиться, и что они сами своею системою стараются достичь тѣхъ же цѣлей.

Но построеніе системы, совершенно отдѣланной во всѣхъ ея частностяхъ, есть цѣль, къ которой стремится исторія философіи, не имѣя надежды скоро ея достигнуть. Главная задержка здѣсь заключается въ самыхъ пробѣлахъ знанія. Въ одномъ мѣстѣ факты неоспоримы и тѣсно связаны; въ другомъ весьма вѣроятны, но раздѣльны и требуютъ гипотетической связи; въ третьемъ они такъ разсѣяны, что всякая гипотеза дѣлается весьма искусственною связью. Конечно, и въ этомъ случаѣ точка исхода должна быть тамъ, гдѣ фактъ неоспоримый, неизбѣжный, представляется самъ собою. Чѣмъ факты разрозненнѣе, тѣмъ они должны быть болѣе отодвинуты отъ философскаго начала. Наконецъ, положенія самыя спорныя, по современному состоянію науки или по природѣ человѣческаго духа не подлежащія ясному изслѣдованію, должны оставаться въ той дали, которая допускаетъ скептическое отношеніе философа къ разсматриваемымъ вопросамъ.

Человѣческая дѣятельность есть, по моему мнѣнію, тотъ основной фактъ, съ котораго можно и слѣдуетъ начать, потому что все остальное подъ нее подходитъ, какъ частный случай, все познается, создается и совершается *для насъ* лишь помощью ея.—Я не вижу и здѣсь причины моимъ критикамъ со мною не согласиться, потому что одинъ изъ нихъ ставитъ въ начало *полную жизнь*, что вовсе недалеко отъ человѣческой дѣятельности; другой говоритъ, что матеріализмъ беретъ цѣльнаго человѣка, не раздѣляя его. Я именно и хочу начать съ этого безспорнаго цѣльнаго человѣка, который

[1]) Полагаю, что этимъ я достаточно отвѣчаю на многочисленныя ироническія выходки, разсѣянныя въ разныхъ журналахъ и газетахъ о моемъ открытіи, будто всѣ мы—философы. Философствуютъ сознательно или безсознательно всѣ, и въ томъ числѣ всѣ мои критики, но до того, чтобы сдѣлаться философами, многимъ такъ же далеко, какъ г. Розенгейму до поэта, а я вѣрю, что и онъ способенъ сочувствовать поэзіи.

преимущественно проявляется въ своей разнообразной дѣятельности.

Человѣкъ въ его цѣлости есть необходимое начало, неизбѣжная точка исхода человѣческаго мышленія; чрезъ всю его жизнь проходитъ положеніе: я могу поставить себѣ цѣль, могу къ ней стремиться и достигнуть ея. Эта цѣль представляется ему, какъ предметъ, который должно изучить, какъ художественный идеалъ, который надо воплотить, какъ нравственный идеалъ, который надо осуществить. Но послѣднее побужденіе охватываетъ оба первые: какъ частные идеалы нравственной дѣятельности, становятся предъ мыслью человѣка идеалы *ученаго* и *художника*, и онъ себѣ говоритъ: постараюсь изслѣдовать вопросъ какъ *надлежитъ* совѣстливому ученому; постараюсь воплотить образъ, мною созданный, въ произведеніе искусства, какъ *надлежитъ* художнику, сознающему требованія красоты... Можетъ быть, мои критики мнѣ возразятъ, что ни одинъ ученый, ни одинъ художникъ *такъ* не формулируетъ свою дѣятельность: онъ чувствуетъ потребность дѣйствовать и дѣйствуетъ, не заботясь объ *обязанностяхъ* ученаго и художника.—Конечно, они большею частью не относятся съ такимъ самоизслѣдованіемъ къ своей дѣятельности, но тѣмъ не менѣе подчиняютъ ее именно этому принципу, сознательно или безсознательно. Ученый напалъ на новое соображеніе, новый взглядъ въ наукѣ, онъ нашелъ вѣроятнымъ новый фактъ; смотрите, съ какимъ стараніемъ онъ повѣряетъ свое открытіе, какъ тщательно устраняетъ возможныя ошибки; мало того: онъ старается дать своему открытію самую простую, самую краткую форму, ищетъ удобнѣйшій методъ повѣрки, доказательства, даже послѣ того, какъ истина факта для него сдѣлалась неоспоримою. Почему это? Потому что онъ носитъ въ себѣ идеалъ своего знанія: ему хотѣлось бы знать всѣ факты вполнѣ достовѣрно и въ самой простой формѣ доказательства, въ самой тѣсной связи ихъ между собою. Во имя этого идеала онъ стремится пополнить, отдѣлать, округлить свои знанія.

Итакъ, требованіе повѣрки знанія, самой строгой критики является, какъ необходимое условіе истиннаго пониманія достоинства *знающаго* человѣка, какъ нравственное слѣдствіе начальнаго принципа человѣческой дѣятельности въ ея полнотѣ. *Сомнѣніе*, методъ Декарта, составляетъ исходный пунктъ повѣрки знанія; затѣмъ онъ переходитъ въ критическій методъ Канта, раздробляющійся, съ одной стороны, на методы наведенія, подведенія, вѣроятнѣйшаго заключенія, системати-

ческаго опыта и т. под., смотря по роду знанія; съ другой стороны, критика обращается въ діалектическій методъ Гегеля [1]), и, такимъ образомъ, поочередно мѣняя свое оружіе для опредѣленія *достовѣрнаго*, *вѣроятнаго*, *невѣроятнаго* и *призрачнаго* знанія, наука уясняетъ свои дѣйствительныя пріобрѣтенія.

Безусловное сомнѣніе, которое я здѣсь поставилъ исходнымъ пунктомъ, повидимому, несогласно съ *канономъ* матеріализма, какъ выражается г. Писаревъ. Онъ ставитъ положеніе: *очевидность есть лучшее ручательство дѣйствительности*. Но я позволю себѣ усомниться, какъ въ томъ, чтобы всѣ матеріалисты приняли безусловно это положеніе, такъ и въ томъ, чтобы самъ г. Писаревъ допускалъ его неограниченно. Вѣдь, если допустить это положеніе, то мы бы должны были оставить систему Коперника и вернуться къ неподвижности земли, которая вполнѣ очевидна для всякаго, не знающаго началъ астрономіи; то же положеніе требуетъ и допущенія дѣйствительности привидѣній, чудесъ, сообщеній съ міромъ миѳическихъ существъ, потому что все это совершенно очевидно — для визіонеровъ, а если мы не испытали ничего подобнаго, это еще не причина отвергать фактъ, какъ мы не отвергаемъ землетрясеній и походовъ Александра Македонскаго, хотя не были свидѣтелями ни того, ни другого. Такъ какъ, конечно, я считаю современныхъ матеріалистовъ знающими астрономію, не визіонерами и не вѣрующими въ визіонерство, то отвергаю положеніе г. Писарева объ очевидности, какъ выведенное изъ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ и неумѣстно обобщенное.

Итакъ, начало познанія есть сомнѣніе, или, точнѣе, вопросъ, съ которымъ человѣкъ обращается ко всему, доходя-

---

[1]) Когда г. Страховъ обвинялъ меня въ недостаткѣ метода, то я понималъ, о чемъ онъ говоритъ *). Онъ съ своей точки зрѣнія вѣритъ въ одинъ безусловный методъ, годный всегда и вездѣ. Но въ статьѣ г. Антоновича упрекъ о методѣ мнѣ положительно непонятенъ. Ужъ не нашли ли матеріалисты всеобщаго метода, научной панацеи? Они-то должны бы ясно сознавать, что каждая наука, даже часто часть науки имѣетъ свой методъ, неприложимый къ другимъ знаніямъ. А внѣ опредѣленія безспорности или вѣроятности фактовъ знанія нѣтъ методовъ. Философія не даетъ ни одного новаго факта и не повѣряетъ ихъ: поэтому обще-философскаго метода быть не можетъ. Логика, психологія имѣютъ свои методы или вырабатываютъ ихъ постепенно, но это отдѣльныя науки.

*) См. «Отвѣтъ Н. Н. Страхову» въ наст. изд., серія II (этика), вып. I. (первоначально появился въ «Отеч. Зап.» 1860 г., № 12). Критика Страхова на «Очерки вопросовъ практической философіи» (см. ту же серію) Лаврова появилась въ журналѣ «Свѣточъ» 1860 г., № 7. Ред.

щему до его свѣдѣнія: точно ли оно таково, какимъ онъ его получаетъ? Человѣкъ составляетъ всю массу того, что имъ сознано, изъ свидѣтельствъ, полученныхъ имъ отъ другихъ людей, изъ результатовъ собственныхъ наблюденій внѣшняго міра, изъ результатовъ своего мышленія надъ всѣмъ, полученнымъ имъ извнѣ. Онъ относится сначала съ одинаковымъ сомнѣніемъ ко всѣмъ этимъ тремъ источникамъ познанія; одинаково допускаетъ возможность трехъ предположеній: можетъ быть, всѣ свидѣтельства, мнѣ сообщенныя, ложны? можетъ быть, внѣшнія впечатлѣнія, мною получаемыя, призрачны? можетъ быть, моя мысль и процессъ моего сознанія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности? Но, поставивъ эти предположенія, легко замѣтить, что они находятся въ тѣсной связи: если послѣднія два справедливы, то первое слѣдуетъ само собою, потому что свидѣтельства другихъ лицъ основаны на тѣхъ же источникахъ внѣшняго наблюденія и размышленія, которые я только-что призналъ сомнительными. Послѣднія два предложенія также слѣдуютъ одно изъ другого: если всѣ внѣшнія впечатлѣнія призрачны, то мое мышленіе, питаясь этимъ призрачнымъ матеріаломъ, конечно, даетъ мнѣ не дѣйствительные результаты. Если мой процессъ сознанія и мышленія не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то мои внѣшнія, впечатлѣнія ложны, потому что они только тогда имѣютъ для меня значеніе, когда сознаны мною, а для этого они проходятъ чрезъ искажающую среду, слѣдовательно, доходятъ до меня въ видѣ призраковъ. На этомъ пунктѣ я остановиться не могу, если хочу познавать. Это всеобщее сомнѣніе искажаетъ одну мою жизненную дѣятельность, именно познаніе, и потому, во имя сохраненія цѣльнаго человѣческаго достоинства, заключающаго познаніе, я *сознательно* ставлю три гипотезы, соотвѣтствующія тремъ источникамъ познанія: *мой процессъ мысли не обманчивъ; внѣшнія впечатлѣнія могутъ не призрачны; всѣ люди могутъ одинаково воспринимать внѣшнія впечатлѣнія и мыслить.* Я руководствуюсь этими тремя гипотезами до тѣхъ поръ, пока онѣ служатъ познанію, но скоро, прилагая ихъ, замѣчаю, что онѣ имѣютъ весьма различное значеніе. Чужое свидѣтельство можетъ мнѣ дать фактъ, прямо противоположный собственному воспріятію; мои два воспріятія могутъ быть непримиримы; необходимый результатъ моего мышленія надъ предыдущими фактами можетъ не совпадать съ чужимъ свидѣтельствомъ или съ собственнымъ впечатлѣніемъ. Встрѣчается *противорѣчіе*. Оно есть отрицаніе познанія и служитъ ограниченіемъ

моимъ гипотезамъ. Внѣшнія впечатлѣнія на столько лишь непризрачны, на сколько они не противорѣчивы между собою и логическому процессу мысли: поэтому, и *только* поэтому сонныя грезы, горячечныя видѣнія, оптическіе обманы зрѣнія и т. д. признаются призрачными. Воспріятія людей, и процессъ ихъ мышленія на столько лишь одинаковы, на сколько они развили органы внѣшняго воспріятія, правильнаго мышленія, на сколько они изощрили свои чувства, ознакомились съ методами научной повѣрки наблюденій, наконецъ, привыкли къ *критикѣ* мысли.

Такъ мы переходимъ отъ начальнаго процесса познанія, отъ сомнѣнія, разрѣшающагося гипотезами, къ строго научному построенію, къ *критикѣ* источниковъ познанія. Этотъ переходъ въ исторіи новой философіи совершился ученіемъ Канта. Онъ перенесъ споры изъ области реальнаго міра въ область мысли и замѣнилъ критикою мысли въ различныхъ ея проявленіяхъ догматическія разсужденія о самихъ предметахъ, какъ дѣйствительно существующихъ внѣ области мысли. Предполагаю моихъ критиковъ настолько знакомыми съ его сочиненіями (хотя по книгѣ Куно Фишера), чтобы не повторять его разсужденіе [1]). Вопросъ при переходѣ къ критической точкѣ зрѣнія совсѣмъ не въ томъ, существуютъ ли дѣйствительно явленія, предметы и т. д., или существуетъ только наша мысль о нихъ. Дѣло въ томъ, что *для насъ* существуютъ лишь мыслимые предметы и нашей критикѣ подлежатъ они только въ нашей мысли. Дѣло въ томъ, что мы должны въ процессѣ нашей мысли изучать тѣ искаженія,

[1]) Г. Антоновичъ обвинилъ меня въ поклоненіи авторитетамъ и посмѣялся надо мной съ своимъ обыкновеннымъ остроуміемъ, за то, что, говоря о *возможности* сомнѣнія въ реальности внѣшняго міра, я ссылался на *многихъ мыслителей, достойныхъ этого имени.* Я не хочу думать, чтобы писатель, столь опытный въ журнальномъ дѣлѣ, не понялъ, что нельзя всѣхъ цитировать, не удлинняя черезъ мѣру своихъ статей, и что о доказательствахъ, много разъ приведенныхъ, весьма часто говорится въ общихъ словахъ. Это я считаю лишь ловкой (хотя не совсѣмъ благовидной) выходкой, назначенной для увеселенія неопытныхъ читателей. Надо же разнообразить журнальную статью. Тутъ же г. Антоновичъ восклицаетъ: да что это за глупая логика, которая не можетъ доказать того, что у ней передъ носомъ (т. е., реальнаго міра)? Дѣйствительно, должно быть логика глупа, что прилагаетъ свои разсужденія къ внѣшнему міру, созидая естествознаніе, а не доказываетъ существованія того, къ чему прилагаетъ свои разсужденія, что, слѣдовательно, лежитъ внѣ ея. Да ужъ кстати бы и математику назвать глупою. Вѣдь, она не можетъ доказать существованія тѣлъ, ихъ движенія, а прилагаетъ свои вычисленія къ движенію тѣлъ и создаетъ—механику. Глупая логика! глупая математика! Зато г. Антоновичъ—*очень уменъ.*

которыя мы невольно вносимъ въ то, что познаемъ, и которыя составляютъ главную причину ошибокъ нашего знанія. Дѣло въ томъ, что могутъ быть въ ряду сознанныхъ нами предметовъ такіе, которые созданы только нашей мыслью, и внѣ ея не соотвѣтствуютъ ничему. Между тѣмъ, какъ предметы, хотя и существующіе, но не входящіе въ процессъ нашей мысли, вовсе не имѣютъ никакого значенія для нашего знанія. Для *антропологической* точки зрѣнія, гдѣ человѣческая дѣятельность на первомъ мѣстѣ, все познаваемое должно быть разсмотрѣно не само въ себѣ, но по отношенію къ нашему познаванію и, съ этой точки зрѣнія, мы во всѣхъ предметахъ внѣшняго міра находимъ только процессъ нашего сознанія. Мы убѣждаемся, что есть состояніе духа, гдѣ реальные предметы имѣютъ для насъ призрачный колоритъ, есть такія состоянія, въ которыхъ сами предметы, нами сознаваемые, призрачны, и потому говоримъ: сознаніе предмета не есть еще доказательство его дѣйствительнаго существованія. Это можетъ быть бредъ, сонъ, оптическій обманъ или субъективный процессъ. Если бы наши сновидѣнія переносили насъ каждую ночь въ одну и ту же обстановку и не заключали въ себѣ самыхъ явныхъ несообразностей, то мы бы съ трудомъ могли отличить реальную нашу жизнь отъ призрачной. Реальный міръ потому для насъ реаленъ, что онъ въ нашихъ воспріятіяхъ представляетъ отсутствіе противорѣчій. Этотъ логическій критерій не нравится г. Антоновичу: онъ говоритъ, что отсутствіе противорѣчій не есть еще доказательство дѣйствительности чего бы то ни было. Правда, *метафизически* мы можемъ сомнѣваться и тогда, когда не видимъ въ фактѣ никакого противорѣчія, и даже не предполагаемъ его, но *антропологически*, для насъ, пока противорѣчіе не предполагается, фактъ реаленъ. Сомнѣніе есть уже предполагаемое противорѣчіе съ какимъ-нибудь знаніемъ, построеніемъ или вѣрованіемъ. Но сознаніе противорѣчія есть процессъ мышленія, слѣдовательно, начальные факты знанія, то, что мы не можемъ не признать дѣйствительнымъ въ себѣ, это—наша мысль. И потому въ основаніи *знанія* лежитъ *дѣйствительность процесса познанія*.

Тутъ дѣлаю небольшое отступленіе, чтобы отразить довольно важное обвиненіе г. Антоновича. Оно возвращается не разъ подъ различными формами и заключается въ томъ, что я предполагаю то, что хочу доказать: такъ, въ вопросѣ: я хочу знать, что такое философія, я скрылъ, что мнѣ было нужно, и потомъ показалъ его, какъ найденное; говоря, что

мы судимъ обо всемъ по отсутствію противорѣчій, я въ то же время ввожу наблюденіе, чтобы убѣдиться въ томъ, что доступно лишь наблюденію; наконецъ, полагая въ первый принципъ *дѣйствительность процесса сознанія*, я предполагаю весь реальный міръ, всѣ процессы, во мнѣ происходящіе, свое *я* и т. д. Обвиненіе это я считаю потому важнымъ, что при весьма маломъ знакомствѣ нашей публики съ науками, носящими названіе философскихъ, обвиненіе это имѣетъ много привлекательнаго, и г. Антоновичъ, вѣроятно, поставилъ его съ полнымъ убѣжденіемъ въ его истинности. Но болѣе внимательное вниканіе въ процессъ знанія, вѣроятно, помѣшало бы ему взводить на меня напраслину.

Первымъ принципомъ въ наукѣ или въ философской системѣ вовсе не называется такое начало, которое бы ничего не предполагало, и по очень простой причинѣ: потому что такихъ безпредположительныхъ принциповъ вовсе нѣтъ. Всякая наука, всякое построеніе имѣетъ въ своемъ основаніи предположеніе всего сущаго, выдѣленіе изъ всего этого части, нужной въ данномъ случаѣ, выдѣленіе въ этой части нѣкоторыхъ свойствъ, и, наконецъ, полученіе такого положенія, съ котораго начинается самое построеніе науки или системы. Когда математика говоритъ: *число разлагается на части и составляется изъ частей*, то въ этомъ начальномъ положеніи заключается цѣлый міръ предметовъ, помощью которыхъ мы доходимъ до понятій о числѣ, о частяхъ, цѣломъ и т. д. Точно также и еще по большей причинѣ философское построеніе *предполагаетъ* все сущее и въ этомъ во всемъ ищетъ начала, положенія, которое бы заключало все предполагаемое. Изъ ничего нельзя ничего и получить. Вопросъ, который ставитъ себѣ философская система, есть не построеніе изъ ничего, но открытіе начала, заключающагося во всемъ сущемъ, слѣдовательно, *генетически*—предполагающаго все сущее, *логически*—предполагаемаго всѣмъ сущимъ. Дѣйствительность нашего сознанія есть *генетическій результатъ* критики всего сущаго, потому что, лишь имѣя все сущее такъ, какъ оно есть, мы можемъ дойти до этого положенія; но она есть въ то же время *логическій принципъ* всего сущаго, потому что мы ничего не можемъ мыслить, познавать, изучать, не предполагая, что наше сознаніе дѣйствительно совершается. То же самое можно сказать о наблюденіяхъ, противополагаемыхъ принципу противорѣчія. «Зачѣмъ вы закрывали глаза»,—спрашиваетъ г. Антоновичъ, когда я на своихъ бесѣдахъ хотѣлъ отличить свѣтъ объективный отъ субъективнаго: «вы могли бы

сидѣть на мѣстѣ и мыслить». Въ этомъ случаѣ г. Антоновичъ сталъ на очень старую точку зрѣнія: онъ какъ бы противополагаетъ мысль человѣка внѣшней дѣятельности. Если бы въ моей мысли не рисовался рядъ воспринятыхъ представленій, реальныхъ или призрачныхъ, то я бы вовсе не мыслилъ, потому что не о чемъ было бы и мыслить. Мои представленія я сравниваю для отысканія возможнаго противорѣчія; для этого я могу ихъ наблюдать или производить надъ ними опыты; первое ограничивается дѣятельностью внутреннею, второе присоединяетъ и внѣшнюю; т. е., въ послѣднемъ случаѣ я въ процессъ мысли вовлекаю явленія, которыя *для моей мысли* соотвѣтствуютъ внѣшнему міру (иногда и они могутъ быть призрачны: такъ, во снѣ я гляжу, слушаю, ощупываю и результаты этихъ опытовъ не реальны). Наблюденія и опыты суть именно орудія моей мысли для повѣрки присутствія или отсутствія противорѣчія въ моихъ представленіяхъ, и моя внѣшняя дѣятельность есть воплощеніе моего внутренняго міра въ явленія внѣшняго. Одно неразрывно съ другимъ и одно зависитъ отъ другого. Если бы я не мыслилъ, то не дѣйствовалъ бы; я мыслю для дѣйствія; точно также, если бы я не разсуждалъ по началу противорѣчія, то не производилъ бы ни одного опыта, и если бы не умѣлъ производить опытовъ, то, вѣроятно бы, не дошелъ и до сознанія, что начало противорѣчія можетъ служить повѣркою реальности явленій и предметовъ. Только недостатокъ вниманія можетъ привести къ положенію, что, говоря о разнообразіи наблюденій, я забываю принципъ сужденія по отсутствію противорѣчій. Всѣ мои органы, какъ тѣ, помощью которыхъ я познаю міръ внутренній, такъ и направленные на міръ внѣшній, служатъ одинаково моей мысли, въ ея вопросахъ, и отрекаться отъ употребленія какого бы то ни было органа познанія, это—уродовать свою мысль, суживать ея міръ. Подобное же разсужденіе можно приложить и къ третьему подобному же обвиненію, приведенному выше, и я надѣюсь, что г. Антоновичъ, прочтя внимательно предыдущее, не станетъ повторять обвиненій, къ которымъ если и подала поводъ неясность моего изложенія, то тѣмъ не менѣе которыхъ легко было бы избѣжать, вдумавшись въ вопросъ.

Зато здѣсь мнѣ приходится упомянуть о другомъ обвиненіи, которое мнѣ совершенно непонятно со стороны именно г. Антоновича. Всѣ выстрѣлы своего остроумія направляетъ онъ на мое выраженіе, что процессъ сознанія можетъ быть личный или *безличный*. Какъ могъ я допустить послѣднее?—

Очень просто. Я уже объявилъ, что *я скептикъ* въ метафизикѣ и сущность вещей признаю недоступною разысканіямъ человѣка; поэтому я считаю одинаково пустыми предположеніями слѣдующія: личность человѣка, его *я* (по спиритуалистамъ—*душа* его) есть нѣчто самостоятельное, для котораго жизненный процессъ есть акцидентъ; или: существуетъ самостоятельное нѣчто безличное (по идеалистамъ—*безусловное* или *безусловное я*), которое только совершаетъ необходимый для него процессъ сознанія въ случайныхъ личностяхъ; или: существуетъ нѣчто безличное и безсознательное, для котораго процессъ сознанія есть случайный результатъ, получаемый въ извѣстныхъ мѣстахъ пространства, вслѣдствіе особыхъ свойствъ безличнаго начала (вещества), а человѣческое *я* есть случайная волна на океанѣ вещества. Замѣчательно, что послѣднее мнѣніе о безличности процесса сознанія принадлежитъ именно *матеріалистамъ*. Можетъ быть, г. Антоновичъ какъ-нибудь иначе понимаетъ сознаніе и человѣческое *я*, расходясь съ представителями своего лагеря, точнѣе другихъ поставившими этотъ вопросъ, но онъ долженъ настолько знать литературу разныхъ оттѣнковъ *своего* лагеря, чтобы согласиться, что я говорю правду; еще весьма недавно объ этомъ шелъ жестокій споръ между Фортлаге и Ноакомъ [1]). Для матеріалистовъ тѣло человѣка есть автоматическое совокупленіе частицъ вещества, обладающее способностью данныя впечатлѣнія передѣлывать въ соотвѣтственную внѣшнюю дѣятельность. Въ автоматѣ-человѣкѣ дѣятельность можетъ быть иногда сопровождаема *сознаніемъ* такъ же, какъ нагрѣваніе въ иныхъ случаяхъ сопровождается свѣтовыми, электрическими и другими явленіями. Конечно, въ этомъ случаѣ сознаніе только проявляется въ данномъ мѣстѣ вещества, но никакъ не составляетъ личнаго процесса: оно принадлежитъ веществу, наравнѣ съ другими его свойствами. Какъ матеріалистъ, г. Антоновичъ долженъ былъ знать это мнѣніе; какъ писатель, знакомый съ исторіей идеализма, онъ долженъ былъ знать, что и въ этомъ ученіи тоже процессъ сознанія безличенъ. Въ такомъ случаѣ для него мое выраженіе *личный или безличный процессъ* должно было быть понятно. Выражаясь длиннѣе, т. е., не формулируя, но описывая мысль, я бы могъ замѣнить слова: «процессъ сознанія, личный или безличный, дѣйствительно совершается», слѣ-

[1]) См. объ этомъ спорѣ въ вышеупомянутой статьѣ Лаврова «Современное состояніе психологіи», «V Отеч. Зап.», 1860, № 4 (вып. 6 настоящей серіи). Ред.

дующими: «какого бы вы ни были мнѣнія о происхожденіи сознанія, будете ли вы спиритуалистомъ, матеріалистомъ или идеалистомъ (что̀ мнѣ все равно, потому что я смотрю скептически на метафизическія построенія), во всякомъ случаѣ, вы должны признать со мною, что вы дѣйствительно сознаете то, что̀ вы сознаете, и если бы вы усомнились въ дѣйствительности вашего сознанія, то не могли бы не только быть спиритуалистомъ, матеріалистомъ или идеалистомъ, но не могли бы имѣть какое бы то ни было познаніе». Я до сихъ поръ не знаю, чѣмъ объяснить насмѣшки г. Антоновича надъ выраженіемъ, которое именно для него должно быть вполнѣ понятно: я бы понялъ, если бы на меня напали за это спиритуалисты.

Возвращаюсь къ моему построенію. Я объяснилъ, какъ полагаю, достаточно, что принципъ дѣйствительности процесса сознанія есть основной философскій принципъ не генетически, но логически. Не останавливаюсь на второмъ принципѣ—*реальности внѣшняго міра*, такъ какъ о немъ спора нѣтъ, но перехожу къ третьему—къ принципу скептицизма въ метафизикѣ, на который опирается двойственное построеніе философіи природы и философіи духа. Здѣсь я встрѣчаю главныя обвиненія противъ меня, и *послѣднія*, на которыхъ я остановлюсь.

Во-первыхъ, нападеніе заключается въ томъ, что, будучи врагомъ гипотезъ, я начинаю съ гипотезъ: *сознаніе дѣйствительно, міръ внѣшній реаленъ, процессъ познаванія тождественъ для всѣхъ людей.* Отвѣчаю: я врагъ *лишнихъ* гипотезъ, которыя не нужны и потому вредны. Безъ необходимыхъ гипотезъ не можетъ обойтись ни одна система; мнѣ остается доказать, что предыдущія гипотезы необходимы. Для этого достаточно сказать: нѣтъ ни одного мыслителя, который бы не чувствовалъ необходимости этихъ самыхъ гипотезъ и не предполагалъ ихъ, большею частью не говоря ни слова объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ: вы написали какое-нибудь разсужденіе: значитъ, вы принимаете, что вашъ процессъ мысли дѣйствителенъ, что люди, для которыхъ вы пишете, и предметы, для того служащіе, реальны, и что вы можете заставить понять себя, т. е., что другіе сознаютъ и разсуждаютъ подобно вамъ. Все это такъ просто и ясно, что даже совѣстно повторять предыдущее. Я хотѣлъ лишь указать на необходимыя условія всякаго философскаго построенія, не доказываемыя, не допускающія доказательства, но, тѣмъ не менѣе, обуславливающія всякую умственную дѣятель-

ность. Весьма невѣроятно, чтобы г. Антоновичъ былъ настолько невнимателенъ къ собственному и чужому мышленію, чтобы не замѣтить, что безъ указанныхъ гипотезъ никто не обходился, не обходится и не обойдется. Отчего же онъ меня въ нихъ упрекаетъ? или это тоже журнальное украшеніе статьи?

Перехожу къ самому важному пункту, неясность котораго для г. Антоновича мнѣ совершенно понятна, потому что я выразился о немъ довольно кратко, полагая, можетъ быть, ошибочно, что читатель, знакомый съ философскимъ языкомъ, поймет, меня. Г. Антоновичъ не понялъ, обрушилъ на мою голову достаточное количество прозаическихъ самыхъ любезныхъ эпиграммъ и даже приплелъ стихи, приличные случаю. Всякій выражается такъ, какъ привыкъ, и если г. Антоновичъ находитъ, что остро и прилично писать тономъ, которымъ пишетъ, это его дѣло, и характеристично для кружка, въ которомъ онъ развился и дѣйствуетъ. Отвѣчая моимъ критикамъ по случаю дѣла, которое считаю важнымъ не только для себя, но и для современнаго общества вообще, я не могу выбирать лицъ, съ которыми бы желалъ входить въ литературные споры, но считаю своею обязанностью отвѣчать всякому, спорящему во имя честнаго принципа, каковъ бы ни былъ тонъ его статей.

Выходя изъ цѣльной дѣятельной человѣческой личности, я нашелъ, что одна дѣятельность человѣка есть *познаніе*, и, разбирая ея условія, пришелъ къ условію дѣйствительности сознанія и реальности внѣшняго міра. Теперь философское построеніе требуетъ связи между моею мыслью, признанною за дѣйствительную, и внѣшнимъ міромъ, признаннымъ за реальный. Особенность этой связи зависитъ отъ философской точки исхода. Для меня эта связь опредѣляется своимъ отношеніемъ къ человѣческой дѣятельности. Мысль человѣка имѣетъ двоякое отношеніе къ реальному міру. Она воспринимаетъ его теоретически, какъ познаваемый міръ; она входитъ въ него практически, какъ въ немъ дѣйствующая. Внѣшняя дѣятельность служитъ опорою и повѣркою знанія, какъ знаніе—опорою и предположеніемъ для внѣшней дѣятельности. Все, что обуславливаетъ познаніе и практическую дѣятельность, составляетъ существенно важный пунктъ въ философіи; все, расширяющее знаніе и дѣятельность, должно быть ею тщательно разработано; все, недоступное знанію и не имѣющее вліянія на практическую дѣятельность, должно составлять ея самую маловажную заботу. Къ первымъ пунк-

тамъ философія должна относиться *догматически*, ко вторымъ *критически*, къ послѣднимъ *скептически*. Оставляя въ сторонѣ практическую дѣятельность, остановлюсь на теоретической, такъ какъ о ней только говорилъ г. Антоновичъ. Мы видѣли *принципы*, обуславливающіе знаніе, и къ которымъ человѣкъ относится догматически. Все остальное знаніе представляетъ приложеніе критики. Она, для каждаго отдѣла знаній, отыскиваетъ приличный методъ повѣрки фактовъ и раздробляется для различныхъ наукъ на различные методы, но тутъ въ особенности важны два обстоятельства. Причины ошибокъ, которыя должно устранить, заключаются какъ въ условіяхъ собиранія фактовъ и ихъ группировки, такъ еще въ условіяхъ мышленія. Факты внѣшняго и внутренняго міра, собираемые въ науки, необходимо связаны между собою и мы ихъ собираемъ, отыскивая эту необходимую связь. Но, съ другой стороны, процессъ нашего мышленія совершается также по необходимымъ законамъ, и мы всякій фактъ нашего представленія вводимъ въ необходимо присущія намъ логическія отношенія, эстетическіе образы, философскія построенія. Всякій фактъ въ нашемъ представленіи задаетъ намъ двоякій вопросъ: отъ какихъ внѣшнихъ явленій онъ произошелъ? Къ какому процессу нашего мышленія онъ относится? Первое опредѣляетъ значеніе этого факта въ нашемъ знаніи реальнаго міра; второе—его мѣсто въ нашемъ мыслимомъ мірѣ. Оба вопроса необходимы. Первый требуетъ для своего рѣшенія различныхъ научныхъ методовъ, о которыхъ мы говорили; послѣдній — почти исключительно діалектическаго метода Гегеля. Собраніе отвѣтовъ на вопросы перваго рода, относимые къ всѣмъ возможнымъ фактамъ, представляетъ намъ всѣ явленія природы въ цѣльномъ кругѣ, другъ отъ друга зависящія, друга друга обуславливающія, другъ въ друга переходящія и въ этомъ видѣ составляющія *философію природы*. Собраніе отвѣтовъ на вопросы второго рода, опять-таки относимые ко всѣмъ фактамъ, представляетъ намъ все сущее, какъ строимое нами по необходимому процессу нашего мышленія, какъ связанное этимъ процессомъ въ систематическое цѣлое, и въ этомъ цѣломъ составляющее *философію духа*. Оба рода вопросовъ относительно фактовъ нашего представленія не придуманы нами нарочно, но составляютъ необходимое условіе точнаго знанія. Чтобы избѣжать призрачныхъ предположеній, невѣрныхъ наведеній, мы должны строго обращать вниманіе на то и другое. Слѣдовательно, также необходимо стремиться къ построенію философіи природы,

т. е., міра, какъ самостоятельнаго круга явленій, гдѣ человѣкъ есть одна переходная точка, такъ и философіи духа, т. е., міра, какъ процесса мысли въ ея развитіи. То и другое очень трудно, дѣлается лишь урывками, по частямъ, и врядъ ли когда будетъ вполнѣ достигнуто; но философія, округляющая все, еще не конченное наукою, уже теперь можетъ указать на эти два построенія, какъ цѣли знанія.

Все предыдущее есть опять-таки не придуманныя теоріи, но условія, сами собою выходящія изъ требованій надлежащаго знанія предмета. Не думаю, чтобы мыслители разныхъ школъ, какое бы ни было ихъ вѣрованіе, отвергли справедливость указанія двойственности вопроса, получаемаго изъ каждаго факта представленія, и потому не знаю, почему бы г. Антоновичу не согласиться, что подобные вопросы точно задаются, отвѣты имъ ищутся, и изъ собранія отвѣтовъ, если бы они получились удовлетворительно, или гипотетически, составятся два представленія міра: во-первыхъ, какъ источника сознанія и дѣятельности человѣческой, во-вторыхъ, какъ результата человѣческаго мышленія. Первое сходно съ тѣмъ требованіемъ, которое ставятъ матеріалисты, но разнится отъ матеріалистическаго построенія тѣмъ, что причины явленій отыскиваются всегда въ предшествовавшихъ явленіяхъ, никогда въ силахъ и свойствахъ вещества. Второе сходно съ системою идеалистовъ, но отличается отъ нея тѣмъ, что въ мыслимомъ мірѣ мы ищемъ не дѣйствительный міръ, а дѣйствительный процессъ мысли о мірѣ.

Но затѣмъ всѣ догматики задаютъ вопросъ: какое же дѣйствительное отношеніе *по сущности* между реальнымъ міромъ и мыслью человѣка? Кто кого произвелъ? Есть ли человѣческая дѣятельность необходимый результатъ или свободная сила, по произволу пересоздающая міръ? Что такое человѣческое *я*? Нѣчто самостоятельное или волна безличнаго океана? Что изъ всего упомянутаго существенно (субстанціально) и что случайно (акцидентально)? и т. д. Отвѣты на эти вопросы не имѣютъ никакого значенія для человѣческой дѣятельности и никакой роли въ человѣческомъ знаніи; *я* полагаю, что они ему вовсе недоступны. На основаніи такого значенія этихъ вопросовъ съ антропологической точки зрѣнія, т. е., съ точки зрѣнія человѣка, какъ дѣйствующаго и понимающаго, *я* полагаю, что къ нимъ можно отнестись *скептически*, т. е., оставить ихъ въ сторонѣ, не считать нисколько важнымъ, которое изъ метафизическихъ рѣшеній соотвѣтствуетъ дѣйствительности; такимъ образомъ, *я* избѣгаю

всякаго догматическаго положенія внѣ человѣка, положенія, которое, какъ показано въ первой статьѣ, ведетъ необходимо къ невозможности построенія практической философіи, слѣдовательно, лишаетъ систему одной изъ существеннѣйшихъ ея частей.

Можно ли допустить философскую систему, которая бы относилась скептически къ метафизическимъ вопросамъ? Полагаю, что можно. Системы, рѣшающей всѣ вопросы одинаково строго, не было, да, вѣроятно, и не будетъ. Каждая система смотрѣла на одни вопросы, какъ на существенные, другіе считала важными для себя, а къ нѣкоторымъ оставалась совершенно хладнокровною, т. е., допускала для нихъ возможность различныхъ рѣшеній безъ вліянія на сущность системы; иначе говоря, она относилась къ этимъ вопросамъ *скептически*. Правду сказать, что большею частью именно вопросы метафизическіе считались существенными; въ вопросахъ же относительно человѣческой дѣятельности, вообще, и человѣческаго познанія, въ особенности, допускалось разногласіе. Мыслители большею частью искали истину не *для человѣка*, а съ точки зрѣнія, отрѣшенной отъ его существованія. Время отъ времени являлись скептики, уличавшіе предыдущихъ мыслителей, что они отъ человѣческой точки зрѣнія отрѣшиться не въ состояніи и, начиная веществомъ, бытіемъ, богомъ, безусловнымъ, гипостасируютъ въ этихъ существахъ *человѣческое* пониманіе. Но эти критики оставались безплодными. Начиналась снова работа данаидъ метафизики съ другой точки зрѣнія, или скептицизмъ останавливался на элементарной точкѣ зрѣнія всеобщаго *сомнѣнія*, отрицая всякое построеніе и всякую дѣятельность. Мнѣ кажется, что рядъ ученій послѣднихъ вѣковъ достаточно подготовилъ вопросъ, чтобы можно было поставить его надлежащимъ образомъ. Догматическія точки зрѣнія въ метафизикѣ осуждаютъ себя тѣмъ, что не могутъ дать правильнаго построенія человѣческой дѣятельности; онѣ ведутъ къ индифферентизму въ этикѣ; чисто-антропологическая точка зрѣнія ведетъ къ скептицизму въ метафизикѣ. Изъ этихъ двухъ воззрѣній, кажется, и выбирать нечего, тѣмъ болѣе, что самая жизнь рѣшаетъ дѣло: постоянныхъ индифферентистовъ въ этикѣ *нѣтъ* и быть *не можетъ*, между тѣмъ, какъ всѣ догматики дѣйствуютъ практически, какъ совершенные скептики въ метафизикѣ, допускающіе для себя полную возможность произвольнаго поставленія цѣлей, ихъ достиженія и т. д. Поэтому я становлюсь на чисто-антропологическую точку зрѣнія, т. е., опредѣляю

догматически принципы, обуславливающіе человѣческое знаніе и человѣческую практическую дѣятельность, требую критическаго разбора вопросовъ знанія и этики, чтобы устранить односторонность. Такимъ образомъ, получаю требованіе построенія философіи природы, философіи духа и требованіе *человѣчной* дѣятельности. Затѣмъ обращаюсь къ вопросамъ метафизики и ограничиваюсь тѣмъ, что даю имъ мѣсто въ философіи духа, а объ ихъ дѣйствительномъ рѣшеніи говорю: мнѣ все равно; можетъ быть, оно такъ, можетъ быть, иначе; я этого не знаю, не могу знать, да и не хочу, потому что это *послѣдніе* вопросы знанія и дѣятельности, не имѣющіе никакого прямого вліянія на процессъ послѣднихъ. *Върьте* чему угодно; можетъ быть, и я, какъ частный человѣкъ, болѣе склоненъ *вѣрить* одному метафизическому рѣшенію, чѣмъ другому; но это дѣло частное, и до построенія философской системы вовсе не касается; лишь проповѣдники стараются внушить другимъ свое *вѣрованіе;* лишь неразвитый умъ смѣшиваетъ вѣрованіе съ убѣжденіемъ; а мыслитель долженъ внести въ свое построеніе только свое *убѣжденіе.* Полагаю, что я высказался довольно ясно, чтобы можно было понять меня, если *захотятъ* еще это сдѣлать.

Еще одно замѣчаніе Не знаю, почему г. Антоновичъ полагаетъ, что я хотѣлъ построить безусловно вѣрную систему *на всѣ времена.* Я этого никогда не думалъ. Всѣ системы соотвѣтствуютъ требованіямъ своего времени, но есть такія, которыя хотятъ сдѣлать невозможное для даннаго времени. Система Декарта и Канта, каждая въ свою эпоху, схватили вѣрно современный вопросъ и потому достигли обширнаго вліянія, стали необходимыми звеньями всякаго развитія. Теперь, мнѣ кажется, очередь антропологическаго начала, которое высказано по частямъ и въ своихъ главныхъ требованіяхъ во множествѣ сочиненій, но едва ли было построено въ полную систему и проведено во всѣхъ своихъ частностяхъ. Г. Антоновичъ мнѣ говоритъ, что его всѣ допускаютъ, но различно понимаютъ его. Я согласенъ, что это слово нынче часто употребляется по большей части какъ маска для другихъ началъ, не ставя на первое мѣсто вопроса: что такое *для человѣка* его дѣятельность, его знаніе, его вѣрованіе? какой дѣйствительный смыслъ словъ, которыя повторяются въ томъ или другомъ ученіи? Только ставъ на эту точку зрѣмія, мы дѣлаемъ антропологію философскою системою.

Я сказалъ уже, что отвѣчу только на главныя возраженія моихъ критиковъ, оставивъ въ сторонѣ многое, что расши-

рило бы безъ мѣры мой отвѣтъ. Я постараюсь на остальныя замѣчанія отвѣтить *дѣломъ*, т. е., съ большею ясностью и опредѣленностью высказать при случаѣ мое мнѣніе такъ, чтобы устранить по возможности недоразумѣнія. Это я сдѣлаю, если удастся, въ Энциклопедическомъ Словарѣ [1]). Теперь кончаю статью, которую, признаюсь, писалъ съ большою неохотою. Для большинства читателей она представляетъ мало интереса: что̀ ему за дѣло, какіе аргументы правдоподобнѣе? Ищетъ ли оно въ журналахъ убѣжденія или пріятнаго препровожденія времени? Если послѣдняго, то, конечно, мои критики имѣютъ неоспоримое преимущество передо мною. Прочтутъ ли и мои критики эти страницы съ тѣмъ спокойствіемъ и вниманіемъ, которыя необходимы для оцѣнки словъ человѣка, съ нами несогласнаго? Или одинъ скажетъ: дичь! другой: пустое словопреніе! Но статья кончена, и—довольно...

Споръ этотъ мнѣ былъ тѣмъ болѣе непріятенъ, что я на него смотрю, какъ на междоусобную войну. У меня съ моими критиками одни и тѣ же практическія требованія, одни и тѣ же враги, одни и тѣ же затрудненія. Если г. Писаревъ полагаетъ, что русскому характеру всего сроднѣе матеріализмъ, то я думаю, что онъ ошибается: русскій скептически смотритъ на всѣ метафизическіе вопросы, и для него самая приличная система та, которая броситъ за бортъ весь этотъ историческій хламъ и займется построеніемъ человѣческаго знанія и человѣческой дѣятельности. Спорить о веществѣ и духѣ—дѣйствительно, схоластика въ наше время, гдѣ требованія человѣка такъ разнообразны. Вмѣсто того, чтобы утверждать или отрицать существованіе того, чего нельзя ни изслѣдовать, ни повѣрить, покажите только, какимъ путемъ мышленіе человѣка приходитъ къ понятію, соотвѣтствующему словамъ *вещество* и *духъ*. Это будетъ дѣйствительное пріобрѣтеніе, а все остальное — пустое словопреніе. Сражайтесь, господа, во имя вашихъ вѣрованій противъ другихъ, болѣе туманныхъ или совершенно нелѣпыхъ вѣрованій, но не выставляйте ваши вѣрованія послѣднимъ словомъ науки

---

[1]) Съ однимъ укоромъ г. Антоновича не могу не согласиться. Онъ упрекнулъ меня, что я надавалъ множество обѣщаній; и это справедливо: я былъ на нихъ неумѣренъ. Что изъ обѣщаннаго удастся мнѣ выполнить, не знаю, но постараюсь сдѣлать все, что могу.

[Это обѣщаніе было Лавровымъ въ значительной степени выполнено въ статьяхъ «Энциклопедическаго Словаря» («Антропологическая точка зрѣнія», «Единство»), напечатанныхъ въ э т о м ъ же выпускѣ нашего изданія. Р е д.]

и не смотрите съ презрѣніемъ на тѣхъ, которые болѣе скромнымъ, усидчивымъ трудомъ развертываютъ одну за другою страницы человѣческаго мышленія, осторожно подвигаются впередъ, чтобы не оступиться, тщательнымъ разборомъ словъ отдѣляютъ призраки отъ реальнаго событія и воспитываютъ *убѣжденное* меньшинство въ то время, когда вы боретесь съ противниками за *увлекающееся* большинство.

Въ уваженіи человѣческаго достоинства и науки, во враждѣ со всѣмъ, что оскорбляетъ первое, что мѣшаетъ развитію послѣдней, я считаю себя союзникомъ моихъ критиковъ. Я уважаю ихъ вѣрованіе, какъ всякое другое, если оно искренно; болѣе другого, потому что оно проще и безвреднѣе другихъ; но я не могу считать его годнымъ для философскаго построенія, не могу сочувствовать вопросамъ, которые мнѣ кажутся давно пережитыми и не стоющими серьезнаго вниманія, между тѣмъ какъ на очереди вопросъ о человѣческомъ достоинствѣ; а его оскорбляютъ даже тѣ, которые должны бы быть его первыми защитниками; на очереди вопросъ о человѣческомъ знаніи; а съ какимъ пренебреженіемъ съ нимъ обращаются на каждомъ шагу... Оскорбить противника, бросить ему въ пылу спора въ глаза искаженные факты, сплоченные эфемерною гипотезою,—это ежедневныя продѣлки... Въ чемъ же заключается наше уваженіе къ достоинству человѣка, къ его знанію?

Повторяю, я смотрю на мой споръ съ моими критиками, какъ на междоусобную войну, и потому съ тяжелымъ чувствомъ началъ и кончаю эту статью. Наши общіе противники могутъ порадоваться...

Антропологическая точка зрѣнія въ философіи [1]).

Антропологическая точка зрѣнія *въ философіи* отличается отъ прочихъ философскихъ точекъ зрѣнія тѣмъ, что въ основаніе построенія системы ставитъ *цѣльную* человѣческую личность или физико-психическую особь, какъ неоспоримую данную. Факты, прямо вытекающіе изъ этой данной, составляютъ главныя положенія системы. Все, относящееся къ одной лишь сторонѣ человѣческаго бытія, признается отвлеченнымъ (абстрагированнымъ) отъ цѣльнаго бытія человѣка и подвергается критикѣ лишь въ отношеніи къ человѣческой дѣятельности, ему однородной; отношеніе же къ дѣятельности, ему неоднородной, оставляется внѣ системы, какъ подлежащее сомнѣнію.

Для того, чтобы подобное построеніе могло имѣть мѣсто, оно должно заключать: а) *логическое доказательство* своей законности, т. е., доказательство, что всѣ факты, могущіе войти въ философію, не только не противорѣчатъ *бытію цѣльнаго человѣка*, но предполагаютъ его; б) *полемическое доказательство* своей законности, т. е., доказательство, что другіе философскіе принципы суть ни иное что̀, какъ односторонніе формулы антропологическаго принципа, формулы, которыя приводятъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ въ построеніи, если мыслители не допускаютъ въ послѣднемъ непослѣдовательности, именно—заимствованій изъ міросозерцаній другого рода; в) *философское доказательство* возможности построить съ антропологической точки зрѣнія стройную систему, охватывающую все сущее; г) *историческое доказательство* своей законности, т. е., доказательство, что

[1]) Энциклопедическій Словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т. V. Спб. 1862 г. Подпись—П. Л. Ред.

историческое развитіе философскихъ системъ приводитъ наше время къ необходимости остановиться на антропологической точкѣ зрѣнія.

А) *Логическое доказательство.* Все сущее въ той лишь мѣрѣ существуетъ для человѣка, въ какой имъ сознается. Всякое явленіе въ сознаніи человѣка представляется ему, какъ неотразимый фактъ, независимо отъ того, относится ли этотъ фактъ къ реальному міру внѣ человѣка, къ практическому міру его дѣятельности, или къ внутреннему міру его субъективныхъ представленій, его отвлеченнаго мышленія. Поэтому, логическое доказательство законности антропологической точки зрѣнія можетъ ограничиться взятіемъ въ соображеніе *фактовъ сознанія.*—Все сознанное предполагаетъ особенный психическій процессъ, который, правильно или ошибочно, но неудержимо относится человѣкомъ къ своему *я*. Внѣшній міръ въ сознаніи представляется реальнымъ на столько, на сколько эта реальность повѣряется наблюденіемъ и опытомъ, т. е., дѣйствіями человѣческаго *я*, направленными извѣстнымъ образомъ, помощью мышленія, для повѣрки реальнаго міра; слѣдовательно, всякій фактъ внѣшняго міра, сознанный, какъ реальный, предполагаетъ человѣческую дѣятельность, которая входитъ помощью органовъ тѣла во внѣшній міръ на столько же, на сколько охватываетъ его мыслью. Внутренній міръ мысли могъ бы быть допущенъ безъ внѣшняго міра; но легко убѣдиться, что всякая мысль, въ процессѣ своего происхожденія, основывается на впечатлѣніяхъ, полученныхъ (или представляющихся какъ полученныя) органами тѣла отъ внѣшняго міра, такъ что, отвергая реальность внѣшняго міра, мы должны отвергнуть реальность собственныхъ впечатлѣній, а вслѣдъ за тѣмъ усомниться въ достовѣрности собственнаго мышленія, результаты котораго суть лишь отвлеченія (абстракціи) отъ впечатлѣній. Итакъ, міръ мысли предполагаетъ тоже человѣческую дѣятельность, черпающую для мысли матеріалъ изъ внѣшняго міра. Поэтому, все сознаваемое или все сущее предполагаетъ цѣльнаго человѣка, который есть одновременно объединенная часть вещественнаго міра и сознательная личность [1]).

Б) *Полемическое доказательство.* Различныя системы философіи заключали всегда въ себѣ нѣкоторыя основанія, при-

---

[1]) Въ «Словарѣ» далѣе слѣдовало: «(см. Сознаніе, Міръ и рефер. тамъ)». Мы вездѣ выпускаемъ такія ссылки на тѣ статьи «Словаря», которыя за его прекращеніемъ не были написаны. Ред.

нимаемыя за безспорныя, другія положенія критически выводились изъ основныхъ началъ, наконецъ, нѣкоторые вопросы отбрасывались, какъ маловажные, на задній планъ системы, т. е., въ каждую систему входилъ элементъ догматическій, критическій и скептическій. Ни одинъ изъ этихъ элементовъ не можетъ господствовать нераздѣльно. Критическій разборъ предполагаетъ всегда принятое основаніе; скептицизмъ допускаетъ судъ надъ достовѣрностью того, что̀ подвергается сомнѣнію. Одинъ догматизмъ, повидимому, могъ бы быть полнымъ, но только повидимому. Такъ какъ прямыя впечатлѣнія чувствъ, размышленія и свидѣтельства часто приводятъ къ противорѣчивымъ результатамъ, то, принимая одно изъ показаній, какъ достовѣрное, мы по необходимости должны или усомниться въ другихъ, или подвергать ихъ критикѣ. Поэтому вопросъ заключается лишь въ томъ: при философскомъ построеніи, что̀ принять за догматическое основаніе? что̀ подвергать критикѣ? и что̀ откинуть, какъ не подлежащее разбору, въ область призраковъ, о которыхъ нельзя сказать, соотвѣтствуетъ ли имъ что-либо дѣйствительное или нѣтъ? Бытіе человѣка, какъ отдѣльной и цѣльной физически-психической личности, не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, потому что, какъ мы видѣли предъ этимъ, оно предполагается всѣми фактами нашей дѣятельности, сознаваемаго внѣшняго міра и собственной мысли. Остается лишь вопросъ: принять ли его за догматическое основаніе или подвергнуть цѣльность и отдѣльность этого бытія критикѣ во имя другого принципа? Новый принципъ можетъ быть взятъ во внѣшнемъ мірѣ, въ мірѣ мыслей или въ мірѣ созданій человѣческихъ преданій; кромѣ того, можно изъ этихъ трехъ міровъ комбинировать существа, которыя принять за основаніе философскаго построенія, какъ безспорныя; такимъ образомъ, получаются многоразличные принципы *метафизическихъ* міросозерцаній (вещество, сила, атомъ, монады, природа, Богъ, духъ, идея, безусловное и т. д.), и эти системы мы противополагаемъ *антропологической*, принимающей за основаніе человѣческую личность въ ея физико-психической нераздѣльности. Метафизическія системы можно раздѣлить на двѣ группы: допускающія неизмѣнность законовъ въ мірѣ, ими строимомъ, и отвергающія эту неизмѣнность. Въ послѣднихъ системахъ все сущее представляетъ накопленіе фактовъ, между которыми не существуетъ ни необходимой связи, ни необходимаго противорѣчія; объ этихъ фактахъ можно сказать, что они совершились, но нельзя сказать, что они

должны были совершиться такъ, какъ совершались. Предсказаніе явленій, группировка ихъ, а, слѣдовательно, знаніе—дѣлается невозможнымъ. Подобныя системы отвергаютъ науку, отвергаютъ достовѣрность мышленія, слѣдовательно, отвергаютъ сами себя (такъ какъ онѣ сами предполагаютъ мышленіе) и потому должны быть отброшены, какъ противорѣчивыя. Системы, допускающія неизмѣнность теченія событій, сильны, пока онѣ обнимаютъ область знаній, но онѣ всѣ безсильны овладѣть явленіями жизни, именно явленіями нравственнаго суда; понятіе *долга* (Sollen) въ нихъ невмѣстимо. Онѣ принуждены отнестись къ нему скептически, если хотятъ быть послѣдовательными. Но онѣ не могутъ остановиться и на этой точкѣ, потому что, отвергнувъ нравственный судъ, онѣ принуждены допустить нравственный индифферентизмъ, какъ состояніе, въ которомъ человѣкъ наиболѣе подходитъ къ истинному взгляду на вещи; но нравственный индифферентизмъ обнимаетъ, между прочимъ, положеніе: «все равно, допускать ложь или истину», т. е., отвергаетъ достоинство всякаго знанія, всякаго построенія, а, слѣдовательно, того самаго міросозерцанія, которое къ нему привело. Изъ этого противорѣчія большинство системъ выходитъ лишь помощью тайныхъ заимствованій еще другого принципа, дополняющаго принятыя ими основанія и позволяющаго имъ обнять нравственные вопросы. Кромѣ того, во всѣхъ принципахъ метафизическихъ системъ психологическій анализъ легко узнаетъ результаты процессовъ человѣческаго мышленія, результаты, получаемые при отбрасываніи нѣкоторыхъ сторонъ человѣческой дѣятельности, слѣдовательно, при переходѣ отъ реальнаго человѣческаго бытія къ болѣе отвлеченному представленію. Это будетъ показано въ статьяхъ, относящихся къ каждой системѣ особо. Итакъ, всѣ метафизическія системы приходятъ къ самоотрицанію и представляются, какъ допущенія основнымъ реальнымъ началомъ того, что̀ есть результатъ *отвлеченія* отъ цѣльнаго человѣческаго бытія.

В) *Философское доказательство.* Принимая человѣческую личность за основаніе построенія, какъ цѣльную физико-психическую особь, мы видимъ, что цѣльность этой личности обуславливается взаимодѣйствіемъ двухъ родовъ явленій, въ ней происходящихъ: впечатлѣнія, получаемыя органами чувствъ изъ внѣшняго міра, представляются *основаніями* (Grund, fondement) *теоретической дѣятельности* человѣка—психическихъ процессовъ; явленія сознанія обращаются въ

причины (Ursache, cause) *практической* его *дѣятельности*— участія личности во внѣшнемъ мірѣ. Единство личности въ обоихъ этихъ случаяхъ разлагается на два элемента: *объективно* человѣкъ есть особь, дѣятельная на основаніи побужденій; *субъективно* человѣкъ есть личность, стремящаяся къ доставленію себѣ наслажденій и къ устраненію страданія. Объективный элементъ ограничивается *механизмомъ* дѣятельности; субъективный — *чувствованіемъ* (Gefühl, sentiment) личности. Совокупленіе ихъ, процессъ бытія чувствующаго механизма есть *жизнь*, первое полное проявленіе личности, первая форма, въ которой личность мыслитъ себя по необходимости. Живая личность или личность, сознательно стремящаяся къ наслажденію, заключаетъ въ своей дѣятельности два момента: *познаніе* того, что̀ можетъ доставить наслажденіе, и *дѣйствіе* для достиженія послѣдняго. Первое даетъ начало философіи теоретической, послѣднее—практической.

I. Философія теоретическая заключаетъ въ себѣ *пропедевтику* теоретической философіи, т. е., опредѣленіе принциповъ и дѣленій теоретической философіи, и самыя построенія отдѣльныхъ ея частей.— *А*) *Пропедевтика теоретической философіи.* Философія теоретическая опредѣляетъ прежде всего условія познанія и открываетъ ихъ три: каждая личность по необходимости признаетъ *дѣйствительными* всѣ факты своего *личнаго сознанія*; каждая личность признаетъ *внѣшній міръ* столь же *реальнымъ*, какъ себя—нераздѣльную физически-психическую особь; каждая личность признаетъ въ *другихъ личностяхъ вообще* способность дѣйствительнаго сознанія и реальнаго познаванія, на столько же, какъ въ себѣ. Присоединеніе послѣдняго необходимаго условія познанія въ предыдущемъ позволяетъ теоретической философіи перейти отъ *личнаго взгляда отдѣльной особи* къ *общечеловѣческой теоріи.* Она прежде всего формулируетъ свои принципы: 1) *Принципъ дѣйствительности сознанія.* Во всѣхъ личностяхъ происходитъ *дѣйствительный* процессъ *сознанія*, составляющій основу всего сущаго для каждой личности отдѣльно и для человѣческаго знанія вообще. Все сознанное одинаково-дѣйствительно и должно войти въ правильное философское построеніе. 2) *Принципъ реальнаго знанія.* Не все дѣйствительное *реально*, т. е., совпадаетъ съ единствомъ нашей собственной физико-психической личности. Есть въ нашемъ сознаніи многое *феноменальное*, т. е., дѣйствительное *только* въ нашемъ сознаніи, *только* психически, а не такъ, какъ наша личность—*физико-психически.*

Надо строго различать, что въ нашемъ сознаніи *реально* и что *феноменально*. Для этого служитъ научная *критика*, основанная на началѣ *противорѣчія*. Лишь то реально, что мы сознаемъ, не находя противорѣчія при этомъ сознаніи ни въ самомъ понятіи сознаваемаго, ни въ группировкѣ вновь сознаваемаго съ прежде сознаннымъ. 3) *Принципъ скептицизма въ метафизикѣ*. Критика реальнаго простирается лишь такъ далеко, какъ сознаніе личности въ ея цѣлости. То, что допускаетъ феноменальное бытіе въ мысли, но недоступно органамъ чувствъ, не можетъ ни быть признано реальнымъ, ни отвергнуто; оно остается внѣ реальнаго міра, и реальная личность относится къ нему *скептически*. Но, будучи личностью физико-психическою, она не можетъ оставить подобныя внѣ-реальныя или *метафизическія* существа безъ всякаго вниманія; реальность ихъ сомнительна, но они совершенно дѣйствительны для сознанія, а потому процессъ ихъ происхожденія долженъ быть объясненъ, т. е., человѣкъ относится скептически ко всѣмъ метафизическимъ созданіямъ, но объясняетъ ихъ, какъ феномены мысли.—Но между метафизическими вопросами одинъ особенно важенъ, потому что касается отношенія между основными данными теоретической философіи. Реальная личность сознаетъ однородный ей реальный міръ и получаетъ мыслимый міръ, однородный ея сознанію. Но мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить независимое отъ нашего воззрѣнія *(существенное)* отношеніе между дѣйствительнымъ фактомъ нашего мышленія и реальнымъ міромъ. Намъ съ одинаковой необходимостью представляются вопросы: какое мѣсто занимаетъ данный фактъ въ ряду явленій реальнаго міра? и какимъ процессомъ мышленія мы приходимъ къ сознанію этого факта такимъ, какъ онъ намъ представляется въ нашемъ сознаніи, т. е., какое мѣсто онъ занимаетъ въ ряду явленій нашей мысли? Распространяя эти вопросы на всѣ факты реальнаго міра, мы одинаково приходимъ къ двумъ построеніямъ: а) Реальный міръ представляется намъ, какъ совокупность явленій, самостоятельно существующая, независимо отъ нашего сознанія, и въ которой наше сознаніе, наша личность, человѣкъ вообще, его дѣятельность, исторія и ея перипетіи суть частности общаго процесса. б) Реальный и феноменальный міры представляются намъ, какъ рядъ результатовъ процесса человѣческой мысли, какъ *мыслимый міръ*, строющійся по логическимъ законамъ мышленія, по неизбѣжнымъ категоріямъ духовныхъ процессовъ; тутъ реальный міръ есть только частный случай мысли-

маго и отличается отъ феноменальныхъ фактовъ сознанія, какъ одинъ частный случай отъ другого; первый для насъ есть результатъ *знанія*, второй—результатъ *творчества*; оба одинаково важны. Если мы становимся на точку зрѣнія какой-либо *метафизической* системы, то одно изъ этихъ двухъ построеній *ложно* и должно быть отброшено: или мысль и ея процессъ есть частный случай реальнаго міра, или реальный міръ есть частный продуктъ мышленія. Съ *антропологической точки зрѣнія* мы относимся *скептически* къ обоимъ этимъ построеніямъ *по ихъ сущности*, но положительно *по ихъ отношенію* къ человѣческой дѣятельности, и говоримъ: мы не разрѣшаемъ, рѣшить не можемъ и считаемъ весьма маловажнымъ *для человѣка* метафизическій вопросъ объ отношеніи реальнаго бытія къ мышленію; это—дѣло личнаго *вѣрованія*, не имѣющаго и не долженствующаго имѣть вліянія на то, какъ человѣкъ будетъ въ своемъ *дѣйствительномъ познаніи* относиться къ двумъ родамъ вопросовъ, приводящихъ къ указаннымъ построеніямъ. Если бы человѣкъ остановился на скептическомъ взглядѣ и призналъ оба построенія *равно ложными*, онъ бы отрекся отъ всякаго познанія, точно такъ же, какъ, останавливаясь исключительно на томъ или на другомъ способѣ построенія, онъ бы пришелъ къ *односторонне му*, *неполному*, *неточному* знанію; онъ бы познавалъ факты только по отношенію къ своему *физическому* существованію или къ своему *мышленію*. Какъ личность *физико-психическая*, онъ долженъ обратить вниманіе на обѣ стороны вопроса или долженъ одинаково разбирать въ каждомъ сознанномъ фактѣ, какъ его отношеніе къ реальному міру, такъ и къ процессу мышленія, или, переходя отъ отдѣльныхъ фактовъ къ ихъ группировкѣ, человѣкъ долженъ одинаково построить весь реальный міръ, какъ независимый отъ мышленія кругъ явленій, и весь мыслимый міръ, какъ результатъ психическаго процесса въ его развѣтвленіи на *знаніе* и *творчество*. Первое построеніе даетъ *Б) Философію природы*, второе—*В) Философію духа*.

II. Практическая философія. Она точно также заключаетъ *пропедевтику* и построеніе отдѣльныхъ частей, которыя развиваются изъ принциповъ пропедевтики. *А. Пропедевтика.* Прежде всего и здѣсь опредѣляются необходимыя условія дѣятельности; они, какъ въ теоретической философіи, начинаются съ личности, обобщаютъ личное сознаніе и становятся антропологическими принципами, которые ведутъ къ раздѣленію практической философіи. Но, развиваясь симметри-

чески съ теоретической философіей, практическая на всѣхъ своихъ ступеняхъ имѣетъ особенности, зависящія отъ того, какъ самый процессъ *дѣйствій* отличается отъ процесса *познаванія* и *мышленія*. Въ теоретическихъ процессахъ мы начинаемъ всегда съ того, что̀ считаемъ важнѣйшимъ, и переходимъ къ тому, что̀ важно только какъ условіе для перваго. Данное есть *познаваемое*, съ котораго мы начинаемъ. Познавая *реальный* міръ, мы перерабатываемъ его въ понятія менѣе *реальныя*, чѣмъ самый міръ; познавая *мыслимый* міръ, мы изучаемъ его въ результатахъ мышленія, подчиняющихся законамъ мысли. Въ практическихъ процессахъ наоборотъ: результатъ процесса важнѣе его начала; данное есть *результатъ* дѣйствія, получаемый въ концѣ процесса. Внѣшній міръ перерабатывается въ *побужденія*, мысль воплощается въ *цѣли*. Поэтому, въ теоретической философіи, условія и принципы заключаютъ *необходимость*, какъ слѣдствія данной основной причины. Въ практической—условія и принципы заключаютъ лишь *возможность*, какъ причины даннаго слѣдствія. Кромѣ того, тутъ встрѣчается другая особенность. Теоретическая философія развивалась изъ противоположенія *данной* реальной личности человѣка основному факту дѣйствительности его сознанія. Это вело къ признанію реальнаго міра, однороднаго реальной личности, и къ построенію философій природы и духа изъ взаимодѣйствія дѣйствительнаго и реальнаго. Повѣрка заключалась въ отсутствіи противорѣчія съ даннымъ реальнымъ міромъ или даннымъ процессомъ мышленія. Въ практической философіи критика дѣятельности не возможна ни во имя побужденій, ни во имя цѣлей, потому что тѣ и другія могутъ измѣняться, не представляютъ неизбѣжности, слѣдовательно, сами подлежатъ критикѣ. Повѣрка стремленій къ дѣятельности можетъ быть произведена въ данное мгновеніе лишь во имя готовыхъ результатовъ, выработанныхъ предыдущею дѣятельностью, знаніемъ и творчествомъ и противополагаемыхъ реальной личности, какъ нормы ея. Это—*идеалы*. Какъ *необходимый* результатъ минувшаго для каждой личности, они дѣлаютъ возможными критику и направленіе дѣятельности; какъ идеалы *личности*, они всегда сохраняютъ въ себѣ въ цѣлости или въ частности черты живой человѣческой личности.—Условія практической дѣятельности суть: личность можетъ принимать побужденія изъ внѣшняго міра, ставить себѣ цѣли и къ нимъ стремиться; личность можетъ судить свои побужденія, цѣли и дѣйствія во имя своихъ идеаловъ; личность предполагаетъ

въ другихъ личностяхъ, вообще, способность свободной постановки цѣлей и суда во имя идеаловъ. Послѣднее условіе обращаетъ личное мнѣніе въ начало общественныхъ сношеній.—Изъ предыдущаго слѣдуютъ принципы: 1) *Принципъ свободы.* Всякая личность сознаетъ себя внутренне свободною и нуждается въ освобожденіи отъ всякаго стѣсненія для постановки себѣ цѣлей и стремленія къ нимъ. 2) *Принципъ развитія.* Всякая личность стремится къ осуществленію своихъ идеаловъ, страдая отъ всего имъ противорѣчащаго, наслаждаясь всѣмъ, съ ними согласнымъ; но каждое дѣйствіе, пріобрѣтенное знаніе, или продуктъ творчества, какъ необходимый элементъ сознанія, имѣетъ вліяніе на идеалы, которые, въ свою очередь, обуславливаютъ дальнѣйшія дѣйствія; такимъ образомъ, личность развивается во имя своихъ идеаловъ и развиваетъ самые идеалы свои собственною дѣятельностью. 3) *Принципъ раздѣленія дѣятельности.* Какъ усвоеніе познанія требуетъ отъ личности разныхъ методовъ повѣрки, отсутствія противорѣчія въ разныхъ отрасляхъ знаній, такъ различные виды дѣятельности требуютъ отъ человѣка постановленія разныхъ идеаловъ. Личность съ антропологической точки зрѣнія относилась скептически ко всему недоступному методамъ критики, ко всякому вопросу о метафизической сущности внѣ самой личности и ко всякому требованію подчиненія ея—реальной личности—какому-либо метафизическому созданію. Съ той же антропологической точки зрѣнія личность не можетъ безусловно подчинить одинъ свой идеалъ другому, не можетъ перенести на всѣ отрасли дѣятельности одного и того же идеала. Каждый родъ дѣятельности подчиняется *своему* идеалу, и смѣшеніе ихъ есть такое же искаженіе дѣятельности, какъ подчиненіе личности метафизическому началу—искаженіе знанія. Принципъ скептицизма въ метафизикѣ требовалъ феноменальнаго построенія ея созданій, а для главнаго раздѣленія на реальное бытіе и дѣйствительное мышленіе—двойного построенія философій природы и духа. Принципъ раздѣленія идеаловъ требуетъ *совокупленія* частныхъ идеаловъ, направляющихъ разные роды дѣятельности, въ одинъ общій *человѣчный* идеалъ, т. е., истинный человѣкъ совокупляетъ въ себѣ разные идеалы дѣятельности, не смѣшивая ихъ при самой дѣятельности.—Главное различіе идеаловъ заключается въ томъ, преобладаетъ ли въ нихъ реальная *форма* личности или ея дѣйствительное *содержаніе.* Первые суть *художественные*, вторые—*нравственные* идеалы, и это ведетъ къ двумъ отра-

слямъ практической философіи.—*Б*) *Философія искусства* опредѣляетъ художественный идеалъ *въ философіи красоты*, какъ патетическое воплощеніе личности художника въ стройныя формы, и въ *философіи искусствъ* рѣшаетъ вопросъ о воплощеніи разнаго рода патетическаго настроенія личности въ разныя формы искусства. *В*) *Философія нравственности* ищетъ въ *этикѣ* или *философіи личности* идеалъ человѣческаго *достоинства*; доказываетъ, что онъ осуществляется лишь помощью *справедливости*, прилагаетъ въ *философіи общества* норму справедливости (или равноправности человѣчества) къ обсужденію общественныхъ формъ или общественныхъ идеаловъ и стремится къ построенію теоріи общества.

Но какъ теоретическая, такъ и практическая философія, съ антропологической точки зрѣнія, не стоятъ отдѣльно. Живая реальная личность служила основою ихъ построенія и связывала ихъ вначалѣ своимъ бытіемъ; *историческая* развивающаяся личность должна ихъ связать въ заключеніе. Здѣсь, въ процессѣ исторіи, должно повѣряться, въ самомъ ли дѣлѣ теоретическая философія обняла знаніе въ его послѣдовательномъ наростаніи и современномъ состояніи? въ самомъ ли дѣлѣ она объяснила несостоятельность всѣхъ метафизическихъ созданій? въ самомъ ли дѣлѣ художественный идеалъ философіи искусства охватываетъ всѣ произведенія искусства, а нравственный идеалъ философіи личности служитъ мѣркою для всѣхъ перипетій жизни? наконецъ, въ самомъ ли дѣлѣ историческое развитіе философскихъ системъ приводитъ *наше время* къ необходимости остановиться на *антропологической точкѣ зрѣнія*?

III. Философія исторіи указываетъ въ каждую эпоху, въ чемъ состояла реальная *жизненная мудрость*, т. е., угадываніе возможнаго знанія, совершеннѣйшей красоты, осуществимаго идеала человѣчности; въ *исторіи философіи* даетъ *историческое доказательство* принципа, изъ котораго построена система, и, такимъ образомъ, возвращаясь къ ея началу и закругляя ея построеніе, оканчиваетъ *философское доказательство* законности самаго принципа.

Единство [1]).

Единство (unité, Einheit)—одно изъ основныхъ началъ всякой разумной человѣческой дѣятельности.—Внѣшній міръ производитъ на человѣка рядъ *впечатлѣній*, изъ которыхъ одни остаются несознанными, другія, накопляясь, производятъ *ощущеніе*. Уже въ этомъ первоначальномъ процессѣ только *единство* разнообразныхъ впечатлѣній способно породить опредѣленное ощущеніе. Если во впечатлѣніяхъ, нами получаемыхъ, не будетъ ничего общаго, или измѣненіе ихъ не будетъ слѣдовать никакому закону, то ощущеніе останется неопредѣленнымъ, неяснымъ и не можетъ послужить точкою отправленія какому-либо разумному психическому процессу. Тожественность послѣдовательныхъ впечатлѣній или правильность въ послѣдовательномъ ихъ измѣненіи суть два различныя условія, позволяющія намъ воспринять впечатлѣніе, какъ опредѣленное и ясное ощущеніе, *единое* во всѣхъ своихъ составныхъ элементахъ. Такимъ образомъ, мы можемъ воспринять, какъ *единыя*, ощущеніе постояннаго свѣта, или сверканія, ощущеніе теплоты, охлажденія, боли, утомленія и т. под.—Второй психическій процессъ—составленіе *представленій*—заключаетъ точно также единство, какъ необходимое условіе правильнаго результата. Изъ ощущеній, нами воспринятыхъ, большинство относится нами невольно къ опредѣленной точкѣ пространства и къ опредѣленному мгновенью во времени. Пока мы не отдѣлили одной группы этихъ ощущеній отъ всѣхъ остальныхъ, до тѣхъ поръ мы имѣемъ лишь общее впечатлѣніе существующаго внѣ насъ реальнаго міра; но предметы его не имѣютъ для насъ самостоятельнаго существованія, и всѣ процессы, въ немъ совершающіеся, сли-

[1]) Энциклопедическій Словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Отдѣленіе II, томъ I. Спб. 1863 г. Подпись—П. Л. Ред.

ваются въ одно безразличное цѣлое. Какъ только мы изъ всей массы воспринятыхъ ощущеній выдѣлили во времени одну группу тожественныхъ или правильно-послѣдовательныхъ ощущеній, мы *объединили явленіе*. Какъ только мы выдѣлили въ пространствѣ группу тожественныхъ или правильно измѣняющихся явленій, мы объединили *предметъ*. Явленія и предметы доставляютъ припоминаемыя *представленія*, служащія основаніемъ наукѣ, чувству, жизненнымъ стремленіямъ. Лишь ощущенія, заключающія въ себѣ единство, способны дать намъ явленіе, удерживаемое по своей опредѣленности въ памяти, подлежащее изслѣдованію, научному анализу; лишь живое представленіе явленія въ его отдѣльности и въ цѣлости его составныхъ ощущеній можетъ возбудить въ насъ чувство, измѣнить наше настроеніе и тѣмъ побудить къ дѣятельности. Въ этихъ процессахъ объединенія явленій начинается уже различіе разныхъ отраслей человѣческой дѣятельности. Одно и то же явленіе схватывается, какъ единое, различно ученымъ изслѣдователемъ, художникомъ и практическимъ дѣятелемъ: чѣмъ менѣе число различныхъ ощущеній, которое человѣкъ способенъ воспринять, какъ отдѣльное *единое* явленіе, и чѣмъ сознательнѣе онъ различаетъ въ самомъ единомъ явленіи составныя ощущенія, тѣмъ научнѣе его взглядъ; чѣмъ болѣе ощущеній сливается для него въ *одно* явленіе и чѣмъ нераздѣльнѣе это слитіе, тѣмъ болѣе человѣкъ воспріимчивъ къ искусству и тѣмъ наклоннѣе къ творчеству; наконецъ, чѣмъ сознательнѣе вплетаются для него въ представленіе явленій самосознательныя ощущенія, тѣмъ склоннѣе человѣкъ къ практической дѣятельности. Вслѣдствіе этого разнообразія воспринятія явленій, *единство* ихъ представленія есть понятіе, которое весьма различно въ разныхъ случаяхъ.—Гораздо опредѣленнѣе и менѣе зависимо отъ личности человѣка *единство предмета*. Намъ дается, что нѣкоторая группа явленій *пребываетъ* одинаковою или измѣняется по другому закону, чѣмъ явленія, ее окружающія, и потому большею частью само собою, независимо отъ нашей воли, составляется представленіе предмета, какъ *единаго*, противоположнаго по самой сущности (essence) *другимъ* предметамъ и, вмѣстѣ съ другими предметами, совокупляющагося въ новый *счисляемый* предметъ, который разлагается на части и составляется изъ частей [1]).

[1]) Логическій разборъ перехода отъ явленій, отличающихъ предметъ (*качествъ* послѣдняго) къ счисленію предметовъ (*количеству* ихъ), весьма тщательно изложенъ Гегелемъ въ главѣ о *самобытности* (Fürsichseyn)

Подобное слитіе предметовъ въ одинъ можетъ быть или таково, что части, слитыя въ цѣлое, теряютъ свое самостоятельное существованіе, или таково, что они сохраняютъ его. Въ первомъ случаѣ, *единицы* могутъ быть произвольны и предметы, изъ нихъ составленные, суть *однородныя величины*. Во второмъ случаѣ *единицы* даны; представленіе, не уничтожая ихъ сущности (essence), не можетъ ихъ разложить на части и, не переходя въ отвлеченное понятіе, большею частью не можетъ принять за единицу ихъ собраніе. Въ этомъ случаѣ предметы, получаемые какъ собранія разсматриваемыхъ единицъ, сохраняютъ свой *собирательный* характеръ и разрывность. Въ первомъ случаѣ *единство представленія* предмета преимущественно относится къ нему, какъ цѣлому, во второмъ—къ составнымъ частямъ его; части же однороднаго цѣлаго и собраніе раздѣльныхъ единицъ, хотя и могутъ быть даны въ представленіи, какъ отдѣльные *единые* предметы (напр., куски металла, рой пчелъ), но большею частью это объединеніе происходитъ лишь въ процессѣ составленія *понятій*, о чемъ скажемъ ниже. Къ области представленій принадлежитъ еще весьма важное *единство человѣческаго я*, связующее во времени и въ пространствѣ физическіе и психическіе процессы, происходящіе въ человѣкѣ; это единство совершенно невыдѣлимо изъ ряда человѣческихъ представленій, и всякая попытка разрушить его помощью умозаключеній, фантастическихъ предположеній, религіозныхъ мечтаній или остается чуждою жизни, или разрушаетъ здоровое, разумное существованіе человѣка. Единство ощущеній, воспринятыхъ разными чувствами, есть для насъ источникъ бытія внѣшняго міра; единство процесса воспринятія ощущеній съ процессомъ составленія представленій и съ процессомъ мышленія есть основа всякаго убѣжденія; единство вчерашнихъ и сегодняшнихъ ощущеній, представленій, мыслей, стремленій, въ противность разрывности міра сновидѣній, есть существеннѣйшій признакъ бодрствующаго реальнаго нашего существованія; единство процесса мысли и слѣдующаго за тѣмъ

въ большой «Логикѣ» (кн. I, отд. 1, гл. 3), но требуетъ большого вниманія, такъ что самъ Гегель указываетъ на «трудность» развитія понятія о *единомъ*. Употребленіе выраженій *отталкиваніе* и *притяженіе* и переходъ къ физическимъ явленіямъ, соотвѣтствующимъ этимъ выраженіямъ, еще затрудняютъ читателя довольно неумѣстно. При всемъ этомъ разборѣ Гегель развиваетъ понятіе *единства* лишь изъ представленія единичности и множества предметовъ, хотя онъ часто употребляетъ слово *единство* (Einheit) и въ другихъ случаяхъ; но эти случаи у него разбираются въ другихъ мѣстахъ.

процесса дѣйствія есть источникъ нашего понятія о причинѣ и слѣдствіи, о цѣли и цѣлесообразности средствъ, о нашей отвѣтственности за наши дѣйствія; единство процесса художественнаго творчества, отъ перваго представленія, ярко выступившаго предъ мыслью художника, до послѣдней черты, заканчивающей готовое произведеніе, составляетъ необходимое условіе прекраснаго произведенія; единство воспоминаній старика со свѣжими ощущеніями ребенка составляетъ единственный источникъ тожественности самосознанія человѣка въ разныхъ возрастахъ. Такимъ образомъ, наука, творчество, жизнь имѣютъ своимъ необходимымъ источникомъ представленіе *единаго человѣческаго я*, пребывающаго *единымъ* во время всей жизни, при непрерывномъ измѣненіи, совершающемся въ немъ въ зависимости отъ физическихъ и психическихъ процессовъ.—Процессъ составленія понятій также заключаетъ единство, какъ необходимое условіе своей правильности. Выдѣляя изъ группы однородныхъ представленій, сохранившихся въ нашей памяти, характеристическія черты, имъ общія, и составляя изъ послѣднихъ новую нераздѣльную группу, уже не представляемую, а мыслимую, мы образуемъ научныя единицы, *понятія*, съ образованіемъ которыхъ начинается какъ опытная, такъ и умозрительная наука. Чѣмъ нераздѣльнѣе въ реальномъ мірѣ черты, сгруппированныя нами, тѣмъ естественнѣе *единство* понятія, тѣмъ точнѣе и приложимѣе къ дѣлу выводы, полученные изъ разбора, преобразованія и совокупленія подобныхъ понятій. Искусственное единство понятія, выдѣленіе котораго не характеристично для опредѣленной группы предметовъ или явленій, ведетъ къ трудноприложимымъ отвлеченностямъ. Онѣ могутъ быть употреблены, какъ вспомогательное средство, для упрощенія изслѣдованія, но на результатахъ, такимъ образомъ полученныхъ, остановиться нельзя, и они пріобрѣтаютъ практическое значеніе лишь по мѣрѣ того, какъ къ нимъ присоединяется болѣе и болѣе признаковъ, сближающихъ ихъ съ реальными группами представленій, съ понятіями, непосредственно составленными изъ ряда накопившихся однородныхъ представленій. Отсюда понятія вида, рода, класса, семейства и т. п., какъ научныя единицы, опирающіяся на основное понятіе *недѣлимаго, особи*. Если понятіе объ особи, нами разсматриваемой, такъ нераздѣльно связано съ существованіемъ ея составныхъ частей, что онѣ немыслимы самостоятельно, а она немыслима безъ нихъ, то мы говоримъ, что особь заключаетъ *органическое единство*. Мы распространяемъ понятіе органическаго

единства отъ естественныхъ единицъ-особей и на идеальныя созданія науки, искусства, жизни частной и гражданской, когда въ этихъ созданіяхъ между цѣлымъ и составными частями существуетъ столь же тѣсная связь.—Міръ понятій, дозволяющій безконечное число преобразованій и совокупленій, при каждомъ подобномъ процессѣ требуетъ строгаго *единства*, именно: чтобы въ результатъ вошли всѣ элементы основныхъ понятій такъ, какъ они даны; чтобы не вошло ни одного понятія, не предполагаемаго въ числѣ данныхъ, и чтобы совокупленіе понятій произошло по естественному отношенію представленій, изъ которыхъ они извлечены, а не произвольно. Если это *единство* въ процессѣ *мышленія* (т. е., совокупленія, разложенія и составленія понятій) дѣйствительно было, то результатъ мышленія правиленъ, наученъ; онъ есть *истина*; нарушеніе упомянутаго *единства* ведетъ къ неосновательному мнѣнію, къ софизму, къ ложной теоріи и т. п.—Изъ истинъ, какъ *фактовъ*, составляется новое цѣлое—*наука*, и въ этомъ цѣломъ *единство* получаетъ большое значеніе. Не произвольная, но естественная группировка фактовъ, точно такъ же, какъ послѣдовательное, связное поставленіе вопросовъ разрѣшаемыхъ и еще неразрѣшенныхъ, до вопроса, съ разрѣшеніемъ котораго наука достигаетъ своего окончательнаго закругленія, суть необходимыя требованія единства въ наукѣ и значительное пособіе для ея правильной обработки. Только при этомъ условіи труды спеціалиста могутъ не потеряться въ подробностяхъ, важные факты отдѣлятся для него отъ второстепенныхъ, силы его обратятся на пополненіе пробѣловъ науки, вмѣсто того, чтобы тратиться съ меньшею пользою на новое подтвержденіе давно доказаннаго закона.—Если мы перейдемъ къ процессу, гдѣ ощущенія не только сливаются въ объективныя представленія, но возбуждаютъ еще новый рядъ субъективныхъ ощущеній, проявляющійся какъ *настроеніе духа*, *чувство* (sentiment, Gefühl), то и здѣсь замѣтимъ (при всей недостаточности теоріи этой области психическихъ явленій) важную роль единства. Состояніе напряженія чувства проявляется, какъ необходимый посредникъ, при художественномъ творчествѣ, при нравственной дѣятельности и, какъ весьма важный элементъ, при чисто-теоретическомъ уясненіи вопросовъ мышленія; но правильное, разумное развитіе психическихъ процессовъ требуетъ, чтобы напряженіе чувствъ было не продолжительно, но разрѣшалось яснымъ образомъ для художника, твердымъ рѣшеніемъ для практическаго дѣятеля, болѣе опредѣленною мыслью для

ученаго. Для этого необходимо отсутствіе колебанія между рядами ощущеній, приводящими къ напряженію чувства, т. е., *единство* предшествовавшаго состоянія духа съ новымъ состояніемъ его, согласіе между разнообразными ощущеніями, возбуждающими чувство. Какъ ни трудно прослѣдить въ этомъ случаѣ общіе законы этого процесса и опредѣлить, въ чемъ именно заключается его единство, оно неоспоримо есть; при напряженномъ чувствѣ колебанія между различными образами, мелькающими передъ художниками, нерѣшительность въ жизни, невозможность уяснить мысль, которую преслѣдуешь, суть явленія болѣзненныя, и частое повтореніе безрезультатнаго напряженія чувства, оканчивающагося лишь въ физическомъ утомленіи, есть признакъ слабости и неразвитости таланта или характера. Во всѣхъ этихъ случаяхъ напряженіе чувствъ является помѣхою правильнаго процесса мысли, творчества и жизненной дѣятельности, потому что разрываетъ *единство* этихъ процессовъ, не будучи въ состояніи само подчиниться единству. Поэтому, для большинства людей, слабыхъ мыслью и характеромъ, справедливо, что лишь въ спокойномъ состояніи духа они способны разумно дѣйствовать. Но для людей истинно развитыхъ и даровитыхъ состояніе страстнаго напряженія чувства служитъ только усиливающимъ элементомъ для перехода отъ воспринятыхъ ощущеній къ разумной дѣятельности, и воспріимчивость, страстность, дѣятельность въ нихъ составляютъ естественные элементы *единаго* разумнаго процесса.—Если мы перейдемъ къ практической дѣятельности, то въ области художественнаго творчества встрѣчаемъ столь явное преобладаніе *единства*, что всѣ эстетики, независимо отъ различія взглядовъ и направленій, въ этомъ согласны и выставляютъ *единство*, какъ существенный элементъ въ искусствѣ, вообще, и въ художественномъ произведеніи, въ частности. Но въ чемъ заключается здѣсь единство и что должно быть соединено для того, чтобы произведеніе заслуживало названіе художественнаго и относилось, въ самомъ дѣлѣ, къ области искусства,— въ этомъ начинается разногласіе. Тутъ въ особенности должно различать нѣсколько элементовъ. Художникъ, какъ единая личность, проникнутая стремленіями общества, изъ котораго онъ вышелъ, вноситъ безсознательно вѣрованія и знанія этого общества въ свое произведеніе и, въ своемъ личномъ патетическомъ настроеніи, находитъ *единство* между этимъ безформеннымъ міромъ мысли, *безсознательно* въ немъ присутствующимъ, и стройною формою, которую онъ *созна-*

тельно воплощаетъ въ своемъ произведеніи. Художественный идеалъ, какъ цѣльное, единое существо, присутствующее среди непостоянныхъ общественныхъ стремленій и колебаній живыхъ личностей, становится *соединяющимъ* началомъ, которое уясняетъ обществу его собственныя воззрѣнія и стремленія, становится центромъ и представителемъ общественныхъ партій, усиливаетъ духовную связь однѣхъ личностей, борьбу другихъ, а въ малоразвитомъ обществѣ, сливаясь съ религіозными типами, дѣлается предметомъ обожанія или суевѣрнаго страха. Наконецъ, внѣ всякаго патетическаго значенія, какъ стройная форма, художественное произведеніе требуетъ особеннаго соотвѣтствія между частями и цѣлымъ, между выражаемымъ настроеніемъ, рисуемымъ образомъ, и самымъ способомъ выраженія, подробностями изображенія, и это соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе всего рѣзче бросается въ глаза знатоку въ искусствѣ при оцѣнкѣ произведенія. Степень единства перваго рода опредѣляетъ развитіе художника, второго—общественное значеніе произведенія, третьяго — эстетическое достоинство послѣдняго. Къ послѣднему роду единства относится то, о которомъ такъ спорили французскіе псевдо-классики, преимущественно въ области драматическихъ произведеній, именно: отъ послѣднихъ требовали *трехъ* такъ называемыхъ *аристотелевыхъ единствъ:* единство плана, мѣста и времени, хотя Аристотель говорилъ только о первомъ, какъ необходимомъ условіи; въ наше время этотъ вопросъ перешелъ уже въ исторію. Гораздо важнѣе вопросъ о *единствѣ* или *соединеніи* нѣсколькихъ искусствъ для произведенія полнѣйшаго впечатлѣнія. Этотъ вопросъ до сихъ поръ еще неудовлетворительно рѣшенъ въ операхъ, и рѣшеніе его, вѣроятно, принадлежитъ будущему.—Древніе, говоря объ искусствѣ жизни, распространяли и на эту область эстетическое воззрѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ требованіе *единства.* Какъ сущность жизненной дѣятельности различается отъ сущности художественнаго творчества, такъ идеалы первой, подчиненные измѣненію, развитію, ослабленію, борьбѣ и смерти вмѣстѣ съ личностями, ихъ воплощающими, различаются отъ безсмертныхъ идеаловъ искусства, которые тогда только и рождаются, какъ художественные идеалы, когда вполнѣ окрѣпли, развились и окончили борьбу за свое существованіе. Но, тѣмъ не менѣе, начало *единства* столь же важно для разумной жизни, какъ для художественнаго творчества, именно въ двухъ отношеніяхъ. Каждый моментъ жизни долженъ быть проникнутъ единствомъ между разнообразными

сторонами жизни человѣка: частные идеалы должны подчиняться общему идеалу *человѣчности*; они должны быть дѣйствительными *идеалами*, выработавшимися жизненнымъ процессомъ изъ самого человѣка, а не *идолами*, заимствованными извнѣ; практическая дѣятельность должна быть сообразна выработаннымъ идеаламъ: только при этихъ условіяхъ дѣятельность человѣка *нравственна*. Но *разумность* жизни этимъ не ограничивается: въ ряду идеаловъ, послѣдовательно вырабатываемыхъ жизнью, должно быть единство; вся жизнь должна представлять одно стройное цѣлое, и только это высшее единство, какъ высшій идеалъ, къ которому долженъ стремиться человѣкъ, имѣетъ право на названіе *мудрости*. — Идеалы жизни человѣка осуществимы лишь въ обществѣ; а общество, какъ идеальная *единица*, находитъ свое реальное осуществленіе лишь въ *единствѣ* личныхъ цѣлей. При всемъ раздѣленіи партій, при борьбѣ мнѣній, при борьбѣ интересовъ, только тогда борьба разумна, полезна для общества и прогрессивна, когда спорящіе стоятъ на *единой* почвѣ и представляютъ лишь разныя стороны человѣческаго, нравственнаго идеала. Какъ только между спорящими нѣтъ ничего общаго, какъ только *человѣческое* достоинство потеряло свое руководящее значеніе въ борьбѣ личностей и массъ,—только катастрофа, совершенно измѣняющая общественныя формы и личныя отношенія, можетъ повести къ прогрессивному развитію. *Разумная* общественная дѣятельность требуетъ *сознанія* единства или разности нашихъ стремленій съ стремленіями лицъ, съ которыми мы входимъ въ связь, и отсутствіе этого *благоразумія* ведетъ къ большому числу неудачъ, горя и разстройства въ человѣческой жизни: семейный союзъ между лицами, которыхъ нравственные идеалы совершенно различны; ассоціація въ коммерческомъ дѣлѣ личностей съ противоположными интересами; подчиненіе въ административномъ порядкѣ однихъ лицъ другимъ, которыхъ гражданскія убѣжденія несовмѣстны; отсутствіе согласія въ органахъ государственнаго управленія; раздоръ во имя мелкихъ распрей и оттѣнковъ мнѣній между лицами, которыхъ убѣжденія должны бы соединить въ одну политическую коалицію,—все это слѣдствіе отсутствія сознательной оцѣнки возможности или невозможности единства въ дѣятельности разныхъ общественныхъ личностей, и все это источники безполезной траты на мелкую борьбу такихъ силъ, которыя могли бы найти приложеніе несравненно болѣе производительное, какъ для отдѣльной единицы, такъ и для

общества.—Жизнь цѣлаго общества въ данную эпоху, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ (въ политическихъ событіяхъ, гражданскихъ формахъ, литературной, научной, художественной дѣятельности, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ чертахъ частныхъ нравовъ), проникнута также единствомъ, составляющимъ *характеръ* эпохи. Угадать и возсоздать это единство составляетъ задачу историка, достойнаго этого названія. Болѣе трудно и менѣе относится къ области науки требованіе указаній подобнаго же единства въ исторіи цѣлаго народа. При современномъ состояніи знаній вовсе уже не относится къ наукѣ отысканіе единства въ исторіи всего человѣчества.—Наконецъ, философская дѣятельность есть преимущественное царство *единства*, такъ что всякое *сознательное* стремленіе къ единству есть въ тоже время философское стремленіе. Философія, составляя изъ знанія науку, изъ различныхъ наукъ одну систему наукъ, проникая вопросы знанія и искусства требованіями человѣчности, внося въ жизнь результаты науки и художественные идеалы, какъ образцы, какъ существенные элементы житейскихъ идеаловъ нравственности и мудрости, вплетается во всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, какъ требованіе *единства*, цѣлости и стройности.—Поэтому немудрено, что метафизическія системы всѣ стремились въ своихъ созданіяхъ дать наглядную форму *единаго метафизическаго принципа* необходимому требованію единства отъ философской системы. Физическія *единыя* начала іонійскихъ философовъ, разумъ (νοῦς) Анаксагора, Аристотеля, богъ супранатуралистовъ, какъ источникъ всего сущаго, и богъ Спинозы, какъ единое сущее, безусловное, какъ отожествленіе всего сущаго у Шеллинга, и безусловное, воплощающееся во все сущее въ процессѣ развитія у Гегеля, природа у сенсуалистовъ XVIII в., вещество современныхъ матеріалистовъ, человѣкъ въ антропологическомъ построеніи—составляютъ *единые* принципы, символизирующіе требованіе единства, поставляемое всѣми системами; различіе же ихъ зависитъ отъ степени научности системы.—Къ области метафизическихъ споровъ о началѣ единства относится вопросъ о *единичномъ* и *многомъ*, который въ элейской и мегарской школахъ привелъ къ отрицанію происхожденія чего-либо новаго (Werden) и къ отрицанію множественности вообще, но имѣетъ весьма мало значенія въ развитіи человѣческой мысли. Въ историческомъ отношеніи весьма важенъ, но совершенно лишенъ философскаго смысла вопросъ о единосущности ипостасей, повлекшій за

собою столько жертвъ. Важное значеніе въ феноменологіи духа имѣетъ тожественность противоположностей у шеллингистовъ, особенно же единство противоположныхъ понятій въ высшемъ понятіи въ гегелизмѣ. Эти положенія составляютъ самую сущность названныхъ системъ. Для низшихъ ступеней развитія, гдѣ сознательное, философски-критическое построеніе знанія и общества невозможно, единство главнаго религіознаго типа (единобожіе или подчиненіе системы боговъ одному главному божеству) и единство верховной власти (единодержавіе, воплощеніе божествъ въ владыкъ, божественное право) символизируютъ для массы еще несознанную необходимость единства міросозерцанія и единства общественной дѣятельности.—Педагогія, цѣль которой есть содѣйствіе правильному развитію въ человѣкѣ всѣхъ сторонъ его личности, болѣе и болѣе проникается сознаніемъ необходимости единства въ средствахъ, ею употребляемыхъ. Единство плана обученія, единство воспитанія нравственнаго и умственнаго, единство школы и дѣйствительной жизни суть различныя требованія, которыя давно уже поставила наука въ своихъ лучшихъ представителяхъ; но средства для выполненія этихъ требованій еще далеко не совершенны, а педагогическая практика еще далѣе отстала отъ требованій теоріи.—Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ, обнимающихъ всѣ отрасли здоровой человѣческой дѣятельности, единство представляется, какъ руководящее начало для разумнаго развитія, для правильной дѣятельности, для человѣческаго прогресса. Конечно, большею частью оно остается недостигнутымъ идеаломъ, но въ постепенномъ стремленіи къ нему на всѣхъ ступеняхъ дѣятельности заключается почти весь историческій прогрессъ человѣчества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Механическая теорія міра	5
Что такое антропологія	51
Отзывъ о книгѣ Ор. Новицкаго „Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій, ч. I—II“.	75
Три бесѣды о современномъ значеніи философіи	97
Моимъ критикамъ (Отвѣтъ М. А. Антоновичу и Д. И. Писареву).	153
Антропологическая точка зрѣнія въ философіи.	197
Единство	207

ИЗДАНІЯ ТОВАРИЩЕСТВА

„РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ“.

Петроградъ, Литейный пр., 21. Москва, Б. Никитская, 22.

ПЕЧАТАЕТСЯ

ПЕРВОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЛЕОНИДА ЭММАНУИЛОВИЧА ШИШКО

подъ редакціей **П. ВИТЯЗЕВА.**

Все изданіе составитъ четыре тома, около 300 стр. каждый, и будетъ заключать въ себѣ всѣ наиболѣе яркія и характерныя работы одного изъ виднѣйшихъ теоретиковъ молодого народничества, каковымъ является для партіи соц.-рев. Л. Э. Шишко.

Въ настоящее собраніе сочиненій войдутъ:

Томъ I.—Біографія Л. Э. Шишко, составленная Ф. Волховскимъ. Статьи по вопросамъ экономики и исторіи.

Томъ II.—Статьи по вопросамъ программы и тактики.

Томъ III.—Статьи по исторіи русской общественности.

Томъ IV.—Статьи по исторіи русской общественности. Письма Шишко. Похороны. Рѣчи на могилѣ. Письма и телеграммы по случаю смерти. Библіографія.

Въ виду печатанія ограниченнаго количества экземпляровъ, принимается предварительная запись при условіи внесенія задатка въ 5 рублей, засчитывающагося при высылкѣ послѣдняго тома. Три первыхъ высылаются наложеннымъ платежомъ.

Вышелъ и разсылается подписчикамъ IV томъ слѣдующаго содержанія: I. **Крестьянство и русская общественность.**—Прошлое и настоящее: крестьянское и народническое движеніе по поводу сорокалѣтней годовщины освобожденія крестьянъ. II. **Интеллигенція и революція.**—Къ вопросу о роли интеллигенціи въ революціонномъ движеніи. Роль интеллигенціи въ освободительномъ движеніи. III. **Личныя воспоминанія.**—Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Къ характеристикѣ движенія начала 70-хъ годовъ. Михаилъ Рафаиловичъ Гоцъ. IV. **Письма.**—Письмо къ матери. Изъ писемъ къ І. Д. Смирнову. V. **Приложеніе.**—Похороны Л. Шишко. Рѣчи на могилѣ. Письма и телеграммы. Библіографія.

Цѣна 8 руб. за томъ.

ИЗДАНІЯ ТОВАРИЩЕСТВА

„РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ“.

Петроградъ, Литейный пр., 21. Москва, Б. Никитская, 22.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

5-е изданіе, дополненное и переработанное авторомъ.

Содержаніе выпусковъ:

Часть I. Отъ Радищева до декабристовъ.

„ II. Отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ. Пушкинъ, Лермонтовъ.

„ III. Западники и славянофилы. Утопическій соціализмъ. Петрашевцы, Бѣлинскій, Герценъ.

„ IV. Шестидесятые годы. Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ. Кружки 60-хъ годовъ.

Часть V. Семидесятые годы. Лавровъ, Бакунинъ, Михайловскій. „Земля и Воля“ и „Народная Воля“.

» VI. Отъ шестидесятыхъ годовъ къ восьмидесятымъ. Толстой, Достоевскій.

» VII. Девяностые годы. Марксизмъ. Чеховъ и Горькій.

» VIII. Отъ девяностыхъ годовъ къ революціи 1917 г. Библіографія. Указатель именъ.

Каждая часть представляетъ собою законченное цѣлое.

Каждый выпускъ—размѣромъ около 10—12 печ. лист.

Вышли изъ печати первый—пятый выпуски.

Предварительная подписка прекращена.

ИЗДАНІЯ ТОВАРИЩЕСТВА

„РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ“.

Петроградъ, Литейный пр., 21. Москва, Б. Никитская, 22.

„МЫСЛЬ“

АЛЬМАНАХЪ-ЖУРНАЛЪ

№ 1.

Содержаніе. С. Есенинъ, «Пришествіе».—Н. Венгровъ, «Земля въ солнцѣ». — Victor, «Утро». — Victor, «Море».—В. Самборъ, «Петрограду».—А. Ахматова, ***.—А. Ремизовъ, «Странница».—Е. Замятинъ, «Знаменіе».—Н. Кузьминъ, «Человѣка надо».—Н. Русановъ, «Крестьяне въ программахъ русскихъ соціалистовъ послѣ 19 февраля».—В. Лункевичъ, «О нашихъ дняхъ».—Н. Кудринъ, «Февральская революція и октябрьскій переворотъ».—В. Черновъ, «Охлосъ и демосъ».—А. Гизетти, «Стихія и творчество».—В. Черновъ, «Изъ политическаго дневника».—А. Александровичъ, «О душѣ народной».—Е. Головинская, «Солдатское слово объ игрѣ».—Мих. Платоновъ, «Скифы ли?».

Цѣна отдѣльнаго экземпляра

8 рублей.

ИЗДАНІЯ ТОВАРИЩЕСТВА

„РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ“.

Петроградъ, Литейный пр., 21. Москва, Б. Никитская, 22.

Екатеринбургъ, Главный пр., 24/8.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

„Большевики у власти“.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. **Д. С. Розенблюмъ.**—Соціально-психологическія основы большевизма.
2. **В. М. Черновъ.** — Внѣшняя политика большевизма.
3. **Ѳ. Ртищевъ.** — Партія стихійно-демобилизующейся арміи.
4. **М. В. Вишнякъ.**—Большевики и демократія.
5. **Н. Д. Святицкій.**—Большевики и Всероссійское Учредительное Собраніе.
6. **П. В. Киржановъ.**—Въ защиту мѣстнаго самоуправленія.
7. **В. В. Лункевичъ.**— Большевики и интеллигенція.
8. **Д. Ф. Раковъ.**—Финансовая политика большевистской власти.
9. **Н. А. Николаевъ.**—Кооперація и большевизмъ.
10. **В. А. Панъ.**—Экономическія послѣдствія основного закона о соціализаціи земли.
11. **Н. Д. Кондратьевъ.**—По пути къ голоду.
12. **М. Я. Гендельманъ** (Якобій). — Большевизмъ и диктатура рабочаго класса.

Цѣна 10 рублей.

ИЗДАНІЯ ТОВАРИЩЕСТВА
„РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ“.
Петроградъ, Литейный пр., 21. Москва, Б. Никитская, 22.

М. Н. ПЕТРОВЪ.

МУНИЦИПАЛЬНЫЯ ЗАДАЧИ СОЦІАЛИЗМА.

Цѣна 4 руб.

БИБЛІОТЕКА РОМАНОВЪ.

Библіотека будетъ заключать въ себѣ серіи романовъ изъ исторіи борьбы народовъ за свободу и соціализмъ.

Войничъ. Оводъ. Романъ изъ эпохи борьбы итальянцевъ за свободу. Ц. 3 р.

Беллами. Черезъ сто лѣтъ. Соціалистическій романъ. Ц. 2 р.

В. Гюго. 93-й годъ. Романъ изъ эпохи Великой Французской Революціи. Съ предисловіемъ М. Ватсонъ.

Гаммерлингъ. Дантонъ и Робеспьеръ. Революціонная драма.

К. Майеръ. Народный вождь Георгъ Еначъ. Романъ изъ эпохи борьбы швейцарскаго народа за независимость.

П. и В. Маргеритъ. Коммуна.

ИЗДАНІЯ ТОВАРИЩЕСТВА

„РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ“.

Петроградъ, Литейный пр., 21. Москва, Б. Никитская, 22.

Л. ШИШКО.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Въ 3-хъ частяхъ.

Цѣна каждой части по 1 руб.

П. ЛАВРОВЪ.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТЪ БУДУЩЕЕ.

Цѣна 1 р. 40 к.

КРАСНЫЙ ЗВОНЪ.

СБОРНИКЪ СТИХОВЪ

С. ЕСЕНИНА, Н. КЛЮЕВА, П. ОРѢШИНА, А. ШИРЯЕВЦА

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

ИВАНОВА-РАЗУМНИКА.

Обложка и концовка работы художн. А. Арнштамъ.

Цѣна 4 руб.

Алексѣй Ремизовъ.

СТРАННИЦА.

Повѣсть.

Цѣна 2 руб.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ
«РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ».
ПЕТРОГРАДЪ, Литейный пр., 21. — Телефоны: 83-82 и 660-81.

I СЕРІЯ

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
П. Л. ЛАВРОВА

состоитъ изъ статей **по философіи** и заключаетъ въ себѣ 6 выпусковъ:

Вып. I. Гегелизмъ.—Практическая философія Гегеля.

» II. Механическая теорія міра.—Что такое антропологія?—Отзывъ о книгѣ О. Новицкаго.—Моимъ критикамъ.—Три бесѣды о современномъ значеніи философіи.—Антропологическая точка зрѣнія.—Единство.

» III. Современные германскіе теисты. — Нѣмецкіе философскіе журналы. — Статьи по исторіи философіи изъ «Энциклопедическаго Словаря» (Академіи, Августинъ, Арабская философія, Авероизмъ, д'Аламберъ). — Предисловіе къ «Системѣ логики» Д. С. Милля.—Математическія представленія и математическія понятія.—Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе.

» IV. Философія въ Германской Имперіи. — Критическая исторія философіи (Дюрингъ). — Шопенгауэръ на русской почвѣ. — Русскій переводъ Шопенгауэра—Предисловіе къ «Введенію къ критикѣ философіи права Гегеля» К. Маркса.

» V. Нѣсколько словъ о системѣ наукъ—Очерки систематическаго знанія.

» VI. Современное состояніе психологіи.—Разныя направленія въ психологіи. — Наука психическихъ явленій и ихъ философія. — Г. Кавелинъ, какъ психологъ.

Печатаются выпуски: I, III, IV и VI.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ Т-ВО СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ
«РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ».
ПЕТРОГРАДЪ, Литейный пр., 21. — Телефоны: 83-82 и 660-81.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ПЕРВОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ПЕТРА ЛАВРОВИЧА ЛАВРОВА

подъ редакціей

П. Витязева, А. Гизетти и Н. Русанова.

Въ цѣляхъ сдѣлать П. Л. Лаврова доступнымъ наиболѣе широкимъ слоямъ читающей публики, все **собраніе сочиненій П. Л. Лаврова разбито на 8 серій**, объединенныхъ исключительно внутреннимъ содержаніемъ.

I серія. **Статьи по философіи**, 6 выпусковъ.
II » **Статьи по вопросамъ этики**, 3 выпуска.
III » **Статьи научнаго характера**, 8 выпусковъ.
IV » **Статьи историко-философскія**, 10 выпусковъ
V » **Статьи по исторіи религіи**, 2 выпуска.
VI » **Статьи соціально-политическія**, 8 выпусковъ.
VII » **Статьи историко-литературныя**, 3 выпуска.
VIII » **Опытъ исторіи мысли новаго времени**, 10 выпусковъ.

Число выпусковъ по каждой серіи можетъ быть увеличено, въ зависимости отъ поступленія въ редакцію неизданныхъ произведеній Лаврова или вновь разысканныхъ статей его въ старыхъ изданіяхъ.

Одновременно съ печатаніемъ сочиненій П. Л. Лаврова, издательство дастъ IX, **дополнительную серію статей о П. Л. Лавровѣ**, куда войдутъ его автобіографія и библіографія,—**4 выпуска.**

Каждая серія представляетъ собой **вполнѣ законченное цѣлое** и будетъ выходить самостоятельными выпусками, около 10 печатныхъ листовъ въ среднемъ каждый выпускъ, со своей собственной нумераціей.

Къ концу каждой серіи отдѣльно издательствомъ будетъ данъ **указатель собственныхъ именъ.**

Предварительная подписка принимается какъ на всѣ серіи сразу, такъ и на каждую серію отдѣльно. Цѣна каждаго выпуска по предварительной подпискѣ отъ 4 до 5 руб., въ зависимости отъ размѣра. При подпискѣ на всѣ серіи вносится задатокъ въ размѣрѣ 25 руб. и при подпискѣ на отдѣльную серію—5 руб., засчитывающіеся при высылкѣ послѣднихъ выпусковъ. Текущіе выпуски высылаются наложеннымъ платежомъ.

Вышли и поступили въ продажу 2 и 3 вып. I серіи, 1 и 2 вып. III серіи и 1 и 9 вып. IV серіи.

Пріемъ заказовъ и подписки принимается издательствомъ «Революціонная Мысль», Петроградъ, Литейный, 21.

Цѣна 5 руб.